

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. А.А. БОРИСЯКА
КАФЕДРА ПАЛЕОНТОЛОГИИ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА
ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО при РАН
СЕКЦИЯ ПАЛЕОНТОЛОГИИ МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ

И.В. Бодылевская

Академик А.А. Борисяк и Палеонтологический институт
в годы войны. 1941–1943 гг.

МОСКВА 2008

ISBN 978-5-903825-03-5

Утверждено к печати Ученым советом Палеонтологического института им. А.А. Борисяка РАН

И.В. Бодылевская. Академик А.А. Борисяк и Палеонтологический институт в годы войны. 1941–1943 гг. Российская академия наук, Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка; под ред. А.Ю. Розанова, А.В. Лопатина. М.: ПИН РАН, 2008. 110 с. (42 илл.).

На основании переписки создателя и первого директора Палеонтологического института академика А.А. Борисяка с коллегами характеризуются деятельность Института и его сотрудников в годы Великой Отечественной войны. Текст сопровождается иллюстрациями соответствующего периода и именным указателем. Книга предназначена всем интересующимся историей отечественной науки.

ISBN 978-5-903825-03-5

Ответственный редактор А.Ю. Розанов
Заместитель ответственного редактора А.В. Лопатин

Редакционная коллегия:
О.А. Амитров, Г.А. Афанасьева, Л.А. Невеская, С.В. Рожнов, Н.В. Сердюк

ISBN 978-5-903825-03-5

© И.В. Бодылевская, 2008
© ПИН РАН, 2008
© А.А. Ермаков (обложка)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие редакции</i>	4
<i>Предисловие автора</i>	6
Разъезд. Лето и осень 1941 г.	7
Академик А.А. Борисяк и фрунзенская группа	12
Пиновцы в Экспедиции особого назначения	25
Алма-Атинская группа	34
Ишимбаевская группа	52
Р.Л. Мерклин	65
А.Н. Сокольская	66
Н.О. Бурчак-Абрамович	70
Московская группа	77
Возвращение. 1943 г.	84
Именной указатель	99
<i>Послесловие редакции</i>	107

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

26 февраля 2008 г. постановлением Президиума Российской академии наук Палеонтологическому институту РАН было присвоено имя его основателя — академика А.А. Борисяка. Дирекция и Ученый совет ПИН РАН ходатайствовали об этом перед Отделением биологических наук в 2007 г., в год 135-летия со дня рождения Алексея Алексеевича. В постановлении Президиума сказано: «В целях увековечения памяти лауреата Государственной премии СССР, академика Алексея Алексеевича Борисяка — выдающегося ученого, палеонтолога-стратиграфа, создателя и главы отечественной научной школы палеонтологии позвоночных, члена Президиума АН СССР, академика-секретаря Отделения физико-химических наук АН СССР, заместителя академика-секретаря Отделения биологических наук АН СССР, члена-учредителя Русского палеонтологического общества, основателя и руководителя Кафедры палеонтологии на Геолого-почвенном факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, создателя и первого директора Палеонтологического (ранее Палеозоологического) института АН СССР (1934–1944 гг.) Президиум Российской академии наук постановил:

«Присвоить имя академика А.А. Борисяка Учреждению Российской академии наук Палеонтологическому институту РАН и впредь именовать его — Учреждение Российской академии наук Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН».

С именем А.А. Борисяка связан решительный поворот палеонтологических исследований в сторону биологии. Последние 15 лет своей жизни (1929–1944 гг.) он целиком посвятил созданию отечественной эволюционной палеонтологии. А.А. Борисяк впервые ввел в практику палеонтологии специализацию по группам ископаемых организмов, что способствовало увеличению точности и эффективности биостратиграфических работ — этот тип специализации исследователей теперь принят во всем мире. Можно без преувеличения сказать, что А.А. Борисяк на десятки лет опередил своих современников в понимании места палеонтологии в естествознании, ее роли в геологических и биологических исследованиях.

Алексей Алексеевич Борисяк был удивительно талантливым палеонтологом и выдающимся специалистом в области геологии и биологии. Как можно заключить из представленных вниманию читателя этой книги писем А.А. Борисяка, он уже в годы Великой Отечественной войны сформулировал основные современные направления исследований в палеонтологии. Следует подчеркнуть — современные! Такое предвидение свидетельствует о подлинной гениальности ученого. И сейчас в нашей стране существует «настоящая», «большая», палеонтология именно потому, что А.А. Борисяк в то время сумел заложить соответствующие основы. Под «настоящей палеонтологией» подразумевается современная наука о прошлом органического мира Земли, способная реконструировать состояние и закономерности развития былых биосфер во всех их проявлениях, а не просто представляющая инструментарий идентификации ископаемых остатков организмов для нужд геологического датирования, как было когда-то. И это дело жизни А.А. Борисяка мы обязаны продолжать.

В здании ПИН на Профсоюзной улице, 123, установлен бюст академика А.А. Борисяка. Официальные мероприятия по присвоению Институту имени А.А. Борисяка не закончатся

торжественным заседанием Ученого совета в 2008 году — этому событию посвящена очередная Научная школа молодых ученых-палеонтологов «Современная палеонтология: классические и новейшие методы», Ученым советом ПИН РАН учреждена высшая научная награда Института — медаль А.А. Борисяка «За заслуги в развитии палеонтологии», будут возобновлены ежегодные чтения памяти А.А. Борисяка.

Несколько слов о представляемой книге и о периоде, который в ней описывается. Автор книги взял на себя важный труд — используя переписку первого директора ПИН с коллегами, охарактеризовать деятельность и настроения сотрудников Института в тяжелейшие военные годы, ставшие последними в жизни А.А. Борисяка. Для немногих ныне живущих современников тех событий это яркие, памятные страницы их жизненного пути. Старшее поколение сотрудников ПИН помнит своих учителей, многие из которых в их письмах предстают на страницах книги. Задача этого издания состояла не только в том, чтобы донести до современного читателя информационные свидетельства очевидцев о тех событиях и людях, но и в том, чтобы передать эмоциональное состояние той эпохи (что позволяет именно эпистолярный жанр) и тем самым сохранить связь времен, преемственность поколений и идей. Купюры, которые в виде многоточий увидит внимательный читатель, не носят цензурного характера, они были продиктованы соображениями краткости и понятности текста и сделаны составителем или, в редких случаях, редакторами. По инициативе редакционной коллегии сотрудниками Института из архивных материалов были подобраны дополнительные иллюстрации соответствующего периода. По просьбе редколлегии О.В. Амитров составил для издания именной указатель.

Книга будет интересна не только нынешним сотрудникам ПИН и людям, связанным с палеонтологией, для которых большинство упоминаемых в тексте фамилий постоянно остаются «на слуху», но и всем тем, кто неравнодушен к истории отечественной науки и судьбам ученых.

А.Ю. Розанов, А.В. Лопатин

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Предлагаемая работа составлена внучкой академика А.А. Борисяка на основании многочисленных писем 1941–1943 гг. сотрудников Палеонтологического института к Борисяку, а также писем самого Борисяка, возвращенных в его семью сотрудниками ПИН, более всего Е.А. Ивановой. Большинство писем шло по почте, проходя обязательную в то время военную цензуру. Часть же писем передавалась с оказией, что позволяло более свободно говорить о событиях. Сохранилось также несколько сотен телеграмм и некоторые другие архивные материалы. Несмотря на то, что письма представляют собой действительные документы того времени, по прошествии шестидесяти лет уже невозможно себе представить и тем более отразить все те трудности, через которые прошли люди, в большинстве уже не молодые. Они находились в глубоком тылу, но работали, тем не менее, в очень неблагоприятных, зачастую полуголодных условиях. Удалось показать лишь очень малую часть пережитого людьми, которые больше всего любили свою научную работу, свой Палеонтологический институт. Они делали все и даже больше для сохранения Института в условиях разбросанности его сотрудников по нескольким городам и экспедициям, и они победили. Сохраненный ими Институт отпраздновал уже 75-летие.

Инициатива автора по написанию серии очерков о работе пиновцев в годы войны встретила серьезную поддержку и заинтересованное внимание со стороны директора ПИН академика А.Ю. Розанова, который предложил объединить очерки в книгу и оказал большую помощь в работе.

Приношу также свою глубокую благодарность всем, помогавшим мне в процессе работы материалами, советами, просто вниманием и выражением участия, столь ценными в наше время. Это сотрудники ПИН В.А. Сытова, А.И. Осипова, О.В. Амитров и Н.В. Сердюк, профессор Горного института А.Х. Кагарманов, а также А.Г. Зинченко, О.Н. Удачина, Д.В. Безгодова и Т.А. Потахина.

И.В. Бодылевская

РАЗЪЕЗД. ЛЕТО И ОСЕНЬ 1941 г.

Палеонтологический институт перед войной и в первые месяцы после начала войны.
Москва в октябре 1941 г.

В 1940 г. исполнилось 10 лет Палеонтологическому институту, основанному академиком А.А. Борисяком. К этому времени Институт уже занимал ведущее место в отечественной палеонтологии. Борисяк принимал энергичные меры к объединению всех палеонтологов СССР вокруг Палеонтологического института. Проводились палеонтологические совещания, в том числе по вопросам преподавания палеонтологии. Стали выходить серийные издания «Палеонтология СССР» и «Палеонтологическое обозрение». Обширные планы строились и на последующие годы. В начале 1941 г. рассматривался вопрос об экспедиции в Монголию. Другая экспедиция в апреле 1941 г. выехала в Тургай. Но все планы были нарушены начавшейся войной.

В своем очерке Е.А. Иванова (1980, с. 22)¹ пишет: «В первые дни войны предполагалось Академию наук СССР эвакуировать в город вузов — Томск, чтобы научная работа не прерывалась. Директор Палеонтологического института А.А. Борисяк создал штаб по подготовке к эвакуации, туда вошли Ю.А. Орлов, И.А. Ефремов, Е.А. Иванова. В основную задачу этой группы входил отбор наиболее ценных коллекций, в первую очередь оригиналов, как позвоночных, так и беспозвоночных, и упаковка их для длительного пути...» Вскоре эвакуацию в Томск отменили и решили, что она будет проводиться в разные города. В середине июля уехал с первой группой академиков в Казахстан (курорт Боровое) академик А.А. Борисяк. Заместителем директора была назначена Е.А. Иванова. 21 июля уехали пароходом ишимбаевцы — группа сотрудников ПИН, которая временно влилась в Башкирскую экспедицию Академии наук. Покидали Институт и другие сотрудники — Р.Л. Мерклин и некоторые технические сотрудники ушли на фронт. Некоторые сотрудницы эвакуировались с семьями по линии своих мужей, а часть семей — по линии Академии в пос. Дюртюли в Башкирии. Оставшиеся сотрудники продолжали укладку коллекций.

16 августа 1941 г. о положении Института в Москве Борисяку в Боровое пишет Р.Ф. Геккер: «Жизнь в Институте протекает спокойно и деловито, благодаря умелому и спокойному вершению дел нашей «дирекции»... и большой спаянности всего остального коллектива. Последний немногим отличается от ленинградского ПИНа. Если Вы сейчас de facto и отсутствуете, Вас все время мысленно проектируешь в нашу среду. Наши оба здания в полном порядке. Единственную зажигательную бомбу, которая, пробив крышу, залетела на музейский чердак, быстро потушили. К налетам и бомбежкам привыкли; если ночь прошла без тревоги — кажется, что чего-то не хватает...»

22 августа 1941 г. Иванова уточняет эту картину: «Мы добились у Президиума принципиального согласия вывезти ценные коллекции музея. Остановка была за тем, куда везти и где хранить. Ефремов предложил воспользоваться одной из штолен заброшенных Каргалинских рудников — они сухие и т° постоянная. К нашему предложению присоединился Ферсман и оба Григорьева для вывоза метеоритов и минералов... По инициативе того же Ефремова ПИН

¹ Иванова Е.А. Палеонтологический институт в годы Великой Отечественной войны. Палеонтологический институт Академии наук СССР. 1930—1980. М.: Наука, 1980. С. 22—24.

совместно со спецкомиссией Ферсмана организует значительные работы в Чкаловской и Молотовской областях. В связи с этими работами Ефремову, вероятно, дадут бронь. В этой экспедиции по «красноцветам» будут заняты почти все наши наличные сотрудники...» (впоследствии она стала называться ЭОН — Экспедицией особого назначения и о пребывании пиновцев в ней будет рассказано отдельно). На этот момент считается, что «Академия остается в Москве», но часть сотрудников уже предварительно выехала на Урал.

18 сентября 1941 г. Иванова продолжает: «Наша жизнь с разных сторон освещена в письмах Орлова, Беляевой и Ефремова. Не буду повторяться... Все вместе переживаем каждый миг жизни Института, дела музея и разлуку с Вами. В сложной современной обстановке никак не можешь решить, что же лучше для Института. Мы все, находящиеся в Москве, «держимся» за нее не по каким-либо особым причинам, а исключительно считая, что если иметь где-то формально аппарат — Институт лучше продержится в системе Академии. А формально Биотделение в Москве — следовательно, и аппарат ПИН¹ в Москве... Хворова пошла в истребительский батальон и на днях уезжает на фронт — молодец! Если бы у меня были ее годы и силы — это лучшее применение теперь...»

Между тем обстановка в Москве быстро меняется, об этом больше всего пишет Борисяку Ю.А. Орлов, тем более, что он часто пользуется оказиями, а не почтой («посылать почтой отсюда — плохо из-за того, что письма валяются в цензуре по две недели и больше»).

15 сентября 1941 г.: «Ефремов, Бишоф и я спим в Музее среди груд ящиков, т. к. у нас мало пожарных. Соответственно этому «переходу на казарменное положение» я больше не стою на крыше своего десятиэтажного дома, где моя комнатка...»

25 сентября 1941 г.: «У нас особых новостей нет, голова работает хуже обычного из-за перегрузки ее войной, хотя и не на фронте. Впрочем, фронт уже надвинулся на Москву, переполненную грохотом артиллерийской канонады при «неудавшихся» налетах и сильно военизированную в смысле автотранспорта и населения, движущегося по улицам... Сейчас опять пошла полоса бомбардировок и временами утомительных (сегодня ночью с 9 ч. вечера до 3-х, местами 5 ч. утра). Правда, в официальном оптимизме Информбюро все самолеты были рассеяны и ни один не достиг Москвы, но над Музеем они летали 5 раз по несколько штук... У немецких бомбовозов очень характерный гул моторов, да впрочем наши-то и не летают во время налетов, когда по самолетам бьют «зенитки». Особенно громко действуют 155-миллиметровые: не только дребезжат и изредка вылетают стекла, но даже толкает воздухом, когда выходишь на улицу!

В Музее холодно, сыро, довольно тоскливый вид имеют голые каркасы скелетов, оставшиеся торчать после съемки костей. Неуютно очень, глаза бы не глядели!

Из Ленинграда вывезли на самолетах Визе, Державина, Шателена, Догеля и еще кое-кого... Но всех нельзя ведь вывезти... При не прекращающейся теперь бомбежке с воздуха и из орудий не знаю, уцелеют ли Преображенские¹ и что с ними будет в случае падения города, которое ожидают в близком будущем, если не случится какое-нибудь неожиданное избавление, как говорит кто-то, «неожиданное чудо»...»

Перечисляя тех, кто, кроме него, сейчас остается в Институте (Иванова, Геккер, Флёров, Добролюбова, Кабакович, Бишоф), Орлов заканчивает: «Жизнь для многих из нас складывается здесь утомительно и непродуктивно. Мешает вся эта возня бесплодная на 95 %, с общими делами, холодище в помещениях, дежурства в качестве пожарных, налеты бомбардировщиков и т. д. Как будет дальше, видно будет, но прогноз скорее всего «так себе»».

Еще через несколько дней, 29 сентября 1941 г., новые сведения, также от Орлова: «На вторичную бумагу о Музее, на этот раз подписанную Шмидтом (24—IX, № 62—4) и стащенную мною в Кремль в тот же день, ответа до сих пор нет. Выяснилось, что все же

¹Родители жены Ю.А. Орлова. (И.Б.)

Академия отправляет на днях баржу в Казань с «остальными институтами» или «остатками» таковых — не помню формулировки. А ведь Шмидт в свое время отказал нам в барже, мотивируя тем, «что все баржи текут, еще подмокнет» и т. д.; «я сам моряк» и «это знаю» и т. д.! ...Светлова нет, молодой человек по фамилии Филиппов, заменяющий Светлова, видимо, далек от содействия нам и ПИН'ом интересуется, как и все здесь теперь — главным образом с точки зрения набора людей на окопные работы и т. п. Музей уложен в ящики со стружкой, приведен в явно пожароопасное состояние, из-за которого Ефремов, Бишоф и я ночуем и спим в сырых, холодных залах Музея, все простужены, с гриппом и t° до 38° , а Академии и дела нет до всего этого. А ведь Шмидт обещал нам пожарных, «специальные бомбоубежища для научной работы» и т. д. До чего нелепое впечатление ненужности для Академии того, о чем мы хлопочем — производит все это... Я уже писал Вам о необходимости поехать в Соликамск и попытаться вывезти оттуда семью: там нечего есть, жена и дети торчат часами в очередях в столовой в ожидании пустой похлебки, уже 2 месяца не видели ни сахара, ни масла и т. д. И жена, и мачеха сбились с ног; дочка из столовой носит отвратных насекомых и т. д.; а главное — нечего есть, уже сейчас, в сентябре...»

Через несколько дней Орлов ночует «дома», мерзнет и снова пишет Борисяку. 7–8 октября 1941 г., ночью: «У нас в Институте по-прежнему; добиться вывоза Музея никак не можем, сегодня послали подписанное всеми нами письмо Швернику, в эффективность которого, по правде сказать, особой веры нет... На улице холод, ветер, слякоть, в музее холодище и сыро, очень там неприятно спать... Ночами часто поднимается такая стрельба из зениток, что не слышно отдельных выстрелов; но около музея ни одной бомбы за это время не брошено — даже зажигательной — и все цело. У меня эти месяцы ушли на возню с консервацией институтских вещей, материалов и людей, на бесконечные переговоры и хлопоты о вагонах, музее, барже и т. д. Особого удовлетворения от такой «деятельности» нет...»

От Д.В. Обручева пришло письмо из Свердловска, он пишет: «Итоги моего двухнедельного пребывания в Свердловске: негде жить, нечего есть, сегодня пришла с базара жена Волгина и расплакалась: «Надо бежать обратно в Москву...»»

Орлов сообщает: «Беляева, Добролюбова, Иванова это время много потрудились над тасканием, сортировкой, прятаньем мебели, ящиков и т. д. Если будете писать сюда, то специально их за эту ломовую работу — особенно Беляеву и Добролюбову, да и Иванову — у ней много другой возни — поблагодарите! (Ну и пальба идет сейчас, стекла дрожат, сплошной гул; а тревоги нет, сирены не воют — значит, можно ложиться спать?)...»

В последующие дни обстановка в Москве кардинально изменилась. Об этом Геккер и Орлов пишут Борисяку, уже сидя в поезде по дороге на Урал, в Экспедицию особого назначения, разумеется, каждый в соответствии со своим характером и своим мироощущением.

22 октября 1941 г., на перегоне Казань-Красноуфимск, Геккер сначала сообщает «дополнительные сведения» о ПИН: «Сокольская... недавно вернулась из калужских мест. Довольна; должна была бы обработать материал до января, но в связи с последними событиями собравшаяся идти к г. Владимиру, где ее дети. Добролюбова с Кабакович занимаются кораллами, Иванова находила время между дел заниматься брахиоподами. Для меня освободили от посторонних вещей и «уютно обставили» зеленью и ковром кабинет Максимовой и Осиповой. Было солнце и в нем стало совсем тепло — страшно бы охотно в нем засел на продолжительную устойчивую работу: кругом тишина, а работать так хочется! В Институте, в особенности в нижнем этаже, и в Музее стоят все наши ящики — с коллекциями, рукописями, книгами: ведь ни один не увезен! Это называется эвакуацией ценностей! А в них все наше ценное, в особенности рукописи и оригинальные материалы.

Музей имеет вид малопривлекательный. В вестибюле, кроме всего прочего, сложены ящики с оригиналами ГИН, которые Меннер решил направлять, куда можно, вместе с нашими музейными ящиками. Вдоль оси большой залы, среди пустых витрин и нетронутых диплодока

и индрикотерия, тянется длинный штабель ящиков... Через вестибюль и эту залу с наступлением темноты приходится пробираться ощупью, ориентируясь на светящуюся щель в двери в квадратную залу. Зато в последней «вечный» свет при заколоченных окнах. Здесь логово: между каркасами скелетов и полупустыми витринами на еще не использованных постаментах, тюках стружек и др. — постели постоянных (Ефремов, Бишоф) и проходящих обитателей. Помещение согревается маленькой спиралью от отражательной печки. В окнах несколько стекол посыпалось от фугаски большого калибра, в одну из последних ночей упавших в Детском парке вблизи от проезда с улицы к Президиуму.

Такова была наша жизненная обстановка в последнее время. Не взирая ни на что, старались выискать в ней наиболее рациональные пути действий и в том находить некоторое удовлетворение...»

В тот же день из того же поезда Борисяку пишет Орлов. Он делает упор на внешнюю обстановку, описывая самый тяжелый день в обороне Москвы. 22 октября 1941 г.: «16 октября Москва пережила тяжелый день. Закрыли метро, не ходили автобусы (их и теперь почти нет): было приказано (устно) «рассчитать» всех рабочих и служащих всех заводов и предприятий и... коммунистам и комсомольцам оставить город; всем вообще способным к пешему хождению идти к 1 ч. дня к Рогожской заставе и по Владимирскому шоссе идти из Москвы на восток. Весь день слышались глухие взрывы — подрывали химические и некоторые другие заводы. Рабочие разгромили мясокомбинат; с кондитерских фабрик работницы растаскивали пудами шоколад и т. д. Дозорцева, Щербаков и другие многие потянулись на случайных подводах и пешком из Москвы, т. к. «срок» 1 час дня обозначал занятие Москвы немцами через три-четыре часа. Все мы оказались «получившими расчет», но ни один из нас не пошел на риск идти в грязь, холод, без всякого продовольствия с собой и без всяких видов на него и на ночлег в дороге, по которой потянулись многие десятки тысяч, женщины с детьми, обозы, автомашины, гурты скота и т. д. и т. д. Часть ушедших (из ПИН'а не было ни одного) стали возвращаться назад через день-два, измученные и чуть живые. В «Нескучном» не оказалось никого; стали звонить по «вертушке» из брошенного кабинета Шмидта в Кремль — никого!!!

Отступавшие через Москву военные части, наводненность Москвы паническими слухами, сожжение всех дел в учреждениях (в ПИН'е и МГУ тоже!!!), закрытие столовых и т. д. — все это являло картину города перед приходом войск неприятеля. При невозможности ехать по железной дороге (площади у вокзалов были запружены беженцами) и полном расчете всех сотрудников всех институтов — в том числе и нашего — для всех нас было ясно, что мы со многими другими оставлены в Москве за невозможностью эвакуировать нас. В этой обстановке, посоветовавшись друг с другом, мы и послали Вам телеграмму с просьбой о помощи нашим семьям (за моей подписью), хотя и понимали, что никакой особой «поддержки» Вы не в силах оказать.

18 октября в телеграмму Ивановой было вставлено сообщение о том, что «положение восстановилось». Потом выяснилось для всего города, что надо продолжать работу и т. д., «самовольно ушедших» «отдать под суд» и т. д. Но ни о каком вывозе Музея и, по-видимому, даже ящиков с Вашими книгами и речи не может быть... Субъективно все это не так страшно, как может казаться со стороны; но, конечно, о «нормальной» работе нашему брату говорить не приходится. Биоотделение имеет весьма жалкий вид, в Академии целые институты никуда не эвакуированные, а «работающие» в Москве не имеют ни уполномоченных, ни вообще научных сотрудников... ПИН, никуда не ушедший пешком, остался на посту и представляет в этом отношении приятное и редкое исключение... Часть людей взяты на окопные работы. Наши женщины (Иванова, Добролюбова, Беляева, Кабакович), по возрасту или здоровью никуда не призываемые, остались в Москве до самого конца, каков бы он ни был... Мне лично оставаться в Москве при моем призывном возрасте и отношении к воинской повинности можно только при условии отступления пешком с котомкой за спиной. Идти на это

нельзя, т. к. у меня нет — и неоткуда взять — запаса продовольствия, нет соответствующей обуви и т. д. и т. д. Идти на это значит идти на авантюру. Поэтому пока я решил, что правильнее следовать совету Е.А. Ивановой и других товарищей и выехать на работу в спец. Экспедицию — буде таковая вообще не провалится. Тогда я дольше сохраниюсь для ПИНа и он для меня...»

Орлов и Геккер выехали из Москвы 19 октября. На тот момент им еще не было известно, что как раз в середине октября было общее постановление Совета по эвакуации при Совнаркомом СССР об эвакуации Академии наук. С 18 по 25 октября утверждались все списки на эвакуацию, окончательно это было сделано Советом 29 октября. Об этом Иванова сообщила Борисяку и другим ранее уехавшим сотрудникам уже гораздо позднее. 25 октября выехал на Урал Ефремов, остальные сотрудники, переходившие на работу в ЭОН, выехали еще раньше.

11 ноября 1941 г. Иванова писала Борисяку в Боровое: «Из телеграммы Вы знаете об эвакуации... Работа сейчас кипит. Мужчины наши все уехали еще до эвакуации, но женщины все замечательные. Особенно высоко я стала ценить теперь Елизавету Ивановну <Беляеву> — это исключительный человек для Института!...»

В ноябре упакованные ранее ящики с наиболее ценными материалами были доставлены на станцию и 26 ноября отправлены в Алма-Ату. Однако многое оставалось на местах. Затем Институт был «приведен в состояние, годное для длительного хранения» и 29 ноября Институт, а 1 декабря — Музей в присутствии комиссии Академии наук были переданы на хранение уполномоченному ПИН в Москве Т.А. Добролюбовой и Н.В. Кабакович. Оставались также пожарники в Музее. Обо всем этом Иванова писала тоже уже из поезда, которым они с Беляевой выехали из Москвы 4 декабря, направляясь в Алма-Ату. Наступил новый этап для московского ПИН, о чем будет сказано ниже.

АКАДЕМИК А.А. БОРИСЯК И ФРУНЗЕНСКАЯ ГРУППА

Борисяк в Боровом. Переезд во Фрунзе и работа по Биоотделению.

«Медленное перемещение» сотрудников ПИН во Фрунзе.

Борисяк — уполномоченный АН по Киргизии. Переписка Борисяка и Орлова о месте палеонтологии и планах на будущее.

Алексей Алексеевич Борисяк выехал из Москвы 16 июля 1941 г. в Казахстан, курорт Боровое (Акмолинская область). 17 июля он пишет дочери с дороги: «Совершенно неожиданно... накануне отъезда детского эшелона Академии в Боровое Шмидт предложил группе академиков ехать с этим поездом. И вот мы едем очень хорошо в мягком вагоне...» 19 июля он продолжает: «Едем третий день, утром прошли Киров (Вятку), завтра надеемся добраться до Перми... В поезде 700 детей академических служащих и в нашем вагоне — семь семей престарелых академиков... У Вернадского с собой карта, и мы следим за географией...»

Ехали восемь дней, и первое письмо Борисяка по прибытии — Ю.А. Орлову, ближайшему единомышленнику и практически заместителю директора. 25 июля 1941 г.: «Доехали мы очень хорошо, и здесь очень хорошо, если бы не крайне примитивные условия существования... Чем далее, тем все более мне кажется правильным — для сохранения Института — образование его филиала в Алма-Ата, как мы подавали бумагу Шмидту. Если есть еще возможность, непременно двигайте это дело. Туда бы следовало бы вернуться и Михайлову, и ишимбаевцам осенью, и наконец оставшимся в Москве. Наконец, Вы могли бы перетащить туда и меня...

По-моему, это самое главное и основное. Что переживает сейчас Академия, мы конечно не знаем. Здесь же мы решили жить «организованно», как «учреждение», поэтому мы образовали «группу» под председательством самого старого — Гамалеи (он — толковый); посылаем на утверждение Президиума, предполагая, что это облегчит всякие сношения и, главное, финансовые дела — высылку зарплат и тому подобное.

Видите ли Вы Шмидта (или его замещающего)? Держит ли он Вас в курсе общеакадемических дел? Это очень важно. Если видите, передайте ему то, что я написал. Надеюсь, он одобрит нашу «организацию», может быть, внесет поправки, но главное — мы — кусочек Академии, которая здесь работает...»

Курорт Боровое оказался санаторным комплексом для туберкулезных больных. Алексей Алексеевич, всегда очень чуткий к природе, пишет в начале сентября 1941 г. Е.А. Ивановой: «Здесь — если отвлечься от людских неурядиц — поразительно хорошо. Великолепная природа — «глядишь и не наглядишься» на красоту здешних озер, не уступающую какому-либо Лаго-Маджиоре; замечательный воздух, какого я не встречал нигде, — в нем соединяется аромат бора и степи, которые смешиваются, борясь за обладание боровскими сопками — дышишь и не надышишься... В самом деле, я уже испытал на себе благотворное воздействие всех этих благ, так как за этот месяц совершенно освободился от неврастения. А прогулки по лесным тропинкам, по всхолмленной почве, если тут долго жить, — несомненно, ослабили бы и мою одышку. Я испытываю большую радость, что я опять в дикой (вернее, полудикой) природе и даже пробую ходить без тропинок, чтобы позволить старым ногам вспомнить былое удовольствие «уметь ступать» по неровностям почвы...»

Академики, первоначально размещенных в отдельных домиках, на зиму должны были перевести в корпус, только что освобожденный от больных открытой формой туберкулеза. Борисьяк, болевший туберкулезом со студенческих лет, хорошо знал, чем грозит ему такой контакт, и очень этого опасался. В другом письме, Е.И. Беляевой, он пишет: «Здесь замечательная природа и великолепный климат, но, к сожалению, все загажено человеком, всюду плевки-бациллы, даже вода в огромном озере заключает коховские палочки. Скорей бы отсюда». Кроме того, в Боровом у Борисьяка не было возможности работать. Но больше всего его беспокоила судьба Палеонтологического института, сотрудники которого оказались разбросаны в самых разных местах страны.

Уже в августе 1941 г. Борисьяк писал в Биоотделение о необходимости организовать Отделение ПИН при Казахском филиале АН, так как уже много лет Институтом велись раскопки на территории Казахстана. Однако Алма-Ата очень быстро переполнилась эвакуированными. Борисьяк писал и телеграфировал в Казань, где находился Президиум АН, вероятно, то же делали и другие директора институтов, и в конце ноября 1941 г. в Боровом стало известно, что все учреждения Биологического отделения АН направляются во Фрунзе, где отводятся помещения для пяти институтов и лабораторий. В Боровом получили прямой вагон для академика А.Н. Баха и находившихся там сотрудников двух его институтов. В этом же вагоне выехал Борисьяк. 5 декабря 1941 г. он прибыл во Фрунзе. 15 декабря он пишет: «Приехавшие 5 институтов (около 100 сотрудников) пока далеко не устроены, масса устроительской работы, но я рад, что вырвался из гнетущего безделья Борового...»

Надо сказать, что Борисьяк еще в 1939 г. был избран заместителем академика-секретаря Биоотделения, поэтому именно на него в значительной мере легла организаторская работа. Усилиями Борисьяка уже в декабре 1941 г. состоялось общее собрание сотрудников Биоотделения, находящихся во Фрунзе. Сложнее было с сотрудниками ПИН. Об их направлении во Фрунзе Борисьяк начал хлопотать еще из Борового, как только узнал, что Биоотделение направляется туда. Но почта (даже телеграммы) шла очень долго, в это время в Москве были приняты новые решения, и ПИН был эвакуирован (конец ноября — начало декабря) в Алма-Ату, где заместителем директора стала Е.А. Иванова.

Приехав во Фрунзе, Борисьяк узнал о постановлении Президиума АН от 29 октября 1941 г. об эвакуации ПИН в Миасс. Об этом ему сообщил академик П.И. Степанов, находившийся в Свердловске. В постановлении также говорилось, что поскольку «большинство геологических учреждений АН находится на Урале, включить ПИН в состав Геоотделения». Для Борисьяка, всю жизнь положившего на доказательство того, что палеонтология — одна из биологических дисциплин, наука об истории жизни (а не «служанка геологии»), это было тяжелым ударом. Однако еще с юношеских лет Борисьяк умел твердо проводить свою линию, а в научных спорах терпеливо отстаивать свою позицию и идти намеченным путем, несмотря ни на что. Понеслись письма и телеграммы, заверяющие, что ПИН эвакуирован не на Урал, а в Алма-Ату.

Определенно высказался за Среднюю Азию И.А. Ефремов, который находился в тот момент как раз на Урале, и Борисьяк в ответном письме просит его помочь П.И. Степанову «ликвидировать кошмар Миасса». Поддерживающая Борисьяка телеграмма пошла в Президиум АН от группы академиков из Борового. В феврале 1942 г. Е.А. Иванова пересылает Борисьяку телеграмму, пришедшую в Алма-Ату из Казани: «ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ДОГОВОРЕННОСТИ НА МЕСТЕ ОСТАЕТСЯ АЛМА-АТА ТЧК ИНСТИТУТ СОХРАНЕН СОСТАВЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ = ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ ШМИДТ».

Между тем, все это время Борисьяк вместе с уполномоченным АН по Киргизии Х.С. Коштоянцем ведет активнейшую работу во Фрунзе, проводя через Отделение и все ПИНовские документы.

19 декабря 1941 г. он пишет Ивановой: «Меня беспокоит также дальнейшее: планы и сметы будущего года. Директив нет, поэтому здесь самостоятельно проводим кампанию. Сегодня

рассматривали наметку штатов (положение людское приехавших институтов); завтра и послезавтра будем рассматривать планы и штатное расписание. Я включил и ПИН, чтобы не опоздать». О планах: «По сношению с местным Геологическим Управлением выяснил крайнюю нужду (нефтяные и соляные месторождения, тектоника — строительство плотин) выяснения стратиграфии мезозойских, третичных и четвертичных континентальных отложений, где только позвоночные, насекомые и растения. Последние берет Криштофович (Ташкент), остальные можем сделать только мы... Палеоэкология нужна для выяснения характера очень своеобразных соляных залежей. Все эти вопросы — точно по заказу приготовлены для нас...» В продолжение этой темы 29 декабря Борисяк пишет, что здешнее (Киргизское) Геолуправление хочет подавать бумагу в Киргизский СНК, «чтобы нас взяли во Фрунзе». Но Борисяк снова это задерживает, ведь идет ориентация на устройство в Алма-Ате. «План уже прошел по Отделению; при обсуждении его были голоса, что обязательно надо требовать перевода ПИН во Фрунзе, но я отвожу тем, что жду телеграмму от Шмидта... С планами шести учреждений Отделение сидело 3 дня, очень детально обсуждались, и по существу, — куда лучше, чем в Москве. Все время подчеркивалось о необходимости сохранения основной теоретической работы... Пока проводились две линии нашей работы — сельхозная и медицинская; я постараюсь ввести третью — геологическую... Было заседание Отделения, посвященное медицинской линии, очень многолюдное (здесь местный институт и Харьковский), оживленное. Обратило на себя внимание и СНК. Уже имеются практические выводы. Вообще я доволен больше, чем в Москве... Кроме научной стороны, приходится заботиться о быте — вчера ходил по наркоммам за... керосином, мылом и проч. Пока в жизни сотрудников много тяжелого, но большой подъем в работе, дело налаживается; по-видимому, для многих из лабораторий здесь будет хорошо. Так хочется, чтобы это относилось и к нашему Институту!» Конечно же, Институт — самое главное для Борисяка. Собственно, именно ради Института он никогда не отказывается от административной работы по Биоотделению, с которой, кстати весьма неплохо справляется. В семье сохранилась легенда о том, что, когда, год спустя после смерти Алексея Алексевиича, главе Биоотделения академику Л.А. Орбели поручили какую-то новую большую работу и спросили, чем бы могли ему помочь, Орбели ответил: «Верните мне Борисяка».

Сейчас, в начале 1942 г., Борисяк делает все, чтобы помочь Ивановой устроить ПИН в Алма-Ате — от телеграмм и писем высшим должностным лицам — как академическим, так и местным казахстанским, до статьи в местную газету. Чтобы заинтересовать казахстанскую общественность в пребывании ПИН в Алма-Ате, Борисяк кратко и несколько упрощенно излагает задачи Института так: «Разработка основных проблем биологии на палеонтологическом материале с целью создания прочной базы для биостратиграфических работ...» Далее Борисяк отмечает, что Казахстан представляет особый интерес по своим местонахождениям остатков млекопитающих. В этом материале заинтересованы и американцы, которые уже вывезли из других частей Азии коллекции огромной научной ценности. Но согласие на приезд американцев в Казахстан обрекло бы на вывоз за границу половины добытого материала. Поэтому весьма выгодные предложения заокеанских специалистов были отклонены «в уверенности, что мы справимся с этой работой сами». Своей статьей Борисяк старался помочь Ивановой и Беляевой, которые с невероятными трудностями устраивали ПИН в Алма-Ате в пункте его официальной эвакуации. В других случаях одиночные, оторванные от Института лица нигде не оставались без внимания Борисяка и без его участия вплоть до материальной помощи им из его собственных средств. Об этом, много лет спустя, со слезами рассказывали сотрудницы ПИН автору этой работы.

25 января 1942 г. Борисяк снова пишет Ивановой о работе Биоотделения: «В пятницу было публичное заседание Отделения о наших работах по витаминам; докладывали Мейсель, Энгельгардт, Михлин. Была масса народу, посторонних профессоров и врачей. Положительно мне нравится все более дух здешней жизни Отделения...» Все это вполне согласуется

с установкой Президиума АН: «Институты не теряют свое лицо, а лишь максимально отдают практике свои достижения...»

Вся зима проходит в интенсивной переписке с Е.А. Ивановой об укоренении ПИН в Алма-Ате, о возможностях г. Фрунзе, вернее, его окрестностей для поселения и полевых работ в Киргизии, о том, куда вызывать сотрудников, оканчивающих работы в Экспедиции особого назначения на Урале. Конечно, продолжается и научная работа Борисяка. В апреле 1942 г. он пишет Ивановой, что на днях читал «популярную лекцию «В. Ковалевский — основатель эволюционной палеонтологии» — тут все наши читают в связи с открытием нашей Дарвиновской выставки. Коснулся развития палеонтологии после Ковалевского, до наших дней — до нашей работы... Хотелось бы напечатать, чтобы хотя бы этим отметить столетие его рождения (октябрь 1842 г.). Хорошо бы устроить осенью заседание ПИН с докладами» (статья вышла в «Природе», № 7-8, 1942 г., под заголовком «Владимир Ковалевский и его наследие»).

Какое-то время считалось, что весной Борисяк получит в Алма-Ате квартиру и переедет туда. Однако на весеннем общем собрании Академии уполномоченный АН по Киргизии Х.С. Коштыяңц не был переизбран в бюро Биоотделения. Вместо него избрали Бушинского¹, который оставался работать в Москве. После этого Борисяк уже не мог покинуть Фрунзе, поскольку этим он подвел бы институты, находящиеся здесь. Борисяк писал дочери 22 июня 1942 г.: «Комаров не хочет, чтобы я бросил Бюро отделения (во Фрунзе). Поэтому сюда будет переведена часть сотрудников... остальные останутся в Алма-Ата...» И ровно месяц спустя: «Я писал тебе, что Комаров решил перевести ПИН во Фрунзе и выстроить саманные домики для жилья. На это в начале июля должен был Президиум дать денег. Но Комаров застрял на месяц в Алма-Ата, и я боюсь, что стройка провалится, а бедные пиновцы, которые теперь уже наполовину без крова, разбегутся...» Это последнее выражение — конечно, результат всегда свойственной Алексею Алексеевичу иронии. Но дело в том, что помещений во Фрунзе еще не было, а слухи о том, что ПИН переезжает во Фрунзе, уже распространились среди алма-атинского начальства, и сотрудникам отказывали в жилье, снабжении и тому подобном. И снова Борисяк пишет и телеграфирует должностным лицам в Алма-Ату с просьбой «оказать содействие» остающейся в Алма-Ате группе сотрудников в размещении, организации работы, питании и снабжении; «оказать всемерную помощь», «обеспечить минимальными условиями для работы» и так далее.

В конце июля Борисяку исполнилось 70 лет. «На этой неделе праздновали мое семидесятилетие, — пишет он дочери, — от всякого торжества я отказался, но поздравлений и телеграмм было порядочно. А главное, была масса цветов, которые радовали Маму, и подношений в виде яблоков, только что поспевших...»

Наконец, Институту выделили во Фрунзе помещение около 100 м² на Плодоовощной станции, в 4 км от города, на ст. Пишпек. Но там нужно было делать перегородки и двери. Медлительность и нерасторопность академических служб волнуют и возмущают всегда очень организованного Борисяка. Много раз он повторяет, что дела с устройством ПИН во Фрунзе идут очень медленно. «Беда в том, что для столовой получили 40 свиней и 60 ягнят, и все силы хозяйственников идут на то, чтобы они... не сдохли», — пишет Борисяк, затем зачеркивает «сдохли» и исправляет на «погибли», — одно это показывает степень его раздражения. В конце концов, переезжающие из Алма-Аты семьи заселяются в единую стометровую залу, разделенную всего лишь занавесками.

В конце августа Борисяк сообщает ведущим сотрудникам своего Института, в том числе Ивановой, что «от нас требуется крупная солидная статья «Палеонтология за 25 лет»... Я хочу слышать свежий голос о том, чем была палеонтология беспозвоночных до революции и какой стала теперь... буду очень признателен... всем сотрудникам, кто захочет внести свою

¹ Заместитель академика-секретаря Биологического отделения АН. (И.Б.)

Открытка А.А. Борисьяка М.А. Борисьяк.

лепту в эту крайне важную и интересную работу — подведение итога за 1/4 века, что дала наука строительству, а что дал советский строй науке».

В этой работе, вышедшей немного позже, Борисьяк отмечает, что, когда в 1920-х годах бурными темпами стала развиваться геологическая съемка, «пришлось срочно создавать новые кадры из молодых работников... и их работу строить по-новому, как коллективную работу специалистов по различным группам...» Этот опыт имел ряд преимуществ, по сравнению с тем, когда геолог сам обрабатывал весь свой материал. Затем «практика обслуживания геологии по мере углубления ее требований вела палеонтологов к постановке биологических тем... Таким образом возник Палеонтологический институт в Биологическом отделении АН СССР — первый и единственный в мире коллектив, планомерно разрабатывающий биологическую тематику на ископаемом материале».

Далее Борисьяк оптимистически оценивает не только уже проделанную работу, но с уверенностью смотрит вперед. Он говорит, что палеонтология из скромной подсобной геологической дисциплины встала на путь развития в крупную биологическую науку, ко-

торая обещает полнокровно развернуть наши возможности и служить нашему строительству по всем доступным ей линиям. Создание палеонтологии как биологической дисциплины и есть главное достижение этой науки за истекшие 25 лет. Все это написано в самый тяжелый год войны, далеко от Москвы в отрыве от большинства сотрудников, разбросанных по городам и весям, в очень тяжелый и для Института, и лично для Борисяка период.

В сентябре 1942 г. Алексей Алексеевич понес тяжелую утрату — скончалась его жена Александра Николаевна. Верные ученики Орлов и Геккер несколько дней буквально не отходили от него ни днем, ни ночью.

Вскоре на полтора месяца уехал уполномоченный АН по Киргизии Х.С. Коштоянц, и Борисяк пишет дочери: «По утрам... исполняю его обязанности — решаю вопросы о передаче печек, звоню куда следует о недоданном килограмме конфет и прочее. Голова пухнет за те 2—3 часа в день, когда меня осаждают просители, но зато некогда думать. Днем и ве-

Письмо А.А. Борисяка И.В. Бодылевской.

чером довольно усердно работаю...» Все осложняется тем, что квартира Борисяка находится очень далеко от центра, имеется только линейка «в одну лошадиную силу», очень тряская для больного позвоночника Алексея Алексеевича (с 1915 г. он носил специальный корсет для поддержки спины).

Только однажды «было нарушение моего однообразия: вечером, в течение часа, происходил антифашистский радио-митинг, под председательством Баха, и я в числе других именитых случайных жителей Фрунзе (Шапорин, Лавренев и другие) должен был выступать. Первый раз был в студии. Туда и назад нас развозили в шикарном трофейном автомобиле...»

Сотрудники ПИН «медленно перемещаются» из Алма-Аты во Фрунзе. Хуже обстоит дело с имуществом. «Когда весь груз доставили на станцию (а там все личное имущество сотрудников и коллекции Музея — Северо-Двинская галерея!), то оказалось, что вагонов нет, а только платформы, причем нет стоек и проволоки, чтобы оградить платформы, а ящики мелкие, могут растеряться от качки вагонов...» Ящики простояли в Алма-Ате несколько недель, «несмотря на десяток молний». Наконец вагоны нашлись, но во Фрунзе трудности продолжились.

22 ноября 1942 г. Борисяк пишет: «Я по-прежнему мечусь по административным делам — по устройству своего Института и по устройству всех шести наших институтов. Устаю до головокружения от всяких неполадок и трудностей, и потому почти ничего не работаю. Как все трудно, можно видеть из того, что пришедшие ящики ПИН`а больше месяца (!) лежат на платформе и мы не можем перевезти их на склад. Масса формальных препятствий, на борьбу с которыми уходят последние силы, а настоящих работников очень мало...»

2 декабря 1942 г.: «Я по-прежнему занят по горло, бьюсь как рыба об лед, чтобы отеплить (получить торф) и накормить (заготовки) 350 человек (сотрудники с семьями). Пока всем холодно и голодно...» В декабре во Фрунзе приехал А.Г. Вологдин, «который хочет работать в ПИН`е. Он очень энергичен и поможет мне в устройстве ПИН`а...»

Так кончился 1942 г., а с 1 января 1943 г. Борисяк официально назначен уполномоченным Президиума АН по Киргизии. И хотя это очень трудно — Борисяку идет 71-й год — отказаться нельзя, он — единственный член бюро Биоотделения. И вновь письма в Президиум, в аппарат АН, страшно далекий от Фрунзе, далекий во всех смыслах этого слова, письма о том, что здесь «нужен не просто хозяйственник, а помощник уполномоченного с небольшим аппаратом. Вы представить себе не можете, как трудно сейчас работать по устройству хотя бы только быта работников... Мы сидим без топлива, т. к. у нас нет транспорта, чтобы привезти предоставленный нам торф. Необходимо получить фонды из Москвы на дрова или саксаул; без этого СНК Киргизии не может нам дать... Одно из главных наших зол — отсутствие транспорта — тут нет ни трамваев, ни автобусов, а расстояния большие — я живу от центра в 4-х километрах. Имея туберкулез позвоночника, не могу ездить на трясухой линейке (других экипажей нет)... СНК здесь даст машины, если мы будем иметь бензин и резину...» — варианты этого письма были посланы в Президиум и отдельным должностным лицам. Но машины так и не дали до конца эвакуации, остальное, вероятно, как-то наладилось.

О том, сколь разносторонней была деятельность Борисяка на посту уполномоченного, и как внимательно он относился даже к мелочам, говорит сохранившееся распоряжение по работе академической столовой: «Для поддержания служебной дисциплины в учреждениях АН во Фрунзе предлагаю открывать выдачу обедов в столовой с 3-5 часов исключительно для домохозяек и домработниц. Сотрудникам АН, получающим обед лично, выдачу обедов ограничить временем с 5-6 часов». (Когда-то, за 20 лет до описываемого времени, Борисяк писал совсем молодой тогда дочери в ответ на какой-то ее упрек: «Да, я «обстоятельный», потому что иначе я не попадал бы в тысячи своих заседаний». Казалось бы, парадоксально...) Или, например, другое обращение в Президиум, причем Борисяк не просто подписывал, а сам сочинял эти бесчисленные бумаги, часть которых сохранилась в его архиве. 20 января 1943 г.: «Прошлогодний опыт показывает, что рассчитывать исключительно на помощь местных

организаций в деле снабжения сотрудников Академии продуктами питания, топливом, ремонтом квартир и так далее не приходится. С другой стороны, содержать хозяйственный аппарат без его утверждения Президиумом, а также без соответствующих кредитов на хозяйственные расходы, без небольшой хозяйственной базы, где можно было бы поставить на откорм животных (имеем свиней и овец, которые совершенно не обеспечены нормальным уходом) и без транспорта ни в коем случае не возможно... Прошу поэтому Президиум в срочном порядке...», — и далее следует ряд пунктов, из которых наиболее интересен п. 3: «Дать разрешение на организацию собственной небольшой хоз. базы, где можно было бы содержать откармливаемых животных, поставить транспорт, развести огород, иметь складские помещения и так далее».

В январе 1943 г. Ю.А. Орлов, бывший летом во Фрунзе и на полевых работах в Киргизии, уехал в Свердловск, а позже в Москву вместе с Московским университетом. Переписка между Орловым и Борисяком теперь стала носить не только административно-хозяйственный и бытовой характер, но и затрагивать вопросы о месте палеонтологии в современной науке.

В связи с выдвижением на Сталинскую премию Борисяк пишет Орлову 1 февраля 1943 г.: «Спасибо за телеграмму о месте пребывания Президиума и о премии. Из последнего ничего не выйдет, пришла телеграмма, что кандидаты без рукописей не рассматриваются (подчеркнуто Борисяком). А рукописей под руками лишних нет, да и прошли все сроки... В комиссии по премиям атмосфера тяжелая и я (для себя) рад выпасть, и если не отказался категорически, так только потому, что это было бы полезно для палеонтологии, если бы удалось».

25 февраля 1943 г.: «Очень признателен Геологическому Отделению за поддержку моей кандидатуры, но я уже писал Вам, что она снята из-за непредоставления рукописей...»

22 марта 1943 г. Борисяку была присуждена Сталинская премия II степени за многолетние выдающиеся работы в области науки и техники. Сразу же во Фрунзе понеслось множество поздравлений, в том числе с победой всей палеонтологии. Горный институт, эвакуированный в Черемхово (Восточная Сибирь) телеграфировал: «ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС, СВОЕГО ПИТОМЦА... ВАШИ ТРУДЫ, ВАШИ ЗАСЛУГИ ПЕРЕД РОДИНОЙ СЛУЖАТ ИНСТИТУТУ ОБРАЗЦОМ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ПИТОМЦЕВ ГОРНОГО».

«РАДУЕМСЯ ПОБЕДЕ ПАЛЕОНТОЛОГИИ».

«ПОЗДРАВЛЯЕМ В ВАШЕМ ЛИЦЕ СОВЕТСКУЮ ПАЛЕОНТОЛОГИЮ».

Открытка палеонтолога А.Н. Иванова из Ярославля — вполне в духе времени (23 марта 1943 г.): «Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич! Искренне рад поздравить Вас с присуждением Вам Сталинской премии. Думается, что все любящие палеонтологию радуются этому. Нельзя не выразить также удовлетворения по поводу того, что в сводных статьях и докладах, подводящих итоги развития Советской биологии и геологии за 25 лет, отмечаются большие достижения Советской палеонтологии и Палеонтологического института, созданного и руководимого Вами... И все это в годину тяжкой, кровавой борьбы с гитлеризмом».

Благодаря коллег за поздравления, Борисяк пишет Орлову 28 марта 1943 г.: «Несмотря на непредставленные рукописи все же присуждение состоялось — нашли место среди других стариков «по совокупности»... Мне бы, конечно, приятнее было пройти по специальности. Деньги отдал на оборону».

И в этом же письме — ярый отпор тем, кто начал «новую кампанию» против ПИН: «Как эти люди не понимают, что вся суть ПИН'а в том, что он в Биоотделении: этим советская палеонтология поднята на большую теоретическую высоту, становится самостоятельной биологической наукой и, таким образом, может не только гораздо лучше обслуживать стратиграфию (это уже доказано нашими работами), но и одновременно принять участие в разработке биологических проблем. То есть дает maximum, что может дать эта наука.

Они этого не понимают, и все хотят вернуть ее в захудалую служанку геологии, откуда с таким трудом удалось ее вытащить. В этом — главная «моя заслуга», в этом задача моей

жизни; если ПИН переведут в Геологическое отделение, я уйду из ПИН а... И какая ерунда, будто все дело было в Архангельском. Споря с ним о палеонтологии, я до конца оставался с ним в хороших отношениях. Последний наш разговор с ним был таков: он крепко жал мне руку и с волнением говорил, как он уважает меня за то, что я так стойко отстаиваю свое мнение. Дело не в личных отношениях, а в системе».

В ответном письме из Свердловска Орлов высказывает свое понимание вопроса о месте палеонтологии. 27 апреля 1943 г.: «Получил Ваше письмо от 28 марта, в котором Вы пишете о Вашем «Верую» по поводу палеонтологии и положения нашего Института в системе Академии Наук. Конечно, Вы правы, и меня агитировать за «биологическую» палеонтологию не приходится. Институту в смысле своей тематики и развития палеонтологии как биологической дисциплины лучше быть среди биологов, а не геологов. Но с палеонтологией происходит примерно то же, что 30-40 лет тому назад — с физической химией; или несколько позже — с гистологией: сама по себе наука принадлежит одному циклу наук, а нужна она — по практическому применению — работникам другого цикла. Так, гистологию упорно вытягивал на биологическое русло Заварзин, которого порицали за гистологию беспозвоночных медики, то есть за ту сравнительную гистологию, за которую его давно следовало бы сделать академиком. А физическая химия страдала, так как была «пограничной» наукой между двумя другими. У палеонтологии имеется и эта пограничность (между науками геологического и биологического цикла) и то, что «потребитель» товара геолог, а не биолог... Я считаю, что для удержания ПИН а в составе Биоотделения и для восстановления и развития Позвоночного музея нужны большие, для последнего дела — героические усилия. (Для их ликвидации, с другой стороны, достаточно одной 500-килограммовой бомбы с фашистского самолета, что чуть не произошло 15-X-1941)...» (подчеркнуто Орловым).

Собственно говоря, идею о создании, даже постройке специального здания для музея и научно-исследовательского Палеозоологического института вместе, Орлов вынашивал, по крайней мере, с середины 30-х годов, о чем тогда же писал Борисяку. Осуществить эту идею удалось лишь несколько десятилетий спустя.

А во Фрунзе весной 1943 г. Борисяк продолжает излагать свои соображения. 15 апреля 1943 г.: «Жалко, что моя премия не была использована как следует для палеонтологии. Я имею в виду статьи в газетах и в академических изданиях, разъяснение значения тех или других работ, — в данном случае, создание нашей биологической палеонтологии. Это сделано было для некоторых других дисциплин. Такая пропаганда была бы очень нужна нам».

В апреле 1943 г. пришло распоряжение о возвращении в Москву в мае, но ввиду необходимости провести намеченные полевые работы, переезд был перенесен на осень. Опять понадобилась большая переписка по этому поводу.

С приехавшим с комиссией Д.В. Наливкиным решается вопрос об открытии во Фрунзе Киргизского филиала АН. Для этого было выделено прекрасное двухэтажное здание в центре Фрунзе (ул. Дзержинского, 38). Первоначально было открыто четыре института, в том числе Геологический. В большом зале при филиале с 25 мая 1943 г. ПИН получил для работы свое помещение, «которое вызывает, конечно, целую гамму чувств у пиновцев — от радостного и жизнерадостного до унылого и ворчливого...», — это Борисяк пишет Орлову в конце мая. Сообщает он и о неприятных моментах — об упущенных ввиду несвоевременного приезда некоторых сотрудников с трудом найденных комнатах и «о другом нашем несчастье: собака в препараторской взбесилась, и теперь почти весь ПИН прививается».

Ю.А. Орлов вернулся в Москву вместе с МГУ в мае 1943 г. Москва действует ободряюще, и Орлов пишет 13 июня 1943 г.: «В Москве открыты и работают Музей Дарвина, Ленина, Революции, Планетарий и ряд других. Об «открытии» нашего сейчас нечего и говорить, но о скорейшем его восстановлении в прежнем виде и о возобновлении в нем работы необходимо подумать теперь же. Может быть и так, что возобновление работы надо будет начать до

восстановления всего ранее бывшего. Не следует забывать, что Киев и Одесса ограблены немцами, что немцы уже! поставили раскопки на территории Украины — как палеонтологические, так и археологические (между прочим, выпустили роскошное издание «Новгородские древности»), и что после смерти Рябинина, Гартман-Вейнберг, Аргиропуло, Петрова, заключения в тюрьму Богачёва, отхода от палеонтологии позвоночных (фактически — так) Меннера и Хабаркова, не говоря уже о ранее умерших Алексееве и Хоменко — круг лиц, причастных к палеонтологии позвоночных, уменьшился до минимума, а ПИН стал единственным местом, где она либо должна возродиться, либо, при полном к ней безразличии (а, в лучшем случае, платоническом сочувствии) и Био-, и Геоотделения — погибнет. Тут нет никакого пессимизма, в этих словах, а просто констатирование того, к чему пришла эта ветвь палеонтологии силой обстоятельств, военных ли, довоенных ли, безразлично... Хотелось бы, чтобы Вы уделили этому внимание — на время размышлений перевоплотившись из Уполномоченного по Киргизии, по реэвакуации и так далее — просто в того специалиста по палеозоологии позвоночных, по призыву которого и другие, и я, собрались около Вас во имя именно палеонтологии позвоночных...

Мое впечатление таково, что нам надо при первой возможности двинуть вперед Музей, но как именно — это надо обдумать».

Через несколько дней Орлов снова возвращается к этой теме — после разговора с крупнейшим специалистом — организатором ЦНИГРМузея в Ленинграде — академиком Павлом Ивановичем Степановым. 17 июня 1943 г.: «По музейской линии мне довелось говорить на днях с П.И. Степановым. В разговоре П.И. просил передать Вам вместе с его приветом, что он хотел писать Вам; не сделал этого по болезни и просил сообщить следующее. Осенью будет сессия. К осени необходимо подготовить «узловые» и основные вопросы, требующие специального внимания и поставить их перед Президиумом и научной ответственностью. Многие институты и Академия в целом за время войны растеряли многое, «растерялись» в обстановке войны если не формально, то по существу, потеряли свое лицо, профиль и так далее. К осени надо тщательно продумать и подготовить то, что надо конкретно делать по восстановлению пострадавшего прямо или косвенно в войне. Относительно музеев, в частности, П.И. ни минуты не сомневается в необходимости срочного возобновления работы в них и в нашем, в частности.

Обдумывая сам вопрос о том, что же надо сделать для поддержки палеонтологии позвоночных, я понимаю, что ничего, конечно, полностью и принципиально нового здесь не выдумаешь. Но необходимо очевидно осуществлять то, что намечалось и частично выполнялось и ранее, хотя бы и в недостаточной степени.

1. Должно быть какое-то Ваше выступление по позвоночной линии и какое-то (хорошо бы) о наших достижениях и перспективах. На этом, видимо, сходятся и Степанов, и Брицке (вчера последний говорил мне: «Лишь бы Ваш овцебык, подобно мамонту, не оказался простым быком или коровкой!» На это я ему ответил, что это было бы еще интереснее для таких широт!). Мы осенью не можем показать никому Музея, он едва-едва вылезет (если вылезет) из ремонта. Но может быть и можно бы что-нибудь показать из позвоночного (хорошо бы из сборов последних лет). Если бы дали столик где-нибудь в зале, то пару костей «покрасивее» из экспедиции на Челкар-Тениз 1941 г., даже более раннее что-нибудь, хотя бы череп плиозавра: ведь кроме Деборина и Шмидта никто не видел. Бессмысленно таскать кости на выставки в павильонах Парка Культуры или в колхозы — это глас вопиющего в пустыне... Но имеет полный смысл — в Президиум.

2. Работу в Музее, и не только по моему мнению, надо возобновить при первой возможности...

3. Музей должен восстановить свою работу «по созданию Музея» и принять соответствующую внешность... Надо выставить здесь то, что можно, восстановив, прежде всего, готовые или полуготовые вещи вроде большерогого оленя, зубра, некоторые витрины;

положить в пустые что-то мало-мальски интересное... Недавно мне пришлось говорить с О.Ю. Шмидтом по поводу биомеханических дел и возможности уловления определенного конструктивного смысла в скелетных образованиях, говорил и о своих разговорах по этому поводу с конструктором Возд. Акад. им. Жуковского в Свердловске. Шмидт сказал, что «это очень интересно» и предложил мне, когда съедутся его математики, сделать в их кругу сообщение в порядке постановки вопроса и так далее. «Мы, — говорит, — можем прийти к вам в Музей на месте посмотреть, нагляднее». Значит, тогда прошибло его?! Надо также прошибить Митина и еще кое-кого.

4. Печатание в ближайшее время будет более, чем затруднено, даже очень ценных работ. Но из этого не следует, что невозможно 1) печатание и 2) писание для напечатания при первой возможности некоторых вещей. Эти «некоторые вещи» должны быть написаны по поводу отечественных материалов и на них и по ним, притом для разного уровня, т. е. рассчитанные на читателя разного уровня...

5. Сказанное выше о «прошибании» Шмидта, Митина и Президиума не следует понимать как достаточное, это только необходимое мероприятие. Я считаю, что надо вынести вопрос об организации Музея (Всесоюзного значения) позвоночных за пределы Академии Наук и Президиума АН в научную общественность; в ЦК партии, куда я был вызван летом 1941 г. (не по поводу эвакуации, а работы Музея первично). Из этих мест можно получить поддержку, которая пособит нам продвинуть этот вопрос и в Президиуме АН...

Суть дела в том, что сейчас пришло время для регенерации и ее надо проводить не как просто «реэвакуацию» и восстановление бывшего, но как скачок в развитии... Просто мне хотелось бы еще и еще раз остановить Ваше внимание, разрываемое на куски миллионem текущих (и стоящих) дел, на палеонтологию позвоночных и на то, что вопрос с ней острее, чем кажется нам... Не имеет смысла продолжать растрату сил, времени на бесперспективную мышиную возню с Музеем. Но не жалко сил на работу, даже черновую, если верить, что из нее выйдет толк, и видеть, что он выйдет».

На это письмо Орлова Борисяк отвечает 4 июля 1943 г., но сначала по поводу возвращения в Москву: «Небо в Москве, судя по письмам от разных лиц, делается все грознее и бомбежки не исключены. Если мне и раньше казалось, что перевод наш в Москву преждевременен, то теперь такое сомнение в правильности распоряжения Президиума получает все большее оправдание. Оказывается, они имеются и в недрах нашего мозаичного Президиума... Но в то же время, когда уже все побежали вперегонки в Москву, вряд ли можно отставать. Тем более, что из московской группы все время пишут, что если ПИН задержится с возвращением, то может потерять свое помещение». А далее Борисяк переходит уже непосредственно к ответу на письмо Орлова: «О Музее. Ваши мотивы о необходимости восстановления Музея заслуживают полного внимания; но я думаю, что до решительного выяснения условий фронта это нужно делать только за счет оставшегося в Москве материала... О кадрах — по позвоночным. До сих пор все работающие у нас позвоночники вышли не из ВУЗ'ов, а пришли из геологии или зоологии. Сейчас эти источники истощились — сколько мы здесь ни припоминали, никого найти не могли. Зоологи по позвоночным представляют такой же дефицитный «материал»... А на будущее остается единственный источник — палеонтологическая кафедра Московского университета. Может быть, еще и кафедра сравнительной анатомии...

Теперь о беспозвоночниках. Мне кажется, Вы не совсем справедливы к ним, и мы, как старожилы Института, также виноваты в том разрыве, который существует между позвоночниками и беспозвоночниками.

Вы, кажется, мало интересовались их работой. Порой мне казалось, что Вы вообще отрицательно относитесь к работе с ними. Все же Вы не будете отрицать, что в их работе есть и энтузиазм, и известные успехи, давшие что-то новое... Таким образом, я думаю, они занимают не даром место в Институте.

Вредит ли это позвоночникам? Вытесняет ли их? Мне кажется, сами позвоночники изолируют себя и ставят в невыгодное положение, хотя были все данные для обратного. Не только неправильно, что беспозвоночники не интересуются палеонтологией позвоночных — Вы совершенно несправедливо обвиняете их в этом, — но когда они к нам впервые пришли, они видели в работающих по позвоночным своих естественных учителей; они относились с огромным интересом к их работам, ушедшим далеко вперед в деле разработки биологических проблем на ископаемом материале. Повторяю, они видели в нас своих учителей. Но им пришлось разочаровываться: позднее они мне с горечью говорили, что к ним отнеслись невнимательно, чтобы не сказать больше. Один только Быстров охотно приходил к ним и часами разговаривал с ними, давая ответы на их многочисленные вопросы. Эти беседы, по их словам, им много дали. С его отъездом порвалась и эта связь их с позвоночниками. Между тем, они выросли настолько, что, право же, не хлопали бы глазами на докладе позвоночника... Кто же виноват, в конце концов, что в ПИН'е, как Вы пишете, произошло отставание дела позвоночных? Кто виноват, что они не заняли руководящей роли? Не могу я согласиться также и с Вашей оценкой нашего положения в Биоотделении. Вы не можете сказать, что там не интересуются палеонтологией. Возьмите книжки Шмальгаузена: если из них выбросить палеонтологию, много ли в них останется? Если в Отделении мало интересуются нами, так потому, что мы туда не ходим. Что мы делали, чтобы познакомить их с нашей работой? Между тем, именно у позвоночников так много в их работах общеинтересного для биолога. Не думайте, что я упрекаю Вас, — это я каюсь, что я сам этого не делал. А вот беспозвоночники сумели заинтересовать наших биологов...

Я никогда не забываю о том, для чего Вас звал. Но важно, чтобы думали об этом и работали на это не только я, но и те, кого я создал, — в этом и будет увеличение сил.

Подобная переписка продолжалась еще некоторое время. Никому из адресатов не дано было знать, что одному из них оставалось жить менее года, а другому — вскоре возглавить Институт и руководить им более 20 лет.

12 июля 1943 г. Борисяк пишет Орлову: «Конечно, все, что Вы предлагаете для поднятия внимания к позвоночным, совершенно правильно, мы не раз об этом говорили, но плохо исполняли, — но самое важное, конечно, поднять внимание внутри самой Академии — до сих пор это было внимание «на веру», необходимо сделать его конкретным, — конкретным интересом к определенным костям. Я всегда это тоже говорю, но никогда не исполняю, вследствие какой-то органической нелюбви докладывать. Буду стараться нарушить этот «обычай», но думаю, что столь же необходимо, чтобы Вы также готовились для такого же выступления в Отделении. Это пожалуй еще важнее — отсюда должно идти и распространяться понимание нас». Дает Борисяк и рекомендации по пресечению разговоров о том, что ПИН должен быть в Геоотделении: «В двух словах четко и определенно показать, что они не понимают, о чем говорят; что если бы они поняли суть нашей работы, то никогда бы этого не предлагали. Дать понять, что для нас вопрос раз навсегда ясен, и всякие разговоры в иной плоскости — пустословие.

Нам нужно при первом удобном случае переменить название института: палеонтологию заменить палеозоологией (или эволюционной палеонтологией) и прибавить еще имени Ковалевского...»

Мысль о необходимости развернутого выступления незамедлительно была подхвачена Орловым. 30 июля 1943 г. он пишет: «Очень был рад Вашему последнему письму от 12.VII, в котором Вы выражаете согласие на «выступление с костями». Оно совершенно необходимо; но — ради бога — должно быть очень подготовлено и в смысле эффектного внешнего оформления (иллюстративной части), и в смысле предварительной «разъяснительности» кого следует и подготовленности какой-то резолуции организационного характера по докладу. Это надо сделать так, чтобы доклад был сделан не только Шмальгаузену и Дозорцевой, и не только академиком-« смежникам», а чтобы: 1) перед Академией Наук встала во весь рост определен-

ная задача создания дела, которое действительно есть «очередная задача» советской науки и культуры и которое надо начать ставить, пока есть кому, ибо организационно его ставить надо: а) Академии Наук СССР и б) (пока не поздно) — тем до смешного немногим — малочисленным специалистам, которые имеются в ПИН'е; 2) чтобы это было поддержано и внеакадемической научной общественностью как из биологических кругов (зоологи, Дарвиновский музей и др., так и геологических (Комитета по делам геологии и др.), может быть, Музейного отдела Наркомпроса, Сектора Наук ЦК ВКПб и так далее. Мне кажется, что я сумею принести пользу в смысле предварительной обработки и подготовки хотя бы части этого общественного мнения. Это никак не должен быть просто — пусть очень интересный для всех слушающих — доклад, который отзвучит как симфония и больше ничего; а как доклад, который должен породить резолюцию, а Академию Наук СССР заставить понять и принять постепенно к исполнению некоторую подсказанную содержанием доклада и объемом вопроса задачу. Надо показать «ножницы» в возможностях и обязательствах перед мировой наукой и — в «постановке» убогой и постыдно-нищенской на деле в СССР палеонтологического музея позвоночных...

Большой палеонтологический музей по площади, кубатуре и затратам неизбежно будет главным образом Музей ископаемых позвоночных.

Мы не имеем средств вести сборы для Музея, а только копим экспонаты из отработанного научного материала; надо иметь эти средства.

Мы не имеем в АН СССР (и в СССР вообще) в плане ее строительства ни 1 м² площади под Палеонтологический музей — типа «Галереи позвоночных» или в этом роде — это должно быть где-то намечено.

Мы не впускали к себе копать США — сами не копаем в должных темпах и масштабах, материал по-прежнему погибает в обнажениях.

Мы не можем открыть «Музей» для публики хотя бы как это было до переезда Академии наук в Москву; мы вынуждены держать под спудом наш «склад» черепашьими темпамиготавливаемых экспонатов.

Мы обязаны провести огромную организационную работу не только в своем громадном и неустроенном хозяйстве... Нам надлежит быть организаторами для других; мы жалко и убого топчемся на месте».

И уже зная, что все возвращаются, в надежде, что в поезде (дорога тогда занимала 9 суток) у Борисяка будет больше свободного времени для раздумий, Орлов снова делится своими соображениями о Музее и о предстоящем докладе, в целом теми же, что и вышеизложенные. Пишет он в четыре часа утра, сидя на дежурстве в Музее, и заключает так: «Вообще о Музее и палеонтологии позвоночных надо думать неустанно в организационном разрезе... и добиться... реализации того дела, которое Вы вызвали к жизни, обдумывая вместе с П.П. Сушкиным, и которое имеет и большие (научные) достижения за годы существования ПИН'а и одновременно лишено фундамента в виде Музея, уже 9 лет... закрытого».

Мне кажется, что Ваша бесспорная заслуга в постановке у нас палеонтологии как биологической дисциплины и в создании Вами специального института будет лишь сильнее осознана от дела, которое может с равными шансами — либо вырасти достойным России и Академии Наук образом, либо — погибнуть!»

Теперь вернемся к началу событий и посмотрим, как существовали в это время другие группы пиновцев.

ПИНОВЦЫ В ЭКСПЕДИЦИИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Разные версии возникновения ЭОН. Отряд Ефремова. Орлов в Соликамске.
Поездка Геккера по Уралу. Обручев в ЭОН.

Е.А. Иванова в своем, уже упоминавшемся кратком очерке «Палеонтологический институт в годы Великой Отечественной войны» (1980, с. 22), пишет: «...еще часть сотрудников покинула Москву, включившись в работы Экспедиции особого назначения АН СССР, возглавлявшейся академиком А.Е. Ферсманом...» Считалось, что экспедиция имеет оборонное значение, но каковы ее цели и задачи — об этом по условиям военного времени нигде не писалось и не говорилось. Один из участников Экспедиции много лет спустя, будучи уже весьма преклонного возраста, рассказал мне, что Экспедиция выросла из секции охраны неживых объектов природы А.Е. Ферсмана. Первоначально предполагался осмотр пещер. В это время один бывший сотрудник Географического института связался с работниками другого ведомства. Оказалось, что этому ведомству требовались пустоты в земле, горные выработки для сохранения военных материалов. Так объединились сотрудники ПИН и другого ведомства под названием Экспедиции особого назначения, сокращенно — ЭОН.

В главе «Разъезд. Лето и осень 1941 г.» приводится письмо Е.А. Ивановой А.А. Борисяку, где она пишет о предыстории ЭОН, как это представлялось на тот момент (август 1941 г.). Для вывоза музейных ценностей И.А. Ефремов предложил воспользоваться одной из штолен Каргалинских рудников — места, где он работал в 1929—1930 гг. Для подготовки этого в Чкалов <Оренбург> был командирован Б.Б. Родендорф, оказавшийся, таким образом, первым участником будущей экспедиции.

27 августа 1941 г. он писал Борисяку из Чкалова: «Вот уже 4 дня, как я нахожусь здесь по делам Института — перевозу коллекций, согласно проекта Ефремова... Кажется, я еще никогда не хотел так заниматься, как сейчас. По ходу упаковки коллекций я с О.М. Мартыновой разобрал предварительно так называемых «иссык-кульских насекомых», собранных Н.А. Куликом в 1928 г. и много лет стоявших у нас в шкафах без движения. Оказалась богатейшая (не менее 50—60 видов — 970 номеров) фауна, более древняя, чем каратауская!» Также и в дальнейшем сотрудников больше интересовал возврат к палеонтологии, но вернемся к организации ЭОН.

Р.Ф. Геккер пишет Борисяку о создании Экспедиции со своей стороны. 16 августа 1941 г.: «Сейчас на мази также и другое начинание, которое «поглотит» значительную группу пиновцев, так что «остаток» будет очень невелик. Это увоз музея и других ценных коллекций в Каргалу, связанный с научными исследованиями и сборами и выполнением одной специальной задачи... Командировка и исследовательские работы рассчитаны на два месяца...»

Немного больше Роман Федорович пишет уже с дороги на Урал, куда они с Ю.А. Орловым выехали 19 октября 1941 г. 22 октября 1941 г., Казань—Красноуфимск: «...Едем в Свердловск, в Ферсмановскую уральскую экспедицию, в которую в комбинации с вопросом о размещении музейных ящиков уже два месяца тому назад выехал Борис Борисович <Родендорф>... За этот огромный срок эта экспедиция все «организовывалась», преодолевала и по сих пор крепкие рогатки (ведь дело шло о заключении договора между АН и еще другим ведомством)... Лишь к 16 октября удалось добиться ясности по необходимым вопросам, оформить договор,

частично командировки, получить снаряжение... Экспедиция должна (по моему проекту и договору) работать пятью отрядами, северный из которых (Соликамск—Молотов—Кунгур—Нижний Тагил) состоит из нас двоих (Орлов и Геккер), возможно, к нам подъедут Бурчак и Лукьянова. Полевой период запроектирован трехмесячный, затем один месяц камеральный... Работы будут происходить в сплошных разъездах, поэтому избран «твердый» адрес В.А. Обручева, Вам, наверное, известный, куда Вас и просим писать. Это же адрес Дмитрия Владимировича <Обручева> — он сейчас по делам нашей экспедиции либо в Свердловске, либо в Кыштыме — пусть изображает посредбюро... Как будет идти работа в столь необычных во всех отношениях условиях (включая трудные продовольственные) — нам сейчас не ясно; но одно чрезвычайно радует, это то, что мы будем на конкретной, полезной работе, вдали от суматошной Москвы и в районе (понимая это слово различно широко) проживания наших семейств...»

Наконец собрался написать «глубокоуважаемому Алексею Алексеевичу» и И.А. Ефремов. 17 сентября 1941 г.: «Что касается лично меня, то мне удалось склеить оборонную работу самого настоящего значения в Приуралье, на которую займем на 3-4 месяца следующих ПИНовцев: Родендорфа, Обручева, Мартынову, Конжукову, Лукьянову и меня, если конечно я не буду до той поры, то есть до выезда около 25-27 сентября, мобилизован. Правда, время позднее, зимнего снаряжения нет, и при наличии вдобавок плохой погоды, хороших перспектив на развитие работы ожидать трудно... Таким образом, в Приуралье с базой около Оренбурга или Уфы будет существовать еще одна группа палеонтологов... правда, не занимаясь непосредственно палеонтологической работой».

Реально Ефремов, являвшийся и главным консультантом экспедиции, смог вылететь в ЭОН только в конце октября 1941 г. Базой его отряда, куда входили вышеперечисленные лица, кроме Обручева, уехавшего в Свердловск, стал поселок Горный, где останавливался Ефремов еще в 1929-1930 гг., когда он обследовал старые шахты и отвалы Каргалинских медных рудников на предмет нахождения в них пермских рептилий. Сохранилось письмо Борисяку 23-летнего Ефремова с его тогдашнего места работы. 22 июля 1930 г.: «Недостаток материалов и рабсилы сильно тормозит развитие горных работ. Завтра начинаем вскрытие двух больших старых шахт, где можно ждать хороший палеонтологический материал, да и для изучения медистых песчаников будет получено не мало. В другое время занимаюсь геосъемкой. В общем я производитель горных работ и геосъемки, официально — опробования. Кое-что из косточек уже найдено, пока немного. В начале августа уеду в Уфимскую губернию, а в конце будут готовы шахты, тогда проникнем в подземные выработки. На днях перекидаю все рудные штабеля на Кузьмолловском руднике — обеспечено пудов 25 остатков амфибий и рыб. Разработка Левских, Щербаковских и Верхнеордынских рудников для опробования также даст возможность собрать материал по позвоночным... Собрал новые, интересные данные. Работа этого лета пройдет для меня с пользой, так как ознакомлюсь с многими видами горных и разведочных работ непосредственно на практике. В начале я был еще производителем работ алмазного и ударного глубокого и мелкого бурения. Видите, как полезно. В довершение специальностей работаю с теодолитом по маркшейдерской наружной и подземной съемке. Вот пока все мои подвиги...»

К сожалению, данных о том, как проходили работы 1941-42 гг. в тех местах, почти не оказалось. 6 ноября 1941 г. Б.Б. Родендорф пишет Е.А. Ивановой, еще находящейся в Москве: «Самое трудное — это положение с работой. Дело в том, что без снаряжения, которое так и не прибыло, вести интенсивно исследование невозможно. Теплых вещей нет, нет свечей, нет у женщин обуви, лишь один компас, кончились записные книжки, и так далее, и так далее. Ходим ежедневно почти за 9 км: на дорогу уходит туда и обратно 3 ½ часа, а на работу остается лишь 4 часа. О снабжении и не говорю. Главное — это полная неизвестность о будущем... По существу, положение вовсе нетерпимое, я все думаю, когда надо будет проявить индиви-

дуальные действия с экспедицией, которая по существу брошена. Та инструкция, которую я получил от Ефремова, давно исчерпана и в части, касающейся обязательств руководства, не выполнена... Самое главное — это наше двусмысленное положение в районе — то мы временная экспедиция, то мы просто эвакуированные москвичи...»

Спустя полтора месяца положение не изменилось. Родендорф продолжает 30 декабря 1941 г., из Чкалова: «До сих пор мы сидим без снаряжения, без машин, без денег... Сюда я приехал с отчетом по работе, думая встретить Гаврилова или Ефремова. Не застал ни того, ни другого. Нашел лишь много телеграмм — похоже, что они оба ищут друг друга по всему Уралу!!... Много бы я дал быть с Институтом, пусть в любых тяжелых условиях, но по крайней мере, зная, что надо делать... Завтра предстоит поездка на лошадях в Горный из Чкалова (60 км) — у меня нет валенок, лишь ботинки, хорошо, что еще есть полушубок Коли Мартынова, да теплая шапка. Боюсь очень поморозить ноги. С пищей здесь хорошо, во всяком случае хлеба много. Очень скучаю и страдаю по работе — определенной, плановой и вполне конкретной, а не то, что здесь...»

Из письма Геккера Ивановой выясняется, что в то время, о котором пишет Родендорф, Ефремов еще даже не добрался до места работ. 15 января 1942 г.: «Ефремов еще, возможно, не добрался до Чкаловской группы (он почти месяц пробирался («проскребался») от Свердловска до Уфы, затем по таким же или еще более занесенным снегом дорогам двинулся на своей машине дальше на Чкалов, хутор Горный, узнав в Уфе о бедственном положении (без теплой одежды и запаса продовольствия) Чкаловской группы; и то, и другое он им везет. С пути из Уфы он сообщал 29 декабря, что работать из-за снегов на юге Урала сейчас абсолютно невозможно, потому по-видимому наиболее благоразумным было бы часть сотрудников вывезти в более северные уральские места, часть же двинуть в Алма-Ата...»

В действительности Ефремов прибыл в Чкалов 12 января, о чем напишет позже в одном из писем Б.Б. Родендорф, пожалуй, наиболее пишущий сотрудник ЭОН. На этот раз он пишет Борисяку. 10 января 1942 г.: «Работа моя в экспедиции почти уже совсем заканчивается — глухая зима и условия наши тому причиной. В свободные от хозяйственных занятий часы, которых, увы, оставалось очень немного, я пытался работать научно. Стал писать статью «по полету» — оказывается, это было возможно, благодаря моей памяти — думаю, что особенной глупости не написал. Занимался еще мечтами об «удобстве местоположения ПИН в Семиречьи» и близости различных местонахождений ископаемых к городам Алма-Ата и Фрунзе. Сейчас, увы, уже нет больше бумаги...»

Свои мечты и планы Родендорф продолжает излагать Борисяку уже в марте, но еще из Чкалова. 4 марта 1942 г.: «Из Вашего письма я узнал о желательности изучения именно третичных насекомых... Задача эта довольно легка и вместе с тем очень плодотворна — исследование, притом даже предварительное, третичных насекомых дает очень много для освещения палеоэкологии и палеоклиматологии, не говоря уже о детальной стратиграфии отложений. Третичные насекомые близки к современным и потому позволяют с большой точностью судить о климате и ландшафте данного времени... Сейчас у меня с И.А. Ефремовым вот какие мысли. Почему бы нам не принять самое ближайшее участие в создании собственного жилого фонда. Говоря громко, попросту, не заняться самим постройкой домов для жилья, а может быть даже и для Института. Конечно не обязательно самим рубить лес или класть каменные кладки, но принимать самое близкое участие в этом, руководить постройкой, я думаю, могли бы все мужчины, и в первую очередь заведующие отделами. Во всяком случае истекшая зима в Чкаловской области, например, да и московская жизнь осенью 1941 г. весьма подготовила нас всех к такого рода занятиям. И.А. Ефремов вспоминает о стройке домов в тайге, в Сибири и смотрит на это как на вполне реальную вещь. Я со своей стороны был свидетелем и почти участником стройки саманных домов в Ташкенте в 1929 г. Тогда там это было очень просто и быстро, буквально какой-нибудь месяц можно было построить жилой дом. Во всяком случае обо всем

этом совсем не вредно серьезно подумать... Думая каждый день об условиях работы и жизни в Семиречьи, я хочу все сильнее и сильнее скорее попасть туда. Семиречье мне несколько знакомо — в 1925 году я сделал около 2500 км по Алма-Атинскому и Джаркентскому уездам, в качестве зоолога и энтомолога — «обследователя...»

К началу марта работа ефремовского отряда заканчивается. Ефремов пишет из Чкалова одновременно Е.А. Ивановой (кратко) и А.А. Борисяку (более обстоятельно), 3 марта 1942 г.: «Пишу Вам перед выездом в Свердловск. Мой отряд ликвидируется по распоряжению Гаврилова. Пока я еще здесь — я могу обеспечить всем выезд в более или менее нормальных условиях, поэтому я принял решение — вскоре после моего отъезда ехать всем в Алма-Ата к месту нахождения Института... В случае полной невозможности предоставить даже временное помещение для обитания непосредственно в Алма-Ата можно будет устроить народ где-нибудь в районе... Там наши ПИН`овцы смогут выждать момент окончательного устройства Института с большим успехом, чем в какой-нибудь деревне под Чкаловым. Сам я буду в Свердловске около месяца (составлять научный и финансовый отчеты), затем мне нужно будет съездить в Чкалов за своей автомашиной и снаряжением и сдать их в Свердловске. На это уйдет еще недели две-три, после чего я могу приехать в Алма-Ата (или Фрунзе) и приступить к палеонтологии... Совершенно очевидно, что работа в Алма-Ата меня и моего отдела может быть реальной только если взяться за окончание начатых больших работ, хотя бы только в описательной части. Это чисто научная работа масштаба всесоюзного, а не местного, и очень важная (с научной, конечно, стороны) при современном положении, в особенности учитывая всегда реальную возможность моей мобилизации... Заниматься продумыванием псевдооборонных дел я после всего виденного и пережитого не в состоянии...» (подчеркнуто Ефремовым).

13 марта 1942 г. Ефремов пишет уже из Свердловска: «Самая экспедиция в ее теперешнем положении не производит серьезного впечатления, несмотря на роскошный внешний вид — две постоянно дежурящие у подъезда автомашины, превосходные помещения для работы, разные закрытые столовые и распределители. Изменилась тематика в сторону сугубого делячества, даже особенно не оправданного, — такую работу могут делать и просто грамотные статистики — не нужно для этого горных инженеров или, тем более, докторов-палеонтологов. Исходя из этих соображений, я не хочу оставаться в экспедиции далее, чем этого потребует окончание работы, за которую я взялся, несмотря на всякие блага и поощрения. Для составления отчетов и объезда объектов с представителем Н.К.О. мне потребуется месяца полтора, таким образом, я буду занят остаток марта и весь апрель, после чего поеду в Алма-Ата... Гаврилов не хочет меня отпускать, но конечно через Ферсмана я всегда сумею освободиться.

Обручев выезжает после 20 марта прямо в Алма-Ата, привезет проекты тематики, которую мы с ним разработали. Его придется ПИН`у буквально хранить под стеклянным колпаком, как последний и единственный реликт низших позвоночных в случае моей мобилизации...»

18 марта 1942 г. часть отряда Ефремова выехала в Алма-Ату и уже из Алма-Аты еще одна сотрудница ПИН Е.Д. Конжукова в письме Борисяку дает свою оценку работы в ЭОН. 16 апреля 1942 г.: «В период работы в Чкаловской области, несмотря на частое вынужденное сидение без работы (заносы, морозы, отсутствие одежды и прочее), сама работа элементарная, не по специальности, трудная физически, с преодолением многих километров снежных полей, ползанья под землей, большой усталости — чем-то давала мне моральное удовлетворение. В период плохого устройства нашего быта, было, как бы это сказать, ощущение, что мы в чем-то равняемся по всем тем людям, которые что-то делают для войны или страдают от нее...»

И.А. Ефремов, еще будучи в Свердловске, в конце марта тяжело заболел, сам себе определил сыпной тиф, оказавшийся крупозным воспалением легких, и пролежал довольно долго. Сначала, по словам Геккера, лежал пластом в бишофовской каморке, затем в больнице. Кажется, именно во время этой болезни Ефремов начал писать свои рассказы. Письма Борисяку Ефремов диктует Михайлову, в них он резко отрицательно отзываясь об экспедиционном

начальстве и говорит о дележе имущества. 1 апреля 1942 г.: «Конечно, деля имущество с Гавриловым, я не стану становиться на ту точку зрения, чтобы получить непременно все пиновское. (Зачем нам, например, психометры, термометры-пращи в огромном количестве — а ЭОН без этого всего не может)». Эти вещи ПИН получал специально для Экспедиции еще в Москве.

Ю.А. Орлов и Р.Ф. Геккер, числящиеся в одном отряде, работают почти все время по отдельности. Орлов из Свердловска сразу же направляется в Соликамск, где очень бедствовала его семья, и 31 октября 1941 г. в письме Ивановой в Москву Орлов шлет всем товарищам привет из голодного Соликамска. Пока он не может делать разъездов — нет денег, а также необходимых документов для доступа на определенные объекты. «Наконец мучительно положение с продовольствием. Я с трудом добился права на покупку 400 г коммерческого хлеба в рудничной столовой, прохлопотав об этом 4 дня! Хлеб только по карточкам, а коммерческий или по закрытым буфетам, либо в очередях, становящихся с вечера. Командированные во многих местах здесь висят в воздухе. В вокзальных буфетах свалка и очереди за пустой полхлебкой!.. Плохо представляю себе, как же мы будем заниматься работой при этих условиях в обстановке разъездов с места на место...» И добавляет в письме Борисяку, написанному почти в тот же день: «Вдобавок на железных дорогах обстановка более чем трудная; составить себе о ней представление можно только повидав все лично...»

16 ноября 1941 г. Орлов снова пишет Ивановой из Соликамска: «Здесь зима: снег, морозы до 20-25°: главное, здесь очень напряженное положение с продовольствием: в продаже только пайковый хлеб более или менее регулярен, больше ничего не купить; нужны либо какие-то вещи «на меню», либо знакомства в деревне. Ни жиров, ни молока, ни мяса; нет, конечно, мыла и вообще ничего нет по «промтоварным листкам». Конечно, ни почтовых открыток, ни конвертов, пишу на «запасах» из Москвы, которые конечно невелики... Был в Молотове (Перми); переговорил там с профессором Максимовичем о целях нашей экспедиции; он согласился предоставить в ее распоряжение (после официального бумажного затребования) имеющиеся у него материалы... В Соликамске директор Калийного Рудника подошел к делу с соблюдением довольно больших формальностей, выяснилось, что полученных нами командировок Президиума АН недостаточно для доступа к фондам... В Молотове прожил два дня благодаря знакомым... Вообще «тяну» именно в Соликамске при семье, с великим трудом иногда «стреляющую» не уродившуюся здесь в этом году картошку. Все время хочется есть и голова полна мыслями о наполнении пустого желудка...» (подчеркнуто Орловым).

9 декабря 1942 г. Орлов сообщает Борисяку, что только что вернулся из Губахи в Кизел. «На Урале затемнение, правда, неравномерное, сильные (до 35°) морозы. Поезда сокращены, в числе несогласованы и переполнены... Плацкарт нет. В Губахе лазили по штрекам и штольням... То же будет продолжаться и далее. Очень не по себе из-за отсутствия возможности мозговой работы (— ведь с весны не удастся —), из-за отсутствия ПИН`а и регулярной связи с Вами и коллективом...»

17 декабря 1942 г., снова из Кизела: «Здесь начинаются летальные случаи, начинают есть *Canis familiaris*¹...»

1 января 1942 г.: «По совпадению обстоятельств именно в Соликамске оказалось наиболее интересное накопление нужных ЭОН матерьялов, что и дало мне возможность попутно поддержать семью в очень тяжелой физически и нравственно обстановке, из которой надо выбиваться при первой возможности, обязательно...»

12 января 1942 г. из Соликамска Борисяку: «За последнее время целый ряд работников угольной промышленности уехал из Кизела, куда был эвакуирован, в Тулу; «Наркомцветмет» — эшелон, говорят, выехал в Москву, то есть уже реэвакуируются обратно. Наверяд ли это применимо к эвакуированным институтам Академии, в том числе и ПИН`у, эвакуация ко-

¹ Собак. (Ред.)

того только что проведена... Сам я в настоящее время занят штольнями, уклонами, гезенгами, кваршлагами, бремсбергами, подъездными путями и так далее; ведь это нужно экспедиции, в которой я помогаю Геккеру, Гаврилову и К°. По случайному совпадению именно Соликамск обладает колоссальной подземной кубатурой и площадью и, значит, это дало мне возможность без стараний с моей стороны и побыть с семьей, помочь ей в очень тяжелой обстановке (тяжелой и физически). Тем не менее невольно и непрестанно думается о будущем ПИН`а, и о том, что самому можно бы делать — в условиях тыла, разумеется, а не в «прифронтовой» Москве... Из Ашхабада неожиданно получил от нынешнего декана Геолого-Почвенного Факультета МГУ, Владимира Васильевича Геммерлинга письмо с известием о перенесении моих лекций на весенний семестр и о том, что меня ждут там. Студент Рождественский сделан лаборантом при кафедре палеонтологии (по моему представлению) и, таким образом, в Ашхабаде меня числят в штате, обещают платить по-старому и так далее; а Вы являетесь заведующим кафедрой (правда, пока бесплатно). Конечно, по существу мне правильнее вести — пусть педагогическую работу в области палеонтологии, чем ту, которую веду. Но сейчас жаловаться на то, что работаешь не по любимой специальности, не время...» (подчеркнуто Орловым).

19 января Орлов сообщает Е.И. Белевой адрес, по которому можно справиться о коллекциях, собранных летом 1941 г. в районе Челкара и Тенгиза, они сданы на хранение в Челкаре на опытную сельскохозяйственную станцию. «Хуже много дело с экспедиционным оборудованием; оно, по крайней мере частично, видимо уехало с автомашинами ЭОН, но из-за телеграфного искажения не в «Горный» (хутор), а в «Горький»... Судьба машин, шоферов и снаряжения мне неизвестна. Здесь морозы $-40-47^{\circ}$...»

Вообще разъезды, особенно в такие морозы, были необычайно тяжелы, ведь кроме всего прочего, не было соответствующей одежды. 17 февраля 1942 г. Орлов пишет Ивановой уже из Свердловска: «3 февраля я выбрался из Соликамска с билетом до Алма-Ата. Но вот уже 17 февраля, а выбраться дальше не удастся, несмотря на брони к военному коменданту станции Свердловск от Гаврилова и все старания. Все же надеюсь выехать завтра-послезавтра — пытаемся (с Эглоном) ежедневно. Михайлова, Бурчака, Эглона, ехавших сюда втроем, обокрали в общем вагоне всех; вдобавок сыпняк — все это вынуждает добиваться плацкарты (до станции Оренбург через Челябинск—Орск). В Чкалове (? хуторе Горном) надеюсь, вернее, надо увидеть Ефремова, передать ему поручения по экспедиции. Эглон едет до Челкара со мной, в Челкаре выйдет для отправки груза экспедиции на Алма-Ата, дабы потом не надо было возвращаться в Челкар специально за этим. Деньги (допаковка и пересылка по железной дороге) мы взяли взаймы под расписку у В.А. Обручева...»

23 февраля из Чкалова, продолжение: «Пробились с Эглоном до Чкалова, где, к несчастью, приходится торчать несколько дней из-за поручений к Ефремову и пересадки. Из Свердловска выбрались 19 февраля. Ефремову послал вызов телефонограммой в ближайший сельсовет (в 5 км от их квартиры) и письмом через Совхоз с оказией, ехать сам к нему не в состоянии из-за одежды. Выезжая из Соликамска, не предполагали всех трудностей пути. На ногах перенес грипп с солидной температурой, лишь бы не схватить чего похуже...»

И вот наконец 5 марта Орлов со станции Джусалы сообщает Борисюку, что 2 марта «сели с Эглоном в Оренбурге в поезд (Эглон вылез в Челкаре), еду в Алма-Ата, куда приеду видимо одновременно с получением Вами этого письма. Виделся с Ефремовым и Родендорфом... Оба едут в Свердловск... О.М. Мартынова, закончившая работу, готова к отъезду в Алма-Ата...» Таким образом, для Орлова пребывание в ЭОН завершилось.

Быстрый, подвижный, всегда легкий на подъем Роман Федорович Геккер с неизменным оптимизмом воспринимал свою работу в ЭОН. «Жизненная обстановка» в Свердловске в первые дни по приезде показалась Роману Федоровичу просто идиллической.

30 октября 1941 г. Геккер пишет Борисюку из Свердловска: «Я остался здесь в ожидании Ферсмана из Казани, Ефремова и Гаврилова из Москвы, а также денег и снаряжения,

минимум которого стараюсь здесь сколотить (навряд ли что-то из того, что приготовили для вывоза из Москвы, придет сюда). Знакомлюсь со здешними учреждениями и лицами. Добрая половина последних, если не больше — наши, ленинградцы и москвичи! Здесь спокойно, в тепле и без ящиков работающие лица и учреждения — так и хочется засесть за какой-нибудь столик и углубиться в книги и фауну. Сейчас сижу в светлой солнечной библиотеке Уральского Филиала АН, на окраине города в сосновом лесу... (и — это уже несколько выпадает из нарисованной идиллии — жду обеда: ловишь удобный случай пообедать в учреждении, пока кормят)... Против Горного института (а он по соседству с Геологическим управлением) — Геологический музей. Великолепная экспозиция (организован в современном виде к Конгрессу 1937 г.)... Обручев, Ферсман, Комаров и Волгин живут в новом каменном доме с чистейшими светлыми квартирками. Владимир Афанасьевич Обручев неизменно за столом, курит и пишет. Ферсман появился лишь вчера из Казани... полон энергии... назавтра он созвал объединенное собрание оказавшихся здесь членов своих комиссий — придется многое строить заново, применяясь к непредвиденной обстановке. Сегодня жду Д. Обручева из Кыштыма...» (подчеркнуто Геккером).

Вскоре начались разъезды самого Геккера. 18 ноября 1941 г.: «Я уже начал выезды в свой район — налегке, с рюкзачком, иначе не двинешься с места — и был на Нижне-Тагильском дунитовом массиве. Как Вам нравится такой головокружительный скачок, та пропасть, которая отделяет палеоэкологию от дунитов и Рт?!? Таково мое «грехопадение». Из поездки вынес много новых впечатлений от природы и знаменитого месторождения; не меньше «впечатлений» и от железнодорожного передвижения! Ввиду отсутствия машин придется продолжать работу тем же способом...»

Через месяц, 12 декабря, Геккер шлет привет Борисяку уже из Нижней Губахи в Кизеловском каменноугольном бассейне: «Работа кое-что дает, условия жизни, питания и отношения местных хорошие... Сейчас сижу на берегу р. Косьвы с обнажениями каменноугольных известняков. Через четверть часа спущусь в шахту...»

20 декабря 1942 г. Геккер пишет из Карпинска, прежнего Богословска: «...начал отсюда объезд рудников Восточного склона Северного Урала. Осмотрел великолепные разрезы мощного пласта угля триасового возраста на Богословском буроугольном месторождении... Далее еду на Турьинские медные и железистые рудники, затем на северо-уральские бокситы...»

В марте Геккер возвращается в Свердловск, где сидит над доработкой записок по посещенным местам. 10 марта 1942 г.: «Под конец своего турне по восточному склону я забрался по новой ветке железной дороги далеко на север, до Ивделя, где встретился с вогулами, приезжавшими на оленях. Одну ночь ехал по лесу при северном сиянии...»

Энтузиазм Геккера по отношению к Уралу и работе в ЭОН иногда даже вызывал некоторые упреки в его адрес как от некоторых товарищей по экспедиции, так и от самого Борисяка. Геккер отвечает ему 12 апреля 1942 г.: «Вы пишете, что во мне пропадает географ. Он всегда был (а если попаду в Среднюю Азию, так совсем стану географом — больно уж много красот!) в изобилии, так что на этой жилке усиленно «выезжаю», черпаю удовлетворение для души, когда не вижу других, и таковое нахожу... Даже в казарме, на самый плохой конец, искал бы и нашел бы интересное: стал бы изучать людей из мне чуждой среды. Мне кажется, что такая «приспособляемость организма к среде» приносит пользу в наше время, иначе можно впасть в уныние, что всегда не рекомендуется. Конечно, поиски мелких «удовлетворений» не должны застилать и подменять стремление к основному — для меня: хорошей палеоэкологической работы... Мне труднее, чем кому-либо из пиновцев, выйти из ЭОН: я являюсь одним из ее «родителей» и связан с ней теснее, чем остальные наши. Мерклин правильно это подметил и пишет в только что полученном от него письме. Пишет из Украины: рвется в бой изгнать гитлеровцев. И в то же время не забывает и о палеонтологии: рассчитывает вскоре увидеть средиземноморские отложения Галицийского залива. В этом узнаю своего ученика по тематике «организм

и среда»: полностью применился к новой обстановке, несколько «приглушил» свои основные интересы, но их ничуть не забросил, наоборот, палео-перспективы его только подбадривают и укрепляют его решимость. Поздравляет, что мое детище — секция земной коры Общества охраны природы — сыграло такую большую роль в объединении и сохранении палеонтологов и геологов. Бросать ЭОН, как только ПИН выбрался на «сухое» место для себя, считаю и от лица ПИН неудобным... ЭОН могла бы и не отпускать сейчас входивших в нее пиновцев, но я стою на страже интересов нашего Института и способствую их выходу из нее; фигурально выражаясь, закрываю отходящих своей спиной. Я вошел первым и выйду из нее, наверное, последним. Этим моя несколько своеобразная миссия по сохранению и восстановлению ПИН а будет закончена...»

Действительно, Геккер выезжал еще и в мае, июне и начале июля в Асбест, Алапаевск, Кунгур, Красноуфимск, где попутно с делами для экспедиции осматривал интересующие его палеонтологические объекты. Вот пример в письме Борисяку. 7 июля 1942 г.: «Сейчас с огромным удовольствием вновь побывал на Сыльвенском рифовом участке и еще более уверился в исключительном научном интересе, который он представляет. Вася Н. <В.Д. Наливкин>, имеющий большой опыт по рифовым разрезам более южных участков Уфимского плато, помог мне в расшифровке строения склонов рифов (значительно более наглядных далее к югу, по причине вклинивания здесь по склонам терригенных фаций в карбонатные, а не карбонатных в карбонатные)... После успокоения внешней обстановки буду проситься снова на Сылву...»

И.А. Ефремов вышел из больницы 26 апреля, но, так же как и Геккер, задержался в ЭОН еще до середины лета. 30 июня 1942 г. Ефремов пишет Орлову: «...пока сижу в Чкалове. Через день-два придет бензин и я (выкопав в Бугуруслане зверя) без всяких дальнейших разговоров двину на Свердловск для ликвидации дел с Гавриловым. ... В общем, стараюсь вырваться как можно скорее...»

И, наконец, кажется, самое последнее письмо Ефремова из ЭОН А.А. Борисяку. 14 июня 1942 г., Уфа: «Вышло так, что все задерживаюсь на Урале. Ферсман и Гаврилов сейчас в Москве и настаивают на том, чтобы дождаться их возвращения, а они, нужно сказать, не торопятся... Я совсем не устремляюсь здесь задерживаться и хочу как можно скорее попасть в лоно ПИН. ...самое важное, что известная доля работы сделана как следует и честь ПИН не пострадала... В общем планирую так — числу к 25 июля решатся все вопросы с экспедицией. К 20-му я буду в Чкалове, еще поеду и выкопаю зверя, которого мне нашел Чепиков под Бугурусланом, отправлю в Алма-Ата, а затем и сам... поеду во Фрунзе... Все отчеты во всяком случае сдал, и теперь мне осталось сдать машину и зимнее снаряжение, а также получить расчет наконец... Тогда все дела с экспедицией будут ликвидированы...»

Еще один входивший в состав ЭОН сотрудник ПИН Дмитрий Владимирович Обручев жил в Свердловске в семье своего отца академика Владимира Афанасьевича Обручева и вряд ли испытывал большие бытовые трудности. Его собственная семья жила зиму 1941—1942 гг. в Красноуфимске, где работала жена Дмитрия Владимировича. По линии ЭОН Обручев работал в фондах, разъезжал мало. Кроме того, принимал всю корреспонденцию от других пиновцев, приходившую на обручевский адрес — Свердловск, ул. Луначарского, д. 85, кв. 5 — и, если требовалось, принимал по ней срочные меры (звонки, телеграммы).

Тем не менее, и в его немногочисленных и немногословных письмах звучит желание как можно скорее вернуться в ПИН, к палеонтологии. 26 января 1942 г. Обручев пишет Ивановой, видимо, в ответ на просьбу прислать отчет: «Отчет сделал Гаврилов в Президиуме, а мне писать не о чем, так как научных результатов работа в фондах не дает... Что мне делать дальше, когда кончится работа для экспедиции, что будет вероятно через месяц, ибо фонды не бездонны? Я жажду вернуться к палеонтологии, но где и в какой форме это будет возможно?... Мою здешнюю работу мог бы делать кто угодно, и совсем не надо для того быть палеонтологом. А моя настоящая работа, для которой я специально обучен,

стоит или почти стоит, так как кое-что я все же пишу — дополняю диссертацию. А нужно работать всерьез!...»

Первое время Обручев считает, что ему по окончании работы в ЭОН «рациональнее всего было бы возвращаться в Москву», тем более, что летом ему «быть на юге противопоказано». Но в феврале Обручев пишет, что «шансы на его возвращение в Москву сильно упали, и на первый план выступает другой вариант: ехать в Алма-Ата и заниматься рыбами любого возраста... Я, во всяком случае, жажду палеонтологической работы, так как здешняя работа меня никак не удовлетворяет». И в другом письме: «Когда отрываешься от ПИН'а, научаешься еще больше его ценить». В конце марта Обручев собирается выехать в Алма-Ату уже вместе с женой и дочерью в вагоне Комарова, но с этим вагоном произошла задержка. Так или иначе, но летом 1942 г. Обручев пишет уже из Алма-Аты. 9 июня 1942 г.: «После более чем двухнедельного существования на полу у Эглона мы нашли проходную кухню метров 12 площадью, конечно без электричества и воды, и на днях переехали туда. Места не хватает даже для трех коек. Надеюсь, однако, что со временем удастся устроиться более удобно... Несмотря на жару, которую мы с трудом перенесли, и на все неудобства, я все же рад, что уехал из Свердловска и вместо пещер могу заниматься рыбами. Я готов заниматься даже брахиоподами, если это необходимо, так как любая ископаемая группа увеличивает научный багаж палеонтолога, тогда как пещерная халтура не дает ничего, кроме некоторых сведений по географии...»

Таким образом, все пиновцы, входившие в ЭОН, весной-летом 1942 г. вернулись в свой Институт.

АЛМА-АТИНСКАЯ ГРУППА

Трудное устройство ПИН в Алма-Ате. Приезд большинства сотрудников с семьями.

Начало обработки челкар-тенизской фауны. Новые трудности с помещениями.

Полевые работы Мартыновой. Начало переезда части сотрудников во Фрунзе.

Научная работа Беляевой. Требования Ефремова. Полевая работа Беляевой.

Алма-атинская группа прошла, пожалуй, самый сложный и тяжелый путь. С самого начала войны в ПИН считали, что наиболее подходящее место для эвакуации Института — Алма-Ата, так как это не только крупный научный центр, но главное — Институт уже несколько лет вел раскопки на территории Казахстана. Но время шло, Алма-Ата очень быстро оказалась переполненной и уже отказывалась принимать кого-либо еще, а академическое начальство не решало вопрос, одно время даже считалась, что эвакуации вообще не будет. Вопрос об эвакуации был решен только в середине октября 1941 г., когда большинство пиновцев уже разъехались по разным местам работ.

Ученый секретарь и заместитель директора Института, она же член штаба по эвакуации, Елена Алексеевна Иванова, учитывая все предыдущие разговоры, указала местом эвакуации Института Алма-Ату. Это вошло в общий план эвакуации и было утверждено Правительством. Как писала Борисяку Иванова, «...все Ваши письма, весь ход событий, все симпатии и научные связи сотрудников показывали, что Алма-Ата наиболее приемлемое место для Палеонтологического института». И далее она продолжала: «В Алма-Ата сейчас по постановлению правительства направляются, кроме нас, Институт географии, Лаборатория биофизики (Лазарева), Лаборатория белка и какие-то гуманитарные институты. Нам дали пульмановский вагон, и оборудование всех институтов погрузили вместе, тем более, что сопровождающий один В.И. Воскресенский (ученый секретарь Лаборатории белка)». Имущество было погружено 18—19 ноября, а Елена Алексеевна Иванова с больной матерью и Елизавета Ивановна Беляева выехали в Алма-Ату 4 декабря 1941 г.

Несколькими годами позже Иванова и Беляева вспоминали эту дорогу в институтской стенной газете. Они добрались под бомбежкой до Казанского вокзала. «Кто оказался на перроне, услышал «тревогу» и голос из репродуктора «ложитесь!». Легли. После отбоя встали и пошли в вагоны, и поезд тронулся в Алма-Ата. До Волги поезд сопровождали наши истребители. Когда поезд миновал Рязань, железнодорожный путь к Москве был некоторое время перерезан фашистами... Ехали до Алма-Ата одиннадцать дней, а навстречу нам непрерывные эшелоны войск — шла битва за Москву. Воды ни в поезде, ни на станциях не было по два дня; на долгих остановках собирали для питья снег, а Е.И. Беляева и умывалась снегом. Все проходы в вагонах были забиты ранеными, отпущенными с фронта на побывку. Узнав, что в нашем купе есть патефон, они просили и просили его заводить и только извинялись, что «бабушку утомили» (мать Е.И. Ивановой)».

При выезде из Москвы сотрудникам было сказано, что постановление об эвакуации всем республиканским правительствам разослано. Но по прибытии 15 декабря 1941 г. в Алма-Ату все оказалось сложнее. Сначала вторым секретарем ЦК Казахстана было заявлено, что ПИН Алма-Ата не принимает. Город переполнен, не все присланные сверху постановления Казах-

ское правительство утверждает. Уполномоченный АН по Казахстану академик В.Г. Фесенков не помогает. «Единственным человеком, от которого здесь зависит очень многое, является Сатпаев¹. Но вот уже три дня я не могу попасть к нему на прием, хотя он очень любезно говорил со мной по телефону», — пишет Иванова. Пришлось посылать телеграммы-молнии в Москву и Казань, где находился Президиум АН, и вести труднейшие переговоры, параллельно ведя текущую работу по устройству в Алма-Ате.

Имущество Института — 238 ящиков — прибыло в Алма-Ату 26 декабря. 31 декабря закончили его выгрузку, что при существующем в Алма-Ате транспорте оказалось сложным. 4 января 1942 г. Иванова писала: «Сейчас имущество распределено следующим образом: часть находится в крытом помещении под лестницей, часть — под навесом во дворе КазФАН'а, главная же масса, предназначенная для длительного хранения, перевезена на территорию Обсерватории и находится в помещении, приготовленном для овощехранилища. Это траншея глубиной 3 м, вырытая в лессе. На ней будем делать крышу, получится закрытое сухое помещение с постоянной годовой температурой. В таких помещениях на Обсерватории живут люди... В отношении укоренения в Алма-Ата двигаемся очень медленно. Ведем дипломатические переговоры с разными лицами. Н.Г. Кассин очень мило принял в нас участие — хотя это совершенно не вяжется с его свирепой внешностью. Переговорил с несколькими лицами. И.Ф. Григорьев² тоже говорил кое с кем. В результате в записке на имя Совнаркома мы с полным правом можем указать, что Казгеолуправление, Общество изучения Казахстана заинтересованы в том, чтобы ПИН принял участие в их работах. Кроме четвертичных... их интересует очень нижний палеозой... а также карбон... Из разговоров с Фесенковым ясно, что если ПИН не будет претендовать на предоставление помещения для работы и для жилья сотрудникам — надежда на санкционирование его пребывания в Алма-Ата имеется, в противном случае — никакой». Поэтому Иванова в обращении в Совнарком ничего о помещениях не пишет, тем более, что и те, кому обещали — зачастую не получили его. «Институт географии из 68 человек, приехавших еще летом, получил всего одну комнату! Подыскать помещение можно только путем личной инициативы. Приложим с Елизаветой Ивановной все усилия», — заканчивает Елена Алексеевна.

5 января 1942 г. Е.А. Иванову пригласили на заседание Казахского филиала АН, которое вел заместитель Председателя Совнаркома нарком НКВД Казахстана, о должности которого Елена Алексеевна узнала только после заседания («Представьте себе мой ужас и мои переживания, когда это дошло до моего сознания! К счастью, последнее произошло после заседания»). На заседании Елена Алексеевна, не представляя высокого уровня ведущего, энергично отстаивала положение Института. Сначала ей было сказано, что ПИН Совнарком не принимает. «Отправляйтесь, куда хотите...» Пришлось доказывать, что Институт направлен по постановлению Правительства, что без разрешения Совета по эвакуации в Москве не дали бы вагонов, и так далее, и так далее. Тогда уполномоченный по АН академик В.Г. Фесенков предложил оставить Институт в Алма-Ате, так как оборудование и коллекции уже размещены и речь идет только о двух сотрудниках, которые очень скромны и казенного помещения не требуют. В конце концов, уполномоченный вместе с КазФАН дали заключение об оставлении ПИН в Алма-Ате при условии, что Иванова даст письменное обязательство не требовать жилплощади для себя.

После заседания состоялся разговор Ивановой с Сатпаевым об увязке работ ПИН и Геологического института филиала. Сатпаев сказал, что они мечтали организовать у себя палеонтологическую ячейку, теперь это, по-видимому, осуществится, он предложил прикомандировать к ПИН своего молодого палеонтолога.

¹ В то время — заместитель председателя Президиума Казахского филиала АН СССР и директор Геологического института Казахского филиала АН СССР. (И.Б.)

² Председатель Президиума Казахского филиала АН СССР. (И.Б.)

Затем Иванова и Беляева начали искать помещение. «Все время благодарю судьбу, что со мною вместе Елизавета Ивановна, что бы я без нее делала», — в который раз восклицает Елена Алексеевна.

Наконец «после порядочных мытарств» нашли помещение из двух комнат. В большой предполагается устроить рабочий кабинет и канцелярию, в маленькой будут жить трое — Елена Алексеевна с матерью и Елизавета Ивановна. Это в 15 минутах ходьбы от трамвая (что в Алма-Ате считается очень далеко), без электричества, в частном доме, так что оплата довольно высокая — но все это не смутило Иванову, и она подписала договор на один год. Только теперь в письмах Елены Алексеевны проскальзывают небольшие отступления о том, в каких условиях они с Елизаветой Ивановной жили до сих пор (матушку Елены Алексеевны, по счастью, сразу же по приезде взяла к себе постоянно живущая в Алма-Ате невестка Елизаветы Ивановны Ефросинья Яковлевна Беляева). Дело в том, что полтора месяца обе дамы («бабы с костями», как их прозвали в это время) ютились в коридоре КазФАН в «укромном уголке, довольно темном, около мужской уборной». Впрочем, именно это последнее обстоятельство однажды сыграло и положительную роль — позволило переговорить сразу со всем начальством — по его инициативе — все решить и согласовать, на что иначе потребовалось бы очень много времени — «ловить каждого из них и согласовывать».

Прописаться в найденном помещении тоже оказалось не просто и заняло около двух недель. Все это происходило в конце одного и начале следующего года, а военное время отнюдь не отменяло годовых отчетов, смет и планов на следующий год, сотрудники же находились во многих пунктах, почта шла очень долго. Вопросы зарплаты, которую рассылали тоже из Алма-Аты и в Москву, и тем, кто находился на Урале — все это легло на Иванову, пришлось нанять бухгалтера и вместе с ним войти во все денежные дела. Это все приходилось постоянно согласовывать с Борисяком в частых — два раза в неделю — письмах. Почти в каждом из них Елена Алексеевна успокаивала Алексея Алексеевича относительно Миасса и перевода ПИН в Геологическое отделение АН. Главный аргумент — раз финотдел АН высылает деньги для ПИН в Алма-Ату, значит ПИН и числится в Алма-Ате, а Миасс — только недоразумение периода эвакуации. Наконец, в конце февраля 1942 г. Иванова цитирует телеграмму от 16 числа, пришедшую в Алма-Ату на имя Борисяка: «ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ДОГОВОРЕННОСТИ НА МЕСТЕ ОСТАЕТСЯ АЛМА АТА ТЧК ИНСТИТУТ СОХРАНЕН В СОСТАВЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ = ВИЦЕ ПРЕЗИДЕНТ АН ШМИДТ». Иванова показала телеграмму Фесенкову с репликой, что Казань (место пребывания Президиума АН) всегда запаздывает. Он засмеялся, сказав: «Большая вещь инерция». «Надо думать — настойчивость и терпение», — заметила в скобках Елена Алексеевна.

Одновременно с поисками помещения Иванова и Беляева вели переговоры с местными геологами, выявляя «потребности геологических учреждений в отношении палеонтологии и имеющихся у них материалов для составления плана работ на 1942 г.». Теперь Елизавета Ивановна углубилась в эту работу. Из тех, с кем говорили и кому писали в Семипалатинск, кое-что интересное смог предложить Н.И. Костенко. Он привез для определения косточку из Джунгарского Алатау и рассказал о логге у самой Алма-Аты с какими-то костями. В феврале Беляева начинает обследовать библиотеки Алма-Аты на предмет наличия в них палеонтологической литературы. Это, прежде всего, библиотека Геологического института КазФАН, а в проекте — Публичная, Университетская и Ветеринарного института. Посетила она и краеведческий музей. Несмотря на то, что он не отапливался, а снаружи стояли 20-градусные морозы, Беляева дает Борисяку подробный список палеонтологических объектов, имеющихся в музее. Большинство из них переведены в Алма-Ату из Оренбургского краеведческого музея; наводит Беляева справки и о Биологической Балхашской станции. «Выясненное здесь ограниченное количество ископаемых указывает, что мы должны упорно и настойчиво продолжать их поиски», — заключает Беляева свои обследования.

К концу зимы Борисяку стали поступать сведения о том, что сотрудники ПИН, находящиеся в Экспедиции особого назначения на Урале, заканчивают там свою работу. Встал вопрос, куда они должны ехать — в Алма-Ату или во Фрунзе. Анализируя письма Орлова, Ефремова и других, Борисяк пишет Ивановой 8 марта 1942 г.: «Все волнуются, каждый создает свой план; это вот действительно очень опасно. Надо скорее взять определенную линию и жестко провести — тогда все уляжется к общему благополучию. Вот для этого-то и недостает мне свидания с Вами, чтобы оценить алма-атинскую обстановку. Одновременно пишу Ефремову, стараюсь дать ему понять, что современное положение (на два города) и исторически оправдано, и единственно рациональное на данный момент. Но, конечно, наша конечная цель — объединение всех в одном месте, со мной, хотя бы временно пришлось разбиться на две-три части, все же территориально близкие. Главное, что уже сейчас намечается единый план, весьма актуальный, по специальности каждого. Этот план есть пиновский план и уже он не позволит пиновцам расплыться... Если только есть малейшая возможность, приезжайте хоть на один день...» (подчеркнуто Борисяком).

Такая возможность появилась у Ивановой еще в конце февраля, но осуществить ее удалось не сразу. По географической карте между Алма-Атой и Фрунзе около 200 км, но это — хребет Заилийской Алатау, железная дорога идет в объезд, и путь составляет более 500 км с пересадкой на станции Луговая — прямого поезда в 1942 г. еще не было. Елена Алексеевна прошла санобработку, отстояв пять часов в очереди — без этой справки не продают билетов, а действительна она только три дня. Но тут выяснилось, что на постройке постоянной крыши над хранилищем коллекций «...несмотря на точную смету, договоренность и прямые указания руководителя, прораб стал делать безобразие — «навес для ишаков» по выражению рабочих». Ивановой пришлось вмешаться, остановить работы, созвать комиссию и отложить поездку. Так «каждый день несет что-нибудь, требующее вмешательства».

Все-таки 10 марта Ивановой удалось выехать во Фрунзе. Неизвестно, как прошли дорога туда и переговоры с Борисяком, а вот обратную дорогу Елена Алексеевна описывает очень ярко: «25 марта, ст. Луговая... Вторую ночь хожу около станции. Вчера днем была хорошая погода и удалось посидеть. Ночью меня два раза оштрафовали по 5 руб., так как я пыталась присесть в здании станции — на улице было слишком холодно, а стоять истуканом очень трудно. Когда уеду на Алма-Ата, сказать трудно: вчера было два поезда, но на них не посадили, не было мест. Правда, некоторым удалось уехать на подножках, несмотря на протесты проводников. Я на это не решилась. Наблюдала много интересных сцен, когда одна сторона повторяла: «Что же мы, хуже собаки...» Очевидно, связь Алма-Ата с Фрунзе не так уж проста».

Во Фрунзе одновременно с Ивановой был Ю.А. Орлов, наконец освободившийся от Экспедиции особого назначения. Размещались они в квартире Борисяка — Орлов на покрытой деревянным щитом ванне, а Елена Алексеевна, по-видимому, в комнате с Александрой Николаевной и домработницей.

Вернувшись в Алма-Ату, Елена Алексеевна застала там еще ряд лиц, окончивших работу в ЭОН и приехавших из Чкалова: Эглона, Мартынову, Конжукову и Лукьянову. Размещались в доме колхозника или у знакомых. «Все приехавшие проявляют массу энергии и хотят скорее приступить к работе».

В ожидании прибытия челкарской фауны (материалы Тургайской экспедиции сборов лета и осени 1941 г., зимой хранившиеся в Челкаре) найдено помещение для препараторской — в каменном доме, 36 м², надо только вставить стекла. Сняли еще две комнаты для отдела насекомых, в одной из них поселились Мартынова с сыном и Лукьянова. Ольга Михайловна Мартынова пишет Алексею Алексеевичу очень радужное письмо об Алма-Ате. 31 марта 1942 г.: «Очень рада, что кончилась наша работа в Чкаловской области и что я смогла приехать в Алма-Ата в наш Институт. Мне казалось издали все гораздо более трудным и неустроенным, а на деле оказалось не так уж плохо! Помещения найти можно и помещения хорошие, в деревянных домах сухие,

светлые комнаты. Уже Елена Дометьевна <Конжукова> получила комнату в 20 м² и сегодня в нее въезжает. Ян Мартынович <Эглон> тоже. Мне с сыном и Марией Федоровной <Лукьяновой> намечаются две маленькие комнаты и все это группируется вокруг помещения Елены Алексеевны <Ивановой> и Елизаветы Ивановны <Беляевой>... В общем с помещением не безнадежно и очень хорошо, что все мы будем жить недалеко друг от друга и точно на даче...»

Еще в феврале Иванова писала, что обязанности от курьера до исполняющего обязанности заместителя директора, включая завхоза и ученого секретаря, непосильны для одного человека. А теперь, когда еще ряд сотрудников прибыл в Алма-Ату, она пишет официальное заявление: «Ввиду того, что геолого-разведочным организациям Казахстана нужна моя помощь как палеонтолога, прошу освободить меня от должности ученого секретаря, а фактически от исполнения обязанностей пом. и зам. директора и дать возможность работать по специальности и выполнять актуальную работу для настоящего времени...» (подчеркнуто Ивановой).

Резолюция Борисяка на этом документе: «Е.А. Ивановой. Прошу остаться ученым секретарем до моего переезда в Алма-Ата... Ю.А. Орлова, Е.И. Беляеву и О.М. Мартынову прошу оказывать Е.А. Ивановой максимальную помощь, чтобы дать ей возможность вести научную работу». В письме же, ответном на этом заявлении, Борисяк выражается более эмоционально: «Вы сделали, дорогая Елена Алексеевна, в мое отсутствие огромное дело — спасли Институт, — так доведите же это дело до конца, до моего возвращения в ПИН. Уйдя из дирекции сейчас, Вы можете погубить все. А помощь Вам должна быть всеми оказана максимальная, чтобы Вы могли вести научную работу...»

Несмотря на это, Иванова продолжает настаивать на своем освобождении. 15 апреля 1942 г. она более подробно описывает сложившуюся обстановку: «Основное, что делает совершенно невыносимым мое существование сейчас — это несение ответственности за Институт. Ни в коей мере не хочу сказать, что другие не думают и не болеют за него... Все дело в том, что и нашему Институту, как и всем другим, предъявляют сейчас определенные требования как со стороны научной, так и с общественно-политической. Институт должен иметь оперативность, нужно и лекции прочитать популярные, и на посевную выделить человека, и в то же время вести полноценную научную работу... Все, кто приехал, горят желанием оказать помощь — Конжукова бегаёт по Госпланам (достала уже разрешение на 125 л керосина), Эглон закупает мебель (столы и шкафы) для рабочих кабинетов, Лукьянова тоже помогает, не говоря уже о Мартыновой. Но все это пустяки — ведь все эти дела делаются только с моей санкции и по моему указанию... а у меня на столе и в шкафу набито новыми коллекциями из Казахстана, присланными геологами, при встрече на улице они забрасывают меня вопросами — когда же будет дано определение... Когда не было никого, кто мог бы меня заменить, я делала все — от мытья полов до разговоров в Совнарком об Институте. Я прилагала все силы и даже сверх этого...»

23 апреля Борисяк посылает в Алма-Ату Орлову телеграмму: «ПРОШУ ВРЕМЕННО ЗАМЕЩАТЬ ДИРЕКТОРА ПРИНЯТЬ ИВАНОВОЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ ДЕЛА». Но Орлов, наконец приехавший в Алма-Ату, сильно подорвал свои физические силы голодной зимой на Урале, у него случались голодные обмороки и другие симптомы крайнего истощения. Орлов считал, что Иванова здесь давно, знает все «ходы и выходы», и предполагал только помогать ей. Весьма требовательны к условиям Алма-Аты оказались и некоторые другие приехавшие сотрудники. Все это создало несколько напряженную атмосферу, которая очень волновала Алексея Алексеевича. Находясь в другом городе, он переживал все, касающееся Института, гораздо острее, чем если бы был рядом.

В апреле-мае Иванова все-таки приступила к собственно научной работе, как и почти все остальные сотрудники.

Сразу же по прибытии челкар-тенизской фауны Е.И. Беляева организовала ее препарирование. 19 мая 1942 г. она уже делится с Борисяком своими первыми впечатлениями от этих

материалов, сопровождая их рисунками челюстей и зубов. Это прежде всего череп (длиной 118 см) и позвонки индрикотерия, из «мелочи» — скелеты хищника (?) — насекомоядного (?), грызуны, Tragulidae (мелкие оленьки). О черепе индрикотерия Елизавета Ивановна пишет, что в нем «по-видимому, не сохранились nasalia и частично frontalia, не имеется правой скуловой дуги... Прекрасно сохранились мышцелки, думаю, что затылочная часть нас тоже удовлетворит... Встает очень серьезный вопрос о хранении нового отпрепарированного материала. Пока нет ни соответствующего помещения, ни шкафов, ни коробок. Это заставляет требовать от наших препараторов большого внимания и аккуратности к сохранению и этикетировке отпрепарированного материала. Думаю, что Вы меня поддержите в моей «придирчивости» в этом отношении. Иначе все сборы прошлого года потеряют свою ценность...»

Алексей Алексеевич всегда особенно внимателен к письмам Елизаветы Ивановны. 25 мая 1942 г.: «Большое спасибо за Ваше обстоятельное письмо. Конечно, мне не надо просить Вас и впредь периодически извещать меня. Очень жаль, что лобная часть черепа индрикотерия не сохранилась, это ведь самая важная, так как наиболее спорная часть, тем более, что у *Paraceratherium* видимо нет этой непонятной «шишки» на лбу. Нет ли в породе каких-нибудь остатков? Что касается «мелочи», то опять повторилась история с Прохоровым: препараторы бросаются на крупные кости и не обращают внимания на мелочь. Непременно надо, чтобы на раскопках был все время научный работник...»

В мае Орлов и Родендорф делали доклады в биологическом обществе при Казахском университете. Заседания общества бывают регулярно 1-2 раза в месяц и объединяют алмаатинцев, москвичей, ленинградцев и так далее. В июне, продолжая писать о препаровке челябинской фауны, Беляева отмечает, что темпы ее не очень быстрые, так как нет достаточного количества спирта для пропитывания костей. Обрабатывается прежде тот материал, где спирт не требуется. И Бишофу, и Лукьяновой «достаточно... внушено... о необходимости немедленно снабжать этикетками отпрепарированный материал...»

6 июня 1942 г. Борисяк отвечает: «Только что пришло Ваше второе письмо с описанием препаровки. Благодаря этим письмам, и главное, рисункам к ним, я точно сам присутствую при препаровке... Когда Михайлов уезжал, я имел с ним специальный разговор о необходимости собирать именно мелкие объекты. Но он нашел Индрика и все забыл. Это всегда так бывает».

Беляева в своем письме продолжает: «Наша жизнь постепенно налаживается, но нужна определенная энергия и настойчивость в доведении дела до конца. Иначе совершенно бессмысленно было бы тратить силы, здоровье и деньги. В налаживании работы в Институте тоже необходима настойчивость, чувствуется еще расхлябанность. Имеющиеся ссылки на отсутствие того или другого предмета для занятий — несущественно. Нужно иметь желание работать, а работать можно при всяких условиях... Мы живем и работаем еще в таких условиях, которых многие не имеют. Стонать, хныкать совершенно незачем, так же как и метаться и искать чего-то лучшего в других местах...» Вероятно, это последнее замечание относится к тем, главным образом, семейным, сотрудникам, которых очень тяготил «квартирный вопрос».

Дело с устройством семей действительно обстояло плохо. Семья Михайлова в первую ночь по приезде в Алма-Ату ночевала просто на улице. Орлов, приехавший сначала без семьи, пишет 17 мая об утомительной обстановке: «...ночую на столе в служебной комнате у Мартыновой, выхожу из дому (далеко от утреннего завтрака в столовой) в 6⁴⁵, возвращаюсь «на стол» поздно вечером; при плохой кормежке из-за неустроенности очень отощал, устал... Неполадок масса: всякий пустяк делается с огромной возней; между некоторыми сотрудниками «пробежала кошка»; нет планов, до сих пор Эглон, Бишоф, Лукьянова и Степанова (зав. канцелярией) получили пропуска в столовую (и связанный с ней закрытый распределитель) только по переводу приказом во «временно исполняющих обязанности младших научных сотрудников» — как это сделано в Географическом и других институтах».

22 мая. «Вчера поздно вечером приехали Обручев с семьей и моя семья, жить пока негде, ночевали в ПИН^е и в препараторской... Денег пока нет «de facto» ни копейки... Жить негде. В недостроенные дома не пускают; временно пущенного Родендорфа кажется грозят выселить; я ночую со старшим сыном у Мартыновой — неудобно и конфузно; жену с ребятами (тремя младшими) упрашиваю пустить хоть временно в комнатушку к Бишофу, ничего пока найти, кроме недостроенных домов, не могу...»

А вот что пишет Борисяку только что упомянутый Орловым Борис Борисович Родендорф. 5 мая 1942 г.: «Приехал я сюда вот уже десять дней и только сейчас смог написать Вам. Доехали мы благополучно, очень только все устали и изголодались за дорогу. Сейчас все еще заняты устройством жилья — не только я, но и семья Геккер. Мы все крайне благодарны Е.А. Ивановой и Ю.А. Орлову за «прием» — все мы сразу же получили кров и хлеб, буквально на следующий день! Это исключительно оперативно, если вспомнить трудности, которые здесь существуют на этот счет. Теперь я занят всецело пропиской и окончательным устройством жилья — пока что моя семья (5 человек со мной) живет в девятиметровой комнате. Здесь идет подыскание домов под жилье и лаборатории с той или иной достройкой. Заключаются договоры; дома есть очень хорошие. Весь, конечно, вопрос в наших возможностях действительно произвести эту достройку, достать нужные материалы (олифу, алебастр!). Все это очень хлопотно и разумеется во всех отношениях мешает работе, о которой пока что лишь много думаешь, не больше...»

Это только первое письмо Родендорфа из Алма-Аты. В дальнейшем он почти в каждом письме касается жилищного вопроса. 22 мая 1942 г.: «Пущены мы в комнату с условием проведения в доме достройки... Существует возможность, притом ежедневная, услышать от хозяйки требование немедленно освободить комнату...» 8 июля 1942 г.: «По существу, моя семья с 20 июля 1941 г., когда выехала из Москвы, ни разу не находилась в минимально человеческих условиях. В Дюртюли, в Башкирии¹ они все вчетвером спали на одной кровати, располагаясь на ней поперек (!). Здесь спим на полу клетушки в 10 метров — лишь мальчишка двухлетний спит в отдельной кроватке...» (подчеркнуто Родендорфом).

Постоянно возвращается к вопросу о жилье, о достройке нанятых помещений и Ю.А. Орлов. 28 мая 1942 г.: «Некоторые материалы недоступны без Совнаркома (гвозди, олифа и так далее). Часть мы пытались получить в системе Ширпотреба (дорого и не все), дабы начать что-то, так как несколько тысяч для начала работ имеется. Плохо, что нет уверенности в возможности довести работы до конца, а какой же расчет останавливаться (из-за стройматериалов) на полпути...»

8 июня 1942 г. Орлов пишет Борисяку, что сотрудники «вынуждены начать возить кирпич на кладку печей в намеченных и завербованных к достройке домах до утверждения сметы ПИН в Казани и до обещанной в КазСовнаркоме поддержки по части стройматериалов: идет время; к владельцам домов подбираются более оперативные, чем Академия наук организации, мы рискуем потерять с трудом зафрахтованные материалы (кирпич, известку и так далее), транспорт, рабочих... В виду неналаженности быта (больше всего — квартир) с большим скрипом начинается вся работа. Все же подобрал себе жилье (проходная кухня) Д.В. Обручев с женой и дочкой; нашел комнату (с доделкой на 1000 рублей, иначе — временная) Михайлов... Эглон под кровом, но требующим доделки... Конжукова в наилучших условиях в виду максимальной денежной обеспеченности и необходимости прибавления только печки — на зиму... Для меня лично пока ни о какой своей работе не пришлось и думать: ночую на столе в служебном помещении палеоэнтомологов, там же ночует старший сын; жена с младшими — все еще в комнатушке Бишофа (ночующего из-за этого в палеоэнтомологическом помещении в большой тесноте и духоте...» (подчеркнуто Орловым).

Долгое время в алма-атинской группе считалось, что Алексей Алексеевич сам вот-вот переедет в Алма-Ату. Положение изменилось после весеннего общего собрания Академии.

¹ Место эвакуации ряда семей пиновцев. (И.Б.)

Х.С. Коштоянц, работавший во Фрунзе, не был переизбран в Бюро Биоотделения, вместо него избрали Бушинского, работавшего в Москве. Борисьяк оставался единственным членом Бюро во Фрунзе и его отъезд сильно ухудшил бы положение шести находившихся во Фрунзе институтов Биоотделения. Для окончательного решения вопроса во Фрунзе в начале лета ждали комиссию из членов Президиума АН во главе с президентом В.Л. Комаровым, но приезд их затягивался.

6 июня 1942 г. Борисьяк пишет в Алма-Ату Ивановой, что будет просить Комарова дать ему возможность половину времени проводить в Алма-Ате (вариант, впоследствии полностью отвергнутый Комаровым) и продолжает: «В сущности, для научного руководства я не нужен остро сейчас Институту: наши линии взяты четко, каждый сотрудник знает, как работать... Мое отсутствие в течение некоторого времени, как научного руководителя, не страшно Институту. Институту сейчас нужен хозяйственник-организатор-директор, — то, что я действительно всегда брал на себя и то, что Вы вдвоем конечно сделаете лучше меня...» Тем не менее в том же самом письме Борисьяк делает некоторые общие замечания к присланному Ивановой годовому плану, замечания, говорящие о нем именно как об ученом-организаторе науки: «Мне кажется, что детализация по темам обезличила общие установки. Может быть, не надо действительно повторять, что мы продолжаем оставаться академическим учреждением всесоюзного значения, которое отдает свои достижения потребностям тыла — как общесоюзного, так и местного, республиканского значения, но на конкретном материале плана это можно было бы показать более отчетливо...»

Второе, что я бы добавил, это — объединение под этими проблемами отдельных тем. Без этого теряется ясность того, что же даст по ним Институт... Приведу пример: работы в Киргизии по позвоночным, насекомым, моллюскам и экологии дадут исчерпывающую характеристику континентальной толщ, до сих пор бывшей «белым пятном». Именно это интересует геологов. А когда это изложено в виде отдельных тем в разных местах — нет общего впечатления...»

Наконец, академическая комиссия добралась до Фрунзе. 10 июня 1942 г. Борисьяк пишет Орлову: «Положение с нашим Институтом должно было выясниться сегодня, но Комаров заболел и заседание Президиума не состоялось. Пока был только частный разговор: Комаров при встрече задал мне вопрос, — чем он может мне помочь по моему Институту (по Вашей просьбе я посылаю ему в Алма-Ата молнию с просьбой помочь ПИНу). Я ответил: отпустите меня к Институту, в Алма-Ата. Тогда он спросил: «Вы не хотите работать в Отделении?», на что я ему ответил, что я не хочу работать в Отделении, но хочу быть с Институтом. Комаров ответил: «В таком случае надо перевести Институт сюда». На мое объяснение, что это физически невозможно, он предложил искать еще какой-нибудь выход, и мы остановились на переводе небольшой группы сотрудников сюда, которая вместе со мной составит головку Института, тогда как другие сотрудники останутся в Алма-Ата... Завтра окончательно вопрос будет рассматриваться в Президиуме...»

Немного позднее Борисьяк пишет Сарычевой, как в конце концов решился этот вопрос: «У нас был Комаров, Брицке, Байков — не по нашим делам, а по делам Комиссии по ресурсам, но кое-что говорили и о своем. Прежде всего, Комаров не пустил меня уйти из Бюро Отделения и переехать в Алма-Ата, а велел перевести часть Института сюда, а другую временно оставить в Алма-Ата...»

Слух о переводе ПИН во Фрунзе очень быстро распространился в академических кругах Алма-Аты, а затем и среди местного начальства. И та очень небольшая помощь, которую оказывали пиновцам, совсем сошла на нет. Это коснулось как тех, кто должен был переезжать, так и тех, кто оставался. Об этом много пишет Орлов из Алма-Аты Борисьяку во Фрунзе. 2 июля 1942 г.: «Брицке¹ не находит возможным хлопотать о достройке частного жилого сектора, хотя бы местные власти и пошли на это. Таким образом, мы оказались в положении обанкротившихся — так как впущены были в помещения и рабочие, и жилые за достройку,

¹ Член Президиума АН СССР, бывший в это время в Алма-Ате. (И.Б.)

а не за деньги, которые от нас брать отказываются. К нам уже предъявлены требования об уходе из занимавшихся обманным путем помещений, что касается в равной мере как жилого, так и рабочего фонда... Запрет на непосредственное вхождение с хлопотами и просьбами в Совнарком Казахской ССР — окончательно ликвидирует продолжение хлопот: не перед кем и негде хлопотать...»

Большое письмо 6 июля 1942 г. Орлов начинает с причин своего «относительного молчания». Одна из них — «несогласие в некоторых вопросах с Вами, в других — с Еленой Алексеевной <Ивановой> и нежелание усугублять имеющееся у Вас впечатление розни между Еленой Алексеевной и мной (на деле таковой нет — розни-то)». Другая — полная тщетность попыток чего-то добиться в смысле устройства в Алма-Ате. «И, наконец, последнее время — моя болезнь и неблагоустроенность, «вдвоем» свалившие меня с ног. Последние две с половиной — три недели я едва волочу ноги и лишь вчера и сегодня в состоянии писать сидя, а не лежа...

В Академии Наук здесь уже известна и принята «установка», что ПИН переводится во Фрунзе, и сразу же мы стали «отрезанным ломтем» по всем статьям... По пунктам дело представляется в следующем виде:

1. Необходимо провести некоторые достроечные работы в нескольких «объектах», иначе на улице оказываются и работающие в них сотрудники, то есть прекращается работа (Родендорф, Обручев), препараторы и матерьялы...

2. Необходима достройка и для того, чтобы не оказались на улице сами служащие и их семьи (Родендорф, Эглон, Геккер, Михайлов, Лукьянова, Мартынова с сыном...). Перечисленные лица имеют кров при условии достройки.

3. Необходима достройка склада — иначе негде хранить вывезенные коллекции, так как астрономы «выставляют» нас из своих помещений.

Все это понятно и просто, но не поддерживается теми, на кого мы надеялись... Таким образом наше положение осложнилось полной потерей всякой почвы под собой — и с пустившими нас без платы деньгами домовладельцами, и с академическим начальством, и просто «аппаратом». Между тем и переезд во Фрунзе не может быть близок и здесь ли, во Фрунзе ли, надо работать, а не только безрезультатно хлопотать над устройством «быта» и «условий для работы»... Надо «жить для того, чтобы работать» и работать, а для кое-кого выходит наоборот. Самому мне надоела бессмысленная трата времени по независящим от меня обстоятельствам. Хотелось бы заняться хоть какой-нибудь, нужной для чего-то работой, в особенности научной, которой я был лишен с начала войны...» (подчеркнуто Орловым).

Несмотря на все трудности, начался выезд части сотрудников на полевые работы. Первой, еще в июне 1942 г., выехала в Киргизию энтомолог Ольга Михайловна Мартынова, а в качестве помощника с ней поехал скульптор-реставратор Палеонтологического музея Ян Мартынович Эглон. Путь на работы лежал через Фрунзе. Здесь при встрече с Борисяком договорились, что Ольга Михайловна должна писать ему и о работе, и «о том, как мы питаемся, потому что несмотря на все усилия Алексея Алексеевича, ему не удалось достать нам наряд на какое-то продовольствие, в основном сухари и муку». Вот эти письма, написанные карандашом мельчайшим каллиграфическим почерком Мартыновой на самодельных открытках или свернутых и подклеенных в виде конвертов листках бумаги.

26 июня 1942 г.: «Вчера при помощи генерал-майора Чупрова мы выехали из забытого богом Рыбачьево и прибыли в Кочкорку. К нашему счастью, мы здесь встретили зав. Тяньшаньским облторгом, поэтому не пришлось ехать в Нарын. С большим трудом нам подписали распоряжение на выдачу 600 гр. хлеба в день — и больше ничего. Сегодня попытаемся съездить налегке в Чон-Туз, посмотреть бытовую жизнь на месте и найти обнажения, и тогда только перенесем палатки и все остальное. 30-го будем выдерживать борьбу для того, чтобы получить разрешение на муку, а не ездить за 20 км через день за хлебом. Крупы и муки тут не купить, масло 90-120 р. кило, и то лишь в воскресенье, яйца 12 р. десяток, молоко 6 р. литр,

и это все. Мяса в продаже нет. Вообще продавать не хотят, хотят лишь менять. Кочкорка — это тупик, из которого выехать очень трудно. Не представляю, как мы будем добираться отсюда с каменным грузом...

Природа тут веселее, чем в Рыбачьем, и солнышко светит ярче. С завистью смотрю на верховых киргизов, как бы было хорошо иметь одну лошадку, а то без своего транспорта — гибель. Юрию Александровичу <Орлову> видимо выезжать нельзя в поле, пропадет, ему надо много еды...»

29 июня 1942 г.: «27-го вечером добрались до соляных штолен, обосновались у десятника. Бедного Яна Мартыновича пришлось сейчас же послать обратно в Кочкорку за едой на базар, тут купить нельзя даже стакана молока. В общем очень трудно. Вчера вышла с утра на работу, и оба обнажения, на которые указывал Д.И. Яковлев, нашла. Сделала план и точно их нанесла на карту... Обнаружила еще одно местонахождение Insecta и одно обнажение уже засняла. Работы интересной много, только бы подкормиться хотя бы минимально. А то сегодня я весь день сижу на 100 гр. хлеба и одном яйце. А завтра, если не придет Ян Мартынович, то и того не будет, только прекрасная, хрустально-чистая вода и замечательно красивая природа...»

3 июля Мартынова пишет, что на участке возле Кочкорки «работы идут весьма успешно» и через неделю будут закончены. Объекты повторяются, а делать сборы с повторением трудно, так как тяжело будет вывезти их. «К сожалению, почти не находим насекомых с крыльями, сохраняются только тела и иногда великолепно... Съемку местности сделала, найдя на солеразработках компас... Ян Мартынович в прекрасном настроении, увлечен работой. Ему только очень трудно было переключиться с громадных скелетов индрика на крошечные отпечатки Insecta и он все их называет «точки». «Эта точка годится?», — обычно спрашивает он меня. Он очень заботлив и много трудностей снимает с меня...»

14 июля Мартынова сообщает, что накануне прибыли в Рыбачье, откуда на следующий день пароходом поедут в Пржевальск, и начнется новый этап работы и путешествий — Согюты. «Я пустила в меню свои вещи, поэтому мы были сыты в последнее время. Если во Фрунзе явемся чуть одеты — извините», — добавляет Ольга Михайловна.

18 июля 1942 г., Пржевальск: «Вчера прибыли в Пржевальск и почти все свои дела закончили... Три ящика с коллекциями из Кочкорки и один вьючный чемодан оставили в Рыбачьем в камере хранения гостиницы... Были на могиле Пржевальского и огорчились тем, что кругом насажали деревьев, закрыв вид на горы и попытались развести цветник, окружив памятник оградой. Цветник не вышел, все погибло, кроме пышно цветущего куста... картошки в одном углу ограды. Дикая нетронутая природа больше бы подходила этому красивому памятнику. От венка, возложенного Комаровым, ничего не осталось, даже признаков никаких нет его. Ну что же поделаешь, такова жизнь!»

28 июля 1942 г., Согюты: «Мы, хотя и дождались парохода, идущего южным берегом, нам все-таки обошлось дорого. Пароход, когда продал билеты и посадил пассажиров, то объявил, что в Кольцовке остановки не будет и высадил нас в Джерчалчаке, то есть за 67 км от Кольцовки. Удачно еще, что там удалось нанять подводу и доехать до места. В Согютах пришлось раскинуть палатку на месте стройки будущего керамического завода. Пока же это всего юрта, в которой живут директор и три инженера и несколько юрт рабочих... Место красивое, горы расцвечены выходами разнообразных пород и дают очень пеструю картину. Угольные пласты сменяются розовыми, желтыми и красными пластами глин. Есть чистый каолин. Придется ходить по горам в 10 км радиусом. Это меня немного пугает. Пржевальский Облторг дал нам изумительную бумагу, по которой нас должны были в районе хорошо снабдить. Но район оказался совсем без продзапасов, а на базаре купили единственного бывшего там петуха. Сельпо же дало нам хлеба на три дня! Вот и все. В общем, Кочкорка нам кажется сейчас раем. Но мы решили с Яном Мартыновичем, что все-таки будем работать и не уедем, пока не соберем нужного...»

Как раз во время работы Мартыновой на этом, оказавшемся крупным и очень интересным местонахождении, сын Мартыновой в Алма-Ате попал в больницу с гнойным аппендицитом. Об этом сообщил во Фрунзе Ефремов, где Борисяк и бывший в это время там же Орлов не знали, что делать — вызывать или нет Ольгу Михайловну с полевых работ, ведь доехать быстро было бы невероятно сложно. Спустя много лет Ольга Михайловна написала Марианне Алексеевне Борисяк, что осенью 1942 г., возвращаясь с Я.М. Эглоном из экспедиции, они заехали во Фрунзе, чтобы рассказать Алексею Алексеевичу о результатах работ. «А.А. остался очень доволен нашими сборами, мы действительно собрали неожиданно обильный и интересный материал по флоре и насекомым (юра и миоцен). Но А.А. был сконфужен и удручен, когда смущаясь, спросил у меня:

— О.М., у Вас, кажется, под халатом <синий служебный> нет платья?

— Нет, А.А., всю возможную и невозможную одежду мы с Я.М. выменивали на еду, чтобы собрать наш материал.

— Боже мой, как же я Вам все это возьму?!

Но мы с Яном были так увлечены и так радостно настроены, что и А.А. перестал огорчаться. Во Фрунзе я не задерживалась, потому что еще в Кольцовке получила телеграммы от А.А. и от Орлова о болезни сына... От Алексея Алексеевича: «КОЛЯ БОЛЕН, СДЕЛАНА УДАЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ, РАЗРЕШАЮ СДАТЬ ДЕЛА ЭГЛОНУ, ВОЗВРАЩАТЬСЯ АЛМА-АТА». От Орлова: «КОЛЯ УМИРАЕТ, ВЫЕЗЖАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО». Из ряда полученных телеграмм (они скопились в Кольцовке), к счастью, первая оказалась прочитанной от Алексея Алексеевича...»

Сразу же из Кольцовки Мартынова писала Борисяку (12 августа 1942 г.): «Спасибо за заботу обо мне. К сожалению, если бы было и не поздно и как бы не хотелось быстро доехать до Алма-Ата, но это же невозможно... Я крепко надеюсь, что Лукьянова, Иванова, Костецкая позаботятся о Коле и все будет хорошо. В это тяжелое время я сильно ощущаю своих друзей и понимаю, что во многих я верила не напрасно. Еще раз большое спасибо...»

Вообще Ольга Михайловна считала, что во многих трудных условиях ей помогают две вещи — ее энергия и умение легко знакомиться с людьми.

В этом же письме Мартынова подводит итог работам в Согютах. «Остаться еще на неделю у нас нет возможности, ибо одежды на себя оставлен минимум, а это значит питания больше не достать. Диким барбарисом и черной смородиной почти ликвидировали неприятности с деснами. В общем в Согюты мы собрали 1600 отпечатков (хороших) насекомых. В одном обнажении взяли великолепные отпечатки растений...»

Собирались в поле и другие сотрудники алма-атинской группы. 29 июня 1942 г. Борисяк пишет Родендорфу: «Мне передал Ю.А. Орлов, что Вы тоже устремляетесь во Фрунзе. Я ничего не имею против этого, если только Вы не будете торопиться переезжать: я рассчитываю на Вашу помощь в качестве замдиректора на время отъезда Ю.А. на работы в поле, это займет вероятно июль... и август в зависимости от полученной суммы денег... Строительство новых домиков будет все равно закончено не раньше сентября, а до того мало шансов что-нибудь получить, хотя я и буду хлопотать...»

Родендорф отвечает на это письмо (помимо телефонного разговора) 8 июля 1942 г.: «Приказ о новом замдиректоре в Алма-Ата написан и подписан Ю.А. Орловым. Он еще не передал мне всех дел, но по существу я во многом уже информирован достаточно. То, что я знаю, меня очень не радует...» Далее Родендорф подробно описывает, к кому из алма-атинского начальства обращались они все втроем (Орлов, Родендорф, Иванова) и по отдельности, и продолжает: «Пока что полным ходом начали проявляться следствия широкой известности факта нашего перевода во Фрунзе. Фесенков не хочет и слышать о достройке на территории Обсерватории хранилища для коллекций наших, говоря, что все перевозится во Фрунзе, хлопоты об квартирах, которые ведутся через помощника Фесенкова, по тем же причинам начинают тормозить-

ся...» Заканчивает Борис Борисович довольно резко: «Если Ю.А. <Орлов> волей судьбы не работал научно во время своего замдир`ства, то я не смогу позволить себе эту роскошь — при любых обстоятельствах я должен кончить статью о полете. Этим определяется мое поведение — быть замдиректором в Алма-Ата я могу только при наличии умелого и опытного хозяйственника Михайлова — без него здесь все хозяйственные дела встанут, так как я сам не буду обивать пороги бесконечных «торгов», «снабов» и других учреждений, которые с успехом посещает Михайлов... Я стремлюсь перебраться во Фрунзе елико возможно скорее...»

В свою очередь Борисяк в ответном письме Родендорфу пытается разъяснить ситуацию, как она видится ему с «высоты» академика, директора Института и без пяти минут уполномоченного АН, но по Фрунзе. Борисяк пишет, что на днях ему сообщили из Алма-Аты, «что будто бы ПИН, ввиду переезда во Фрунзе, снят со всякого рода снабжения... Если тут есть доля истины, то срочно от моего имени опротестуйте перед Фесенковым. Всякий сотрудник Академии, находящийся в Алма-Ата, — безразлично, там ли его институт, или нет, — пользуется всеми льготами и фондами, — вообще находится в ведении и под покровительством уполномоченного. Наконец, постановления о ПИН`е Президиума пока нет и неизвестно, в какой форме оно будет (я уверен, что весь ПИН не перевести, часть останется в Алма-Ата)...»

Увы, реальность была очень далека от приведенной «установки». Сохранился черновик письма Борисяка Фесенкову, возможно, написанному несколько раньше (даты нет). Письмо прекрасно отражает стиль Борисяка в обращениях в вышестоящие инстанции, стиль мало результативный.

«Глубокоуважаемый Василий Григорьевич!

Получил Ваш ответ — большое спасибо. Приходится вновь беспокоить Вас по следующему поводу. В приписке Вы сами пишете, что мои сотрудники бедствуют и зовете меня приехать скорее! Между тем помочь им можете только Вы один.

И по смыслу данных Президиумом полномочий и по объяснению В.Л. Комарова устройство учреждений и сотрудников лежит на уполномоченном Президиума, такова и вся практика устройства учреждений и во Фрунзе. Комаров даже выразился так, что он запретил директорам самим ходить по инстанциям, — и правильно: если будут ходить все, получится сумбур, неразбериха, подсиживание и так далее. Все дела должны регулироваться одним лицом, для чего и созданы уполномоченные.

Вот почему я позволяю себе обратиться к Вам с большой и убедительной просьбой принять моих сотрудников (Орлова, Родендорфа, Иванову), выслушать их конкретные нужды и помочь им. Я получаю от них отчаянные письма по поводу их жилищного неустройства в Алма-Ата. Приношу глубокие извинения за беспокойство, но, к сожалению, сам я ничем не могу помочь...»

Вскоре было решено, что «ввиду задержки строительства во Фрунзе» часть сотрудников — так называемая вторая очередь — останется в Алма-Ате еще некоторое время. И Борисяк сообщает алма-атинцам, что «снова телеграфировал Брицке, прошу... уважить мою комбинацию, то есть что часть сотрудников останется в Алма-Ата при условии полного удовлетворения жильем (через содействие Комарова)...»

7 августа 1942 г. Родендорф пишет Борисяку, что накануне состоялось совещание алма-атинской группы, «которое ничего существенного не дало». Ефремову, остающемуся в Алма-Ате, надо для работы чуть ли не 60 ящиков коллекций, их надо где-то хранить и над ними работать и соответственно иметь помещения, готовых таковых нет, нужна достройка. На совещании, которое Родендорф называет праздным и многословным, говорилось более всего о недостатках (дороговизне и прочем) будущего жилья во Фрунзе. «Известная доля справедливости все же в этом брюзжании была... Все, конечно, стремятся переехать во Фрунзе и дело лишь за помещением, — заключает Борис Борисович. — Наталия Павловна <Орлова> так же, как и мы с женой, считает, что нет никаких оснований серьезных сомневаться в целесообразности переезда...», — добавляет Родендорф.

В это сложное время маленькая хрупкая женщина Елизавета Ивановна Беляева была, вероятно, одна из немногих в алма-атинской группе, кто спокойно занимался исключительно научной работой. Возможно, ей действительно было немного легче — одинокая, она столовалась в семье брата и не имела административных обязанностей, хотя много помогала, когда это было необходимо. Беляева не только обрабатывала так сказать свою, собранную пиновцами, челкар-тенизскую фауну, но и находилась в постоянном контакте с местными геологами. Еще в начале июля Беляева сообщает Борисяку, что получила письмо от Н.И. Костенко о находке черепа крупного позвоночного в триасовой толще. «Полученное письмо... меня обрадовало, так как по нему можно судить, что мои разговоры с геологами КазГеолУправления о позвоночных Казахстана оставили какое-то впечатление...»

21 июля 1942 г. Беляева продолжает: «17 июля приехал Н.И. Костенко, который зашел ко мне и сообщил подробности о находке черепа... Об этой находке знают Кассин Н.Г., Шлыгин Е.Д., Л. Рыбьев (начальник КазГеолУправления)... Вчера Е.Д. Шлыгин привез череп и моллюски в Институт. Вы можете представить себе, с каким я трепетом начала развязывать пакет, боясь разочароваться в результатах, подобно тому, как это было в начале года при получении косточек¹ из Джунгарского Алатау. К сожалению, сохранность объекта очень плохая; в этом сказались отсутствие средств для пропитывания и упаковки. По первым попавшимся обломкам я смогла ответить Е.Д. Шлыгину, что это обломки зубов *Mastodon* и по всей вероятности *M. arvernensis*, то есть Н.И. Костенко имеет дело с плиоценом... Итак, Алексей Алексеевич, мои надежды оправдываются... Хотелось бы, чтобы Н.И. собрал бы еще больше «косточек», по которым можно было бы дать характеристику плиоценовой фауны этого интересного района...»

7 августа 1942 г.: «Последнее время вожусь с «черепом», который был получен от Н.И. Костенко. Выяснилось, что это не череп, а передняя часть нижней челюсти. Удалось выбрать все мелкие осколки эмали, их подобрать и склеить. Эти обломки, на сбор которых потратила несколько дней, подтвердили данное мною Е.Д. Шлыгину предварительное определение. Теперь я совершенно спокойна за мой ответ, что зубы принадлежат *Mastodon arvernensis* St.-Job...»

С середины августа начались разговоры о предоставляемых для переезда во Фрунзе вагонах. Началась укладка и переукладка коллекций и прочих материалов. Продолжалось это и весь сентябрь.

17 сентября 1942 г. Беляева пишет: «Мы сделали сортировку и составили списки. Теперь заняты перепаковкой ряда ящиков и запаковкой вскрытых новых Челкарских материалов. Недопрепарированный скелетик прошу отъезжающих во Фрунзе взять с собой в вагон, а не сдавать в общий груз. Для работы в Алма-Ата оставляем минимум, все остальное направляем во Фрунзе... При просмотре отпрепарированной Челкарской «мелочи» у меня не составилось впечатления об обилии *Chalicotheriidae*. Возможно, что это происходит от того, что я знакома только с частью, а не со всем материалом. Я предполагала заняться сортировкой и предварительным определением привезенной «мелочи», но теперь эту работу придется отложить. Отпрепарированную «мелочь» мы постараемся запаковать отдельно, и я попрошу Бишофа, чтобы он особо отметил этот ящик, и постараемся Вам его достать скорее. Если Вы возьмете что-нибудь в обработку, то попросите Бишофа его зарегистрировать, а если возможно, то и закаталогизировать...»

В последнее время мне удалось установить тесную связь с Алма-Атинским зооветеринарным институтом. Профессор Домбровский Б.А. разрешил мне заниматься при занимаемой им кафедре нормальной анатомии. Это дает мне возможность использовать имеющиеся у них остеологические материалы по интересующим меня вопросам возрастных изменений черепа. Вчера, просматривая черепа верблюдов, мне пришлось обратить внимание на то, что в

¹ «Косточки» — выражение, принятое А.А. Борисяком еще во время обработки им севастопольской фауны (1908—1910) и подхваченное Е.И. Беляевой. (И.Б.)

некоторых черепах P^3 и P^4 <предкоренные зубы> «повернуты» из нормального положения на 90° и 170° . С этим фактом я встречаюсь впервые. Домбровскому Б.А. также он не был известен. Каких-либо патологических изменений в черепе не наблюдается, так что нужно искать какие-либо другие объяснения. Профессор Домбровский Б.А. обещал мне помочь получить материалы и для проработки мышечной системы и очень поддерживает и одобряет эти мои намерения, с которыми Вы были знакомы еще в Москве. Конечно, на эту работу я буду выкраивать свободное время не в ущерб и не забывая свою основную плановую работу. Мне бы очень хотелось бы знать Ваше мнение и отношение к моим многочисленным симпатиям и установлению дружественных отношений с Ветеринарным институтом...»

«Ваша связь с Ветеринарным институтом является еще одним аргументом в пользу того, чтобы не спешить переселять Вас в Фрунзе», — ответил на это Алексей Алексеевич.

5 сентября 1942 г. Иван Антонович Ефремов, недавно побывавший во Фрунзе, включился в переписку о положении пиновцев в Алма-Ате — со своей, всегда особенной, точки зрения: «Хочу резюмировать Вам некоторые данные о положении алма-атинской группы ПИН, накопившиеся за последние дни. Положение в общем — печальное. В результате переговоров с «Комаровым» — то есть Шпаро, Черновым, выяснилось, что все они крайне удивлены таким переездом ПИН, когда во Фрунзе отправляются четыре человека, а в Алма-Ата остаются одиннадцать... За подписью Комарова к секретарю ЦК КП(б) Киргизии Вагову будет послана телеграмма о решительном содействии приисканию нужных помещений во Фрунзе, для переброски туда полностью всего ПИН. Я уверен, что ничего из этого следовать не будет, кроме того, что во всяких достройках и стройматериалах здесь нам отказано. Также будут крайне затруднены снабжения топливом, керосином и вообще всякие экстраслучаи с получением каких-либо материальных благ, так как разумеется нас будут систематически выключать из разных списков и заявок и восстановление в них — это дни, затраченные на беготню, разговоры и просто попусту, а не на работу. И так, пока что неудачно сформулированный переезд Института во Фрунзе является для алма-атинской группы настоящим бедствием. Мечты о настоящей, серьезно организованной работе развеиваются, а беготня без дела, затрачивая основное время на благоустройство, так противна, что при одной мысли об этом тошнит. Легче расстаться с Академией...»

Далее будущий писатель-фантаст предлагает четыре варианта как, по его «несовершенному разумению», следует организовать работу. Например, устроиться в небольшом населенном пункте, может быть, в горах в 30-50 км от Фрунзе, то есть без столовой, медицинского обслуживания и с очень плохим снабжением, что показали полевые работы О.М. Мартыновой. Этот и другие варианты «разной степени вероятности», но одинаково нереальные, так как выражения: «обеспечить специальным приказом», «остаться здесь прочно, по приказу Президиума» уже показали свою несостоятельность. Письма на эту же тему Иван Антонович повторяет каждые три-четыре дня, а затем появляется коллективное письмо. Судя по стилю и по тому, что первая подпись в нем Ефремова, он и является основным составителем этого «письма десяти».

19 сентября 1942 г.: «Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич! Мы, группа Ваших сотрудников — так называемая «вторая очередь» переезда во Фрунзе, обращаемся к Вам с просьбой о принятии необходимых мер, без которых Ваш план переезда Института ставит всех нас в очень тягостное, недопустимое, тем более в общих трудных военных условиях, положение.

Оставляя здесь, по Вашему указанию, минимум минимум материалов, мы неизбежно принуждены будем вести лишь подобие серьезной научной работы, причем потребует соответствующее изменение плана.

Заявление в официальных кругах об оставлении нас здесь, в Алма-Ата, на полтора-два месяца повлечет для нас лишение возможности получения топлива, керосина и другого снабжения, так как нас не захотят включить в списки, тем более, что товарищ Сатпаев уже отказал нам в снабжении топливом.

Опыт с ремонтом плодовоовощной станции во Фрунзе убедительно доказывает, что срок нашего переезда может затянуться и перед нами встает перспектива зимовки в крайне тягостных условиях работы и быта. Проживая, как Вам известно, в недостроенных помещениях и отказываясь, в связи со скорым отъездом, от их утепления и окончания начатого ремонта, — мы принуждены расторгнуть договора и немедленно освободить занимаемые помещения, то есть оставить ряд сотрудников, с их семьями, без крова...» Далее следуют конкретные перечисления, у кого нет стекол, вторых рам или печки, затем подводятся итоги и даются рекомендации, что делать.

«В итоге положение остающихся почти невыносимое как в смысле пребывания здесь, с перспективой переживания второй неустроенной зимы, так и в смысле осуществления переезда при очень тяжелом материальном положении сотрудников... Надеемся, что все изложенное достаточно ясно обрисовывает Вам, глубокоуважаемый Алексей Алексеевич, положение, в которое попала так называемая «Алма-атинская группа» Ваших сотрудников. Из этого положения могут быть только два выхода — или принять самые героические меры к деловому обеспечению переезда всего ПИН'а теперь же, или же разделить переезд на две части — оставив вторую часть с полным объемом научных материалов, инструментов здесь при серьезном обеспечении условий работы и быта до момента полной подготовленности Фрунзе и во всяком случае до весны». Подписи: И. Ефремов, Е. Конжукова, Д. Обручев, Б. Родендорф, Н. Костецкая, М. Лукьянова, Е. Иванова, Е. Беляева, О. Мартынова, Я. Эглон.

Семья Орлова и Геккера уже были во Фрунзе, сами они собирались на полевые работы, возможно, что переехал и кто-то еще, а вагонов для перевозки материалов все не было. Это понятно, если вспомнить, что тогда даже в самом глубоком тылу все жило под лозунгом «Все для фронта, все для победы». Во Фрунзе, например, все заборы и изгороди — а город был зеленый — были сделаны из широких металлических полос сплошь в круглых дырках. Ребенку было понятно, что это имеет отношение к оружию и это надо было подвозить к фронту как можно скорее.

Только в самом конце сентября дело подошло вплотную к переезду и тяжелее всего пришлось Родендорфу. 3 сентября 1942 г. он пишет: «Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич! Ваше решение оставить меня здесь, добиваться вагонов для грузов, было для меня совсем неожиданным. В свое время, Вы вероятно помните, я очень просил не назначать меня Вашим заместителем именно из-за трудностей хлопот по перевозу, которые я предвидел и которых очень хотел избежать, так как совсем неспособен к такого рода делам... Я был уверен, что при наличии Ефремова я смогу освободиться от роли организатора переезда, которую, как и всякую другую административную работу, выполнял всегда плохо. Ефремов гораздо энергичнее меня и более умел в обращении с организациями такого рода, как железная дорога...» Далее Родендорф все же отмечает, что Лукьянова, Ефремов и Беляева ему помогают. В конце письма Борис Борисович несколько раз просит извинить его за все недовольство и жалобы и написанное карандашом «за полчаса под горячую руку» письмо.

Уже 3 октября 1942 г. Родендорф совершенно спокойно и по-деловому пишет, каково положение дел с перевозом грузов:

«1. Сейчас веду хлопоты по введению в октябрьский план перевозок наших вагонов. Это оказалось не так просто, но кажется, все улаживается.

2. Веду переговоры о крытых вагонах или по крайней мере полувагонах. Проку мало... Сам я был у начальника Грузовой службы (который в свое время, когда я оформлял проводников, предупредил о невозможности получить вагоны), он снова подтвердил, что «в октябре наверно вагонов Вы не получите».

3. О крытых вагонах приходится говорить из-за того, что у нас нет досок и троса (или каната), чтобы укрепить ящики на платформах. Без увязки грузы при толчках несомненно развалятся и слетят с платформ — недогруживать платформы нам никто не разрешит (например, уложить ящики в один-два ряда).

4. Шедший первого октября и ночью второго дождь кончился. Он несомненно повредил наши книги и коллекции — брезентов у нас не хватает, чтобы все закрыть — ящиков много слишком. Сейчас стало сухо, холодно и солнечно. Коллекциям дождь наверное мало повредил и лишь книги вероятно пострадали. Сделать что-либо в тот день и ночь не было возможности и сил. Несомненная порча нашего груза, должен сознаться, есть первый результат моего «удачного» администрирования в качестве Вашего заместителя в Алма-Ата...

...б. Ехать с платформами — необходимое, но очень тяжелое дело. Нет ни у кого теплых вещей — тулуп Орлова, кажется, увезен Наталией Павловной, да, кроме того, он один, а ехать надо двум или трем людям (самым ответственным людям — мне, Ефремову и Лукьяновой — это мое предположение). Кто нам даст тулуп или полушубок, неясно. А простые вагоны можно запломбировать и отправить без проводников.

Надо сказать, что Сатпаев (сменивший Фесенкова на посту уполномоченного АН по Казахстану) помогает нам как может в своих силах: в нашем распоряжении была двое суток грузовая машина (с его бензином), он дал, сколько мог, леса. Деньги он дал опять-таки, сколько мог... На Сатпаева жаловаться я никак не могу, скорее наоборот... Очень надеюсь скоро быть в Киргизии!»

Видимо, это и осуществилось, потому что это было последнее письмо от Родендорфа из Алма-Аты.

Со своей стороны Борисяк отвечал на письма главным образом телеграммами, иногда сразу в два и даже в три адреса. Например, 3 октября 1942 г.: «АЛМА-АТА ТРИ АДРЕСА. УПРАВЛЯЮЩЕМУ ТУРКСИБА. КАЗФАН САТПАЕВУ. КВАРТАЛ 241 ДОМ 12 РОДЕНДОРФУ. НАСТОЯТЕЛЬНО ХОДАТАЙСТВУЮ ПРЕДОСТАВИТЬ ОБЕЩАННЫЕ НКПС ВАГОНЫ ПЕРЕВОЗКИ ФРУНЗЕ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА. ПЛАТФОРМЫ НЕДОПУСТИМЫ ТРОСА ЛЕСА НЕТ РАЗРОНЯЕМ МЕЛКИЕ ЯЩИКИ ЦЕННЕЙШИМИ МАТЕРИАЛАМИ. ЗАМПРЕД ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗНОЙ АКАДЕМИИ НАУК АКАДЕМИК БОРИСЯК».

Другая телеграмма: «ОСТАВЛЯЮ ВТОРУЮ ОЧЕРЕДЬ ДО ВЕСНЫ. ХЛОПОЧУ УСТРОЙСТВЕ. БОРИСЯК», — очевидно, является ответом на «письмо десяти».

Большинство сотрудников, оставшихся в Алма-Ате, принадлежало к отделу низших позвоночных, руководимому И.А. Ефремовым. Предоставим ему слово.

19 сентября 1942 г.: «Я в большом затруднении по поводу организации научной работы отдела в связи с этаким переездом во Фрунзе... Моя работа по большой монографии такова, что я должен иметь при себе в момент описания большой материал... Оставить здесь нужные мне 28 ящиков плюс книги плюс рукописи я не рискую, за отсутствием помещения для работы, которого теперь ни в коем случае не будет (только место — вернее, толкучка, одна для всех на 241 квартале, дом 12, поскольку от Тищенко придется выселиться за неокончание ремонта, а ничего другого нет), и не только для работы, но и для самого примитивного хранения...

Как видите, в смысле организации серьезной работы, я стою теперь перед очень большими затруднениями. Между тем, я считал и считаю, что в оставшиеся месяцы 42 года нужно сделать как можно больше — как и из-за общей обстановки, так и из-за постоянной опасности моей мобилизации... Работать я могу много и давать много тематики для других, но к сожалению — только в сносных условиях (под которыми я подразумеваю отсутствие тесноты и толчеи). Без этих условий мне лучше за работу не браться — будет только прохождение времени и неврастения.

Изложенное объясняет, почему в предыдущих письмах я предлагал Вам организовать мой отдел, хотя бы в весьма удаленном от Фрунзе месте, лишь бы иметь достаточное помещение и не бегать километрами в столовую и другие подобные учреждения, теряя целые рабочие дни».

22 сентября 1942 г.: «Мое единственное желание — это работать как можно скорее и как можно больше — очень много важного и интересного накопилось за годы работы в ПИН. Однако, я не могу работать в кабацких условиях — это мой дефект, я знаю, но ничего не могу

поделать. В плохих условиях я не наработаю на медный грош и меня надо либо гнать, либо давать хорошие условия — может быть лучше, чем другим. Тогда коэффициент полезного действия моей мозговой машины будет высок. Иначе ничего не выйдет и лучше уже и не стараться...

Здесь сейчас особые условия — никакой помощи не достать абсолютно, всякая прописка прекращена, частная площадь нещадно изымается. Таким образом, нет никакой возможности организовать здесь что-нибудь после того, как дом Тищенко от нас ушел, ни о каких достройках не может быть и речи...»

21 октября 1942 г.: «Я, имея незаконченной большую и важную работу, являясь единственным в составе Академии (и всего 2 в Союзе сейчас) специалистом по древнейшим тетраподам, получая от правительства броню и специальные указания на устройство быта ученых — должен серьезно и продуктивно работать. Поскольку я нахожусь в системе Вашего Института, я... прошу обеспечить меня рабочим местом и условиями работы... Научная работа есть моя прямая и единственная обязанность в ПИН — только это меня теперь и интересует. Я не могу больше тратить силы (и без того сильно убывшие) на нецелесообразную и непонятную мне «организацию»».

22 декабря 1942 г.: «Здесь пока дружными усилиями всего коллектива созданы более или менее нормальные условия для работы и существования. Помещения отапливаются, керосин есть (необычайная доблесть Елены Дометьевны <Конжуковой>) и те, у кого есть материалы, могут очень прилично работать...»

24 декабря 1942 г.: «Моя работа — в меру низкого коэффициента полезного действия из-за условий местоположения и быта — двигается, но конечно изучение всяких стратиграфических, главным образом, ерундовских посланий, имеющихся здесь, отнюдь не удовлетворяет и не воодушевляет. Утешение только то, что в других случаях — наблюдений много — бывает и хуже, а имея рабочее помещение и приличную жилую комнату можно сверх формальной работы о многом думать и лучше вооружать себя для той большой работы по пермским, которая собственно и должна бы вестись...»

Поздней осенью 1942 г. собралась в командировку Елизавета Ивановна Беляева. Сначала предполагалась поездка в Павлодар вместе с Я.М. Эглоном. Впрочем, последний очень неохотно покидал Алма-Ату, где, по словам Ефремова, подрабатывал на киностудии в качестве скульптура и резчика по дереву. Беляева пишет, что из-за позднего времени (кое-где уже выпал снег) задачу командировки приходится сводить до минимума — только выяснить состояние интересующего местонахождения. С большим воодушевлением Елизавета Ивановна пишет о необходимости в план на следующий год включить работу по Иртышу от Омска до Семипалатинска и хотя бы рекогносцировочное обследование Зайсанской котловины.

Однако командировка в Павлодар почему-то не состоялась, и 23 ноября Беляева сообщает, что 26 выезжает в Семипалатинск. Одновременно она пересылает повестки (они не сохранились) о заседаниях «нашего научного кружка. Эти заседания стараюсь проводить регулярно через субботу, они очень объединяют нас и посещаются не только пиновцами...» Из командировки Беляева вернулась 15 декабря. «Рад Вашему возвращению, — пишет Борисяк Беляевой 21 декабря, — я уже начал беспокоиться, не имея от Вас никаких вестей из Семипалатинска. Жду дальнейших известий... Готовим с Бишофом новую препаративную — только что нанял большую комнату совсем близко от меня. Начнем с тургайского большого черепа — здесь спирт имеется в достаточном количестве (для шеллака)...»

В Семипалатинске Беляева работала главным образом в Областном музее. 26 декабря 1942 г. она продолжает: «Из просмотренных материалов меня очень интересуют данные относительно плиоценовых мастодонтов, остатки которых были получены из отвалов золотоносных приисков Усть-Каменогорского района. К моему сожалению, я ничего не получила в Золоторазведке... По четвертичным млекопитающим в Музее имеются материалы, относящиеся

к средне- и верхне-четвертичным фаунам. Есть намеки и на остатки ранне-четвертичной фауны... Поездку в Чимкент пришлось отложить, так как Музей там сейчас закрыт. К большому сожалению, не удалось в этом году исполнить Ваше и мое намерение посетить Павлодар. Надеюсь, что в будущем году это можно будет сделать, так же как и совершить поездку на Зайсан. Только бы были отпущены вовремя деньги!...»

И еще одно письмо об алма-атинских делах пишет тоже Беяева. 3 января 1943 г.: «С 28 декабря по 31 декабря проходила научная конференция КазФАН`а, подводящая итоги проделанной работы за 25 лет. Прослушанные доклады по геологии, почвоведению, ботанике, зоологии, истории-археологии рисуют ясную картину, что сделано и что надо еще делать по Казахстану. Устроенная выставка очень хорошо и интересно была оформлена. Заседания происходили в Доме правительства; открытие конференции было в театре оперы и балета. В следующую субботу, 9 января, намечается заседание нашего научного кружка с докладом Е.Д. Конжуковой «Изменчивость тихоокеанских брахиопод»... Намерена в ближайшее время возобновить свою работу в Зооветеринарном институте, прерванную из-за командировки. К тем материалам по черепакам копытных, которые имеются там, хочу присоединить и то, что есть в Зоологическом музее... Имеется ли какая-нибудь возможность напечатать небольшие статьи о находке *Elphas* в долине р. Или и о находке мастодонта в восточном Казахстане? Всякий интересный материал я собираю в свои «Палеонтологические заметки по третичным и четвертичным млекопитающим Казахстана», возможно, что они в результате дадут интересные Заметки. В коллекцию Семипалатинского Музея попался один череп ископаемого барана, который заинтересовал и привлек мое внимание. Кажется, такой же череп я видела в Зоомузее Алма-Атинского университета. Займусь проверкой...»

К сожалению, никаких сведений об алма-атинской группе за январь-март 1943 г. в архиве А.А. Борисяка не сохранилось. А во второй половине апреля 1943 г. почти все перебрались во Фрунзе. Позже других переехали только Е.А. Иванова из-за тяжелой болезни матери и помогавшая ей О.М. Мартынова.

ИШИМБАЕВСКАЯ ГРУППА

Ежемесячные отчеты Руженцева. Переписка Шульги-Нестеренко и Борисяка.
Сошкина и Хворова о своей работе.

Е.А. Иванова в уже цитированном очерке (1980, с. 22) пишет: «Часть работников Института включилась в Башкирскую экспедицию Академии наук СССР. Основная задача экспедиции состояла в определении наиболее перспективных участков для разведки на нефть. В составе экспедиции был организован палеонтолого-стратиграфический отряд, в который от ПИН'а вошли В.Е. Руженцев, Е.Д. Сошкина, М.И. Шульга-Нестеренко, С.Е. Розовская, Н.Н. Костецкая, Н.А. Шишова. По прибытии в Уфу В.Е. Руженцева назначили заместителем начальника геологического отдела экспедиции А.А. Богданова; отряд приступил к разработке биостратиграфии нефтеносных отложений...» Эту группу пиновцев и стали называть ишимбаевской — по району их работ. Она оказалась наиболее стабильной, может быть поэтому она представлена в архиве А.А. Борисяка мало, главным образом письмами Руженцева, который в осенне-зимние периоды регулярно извещает Борисяка о делах экспедиции и о требованиях пиновцев к ней. Ишимбаевцы уехали из Москвы 21 июля. Они прибыли в Уфу, как явствует из следующего письма, 6 августа 1941 г.

6 сентября 1941 г. Руженцев пишет письма Борисяку и Ивановой, почти дословно повторяющие друг друга: «Сегодня исполнился ровно месяц с тех пор, как мы, сотрудники ПИН'а, прибыли в Уфу, чтобы принять участие в работе Башкирской экспедиции АН. Пользуясь этой датой, я хочу сообщить Вам, как протекала наша работа.

По прибытии в Уфу мне стало известно, что в списках палеонтолого-стратиграфического отряда я не значусь, так как для меня намечена работа, связанная с изучением красноцветных отложений... В результате переговоров меня зачислили зам. начальника геологической группы с ответственностью за стратиграфические работы. Таким образом, мне пришлось взять на себя научное руководство отрядами Раузер, Маслова (литологический), Страхова (кунгурский) и съёмочными. Для ясности надо сказать, что в построении своей работы экспедиция не считается с принадлежностью сотрудников к тем или иным институтам, тем более, сейчас, когда экспедиция стала стационарной.

Очень скоро я убедился, что планы работы некоторых отрядов мало удовлетворительны. Это прежде всего касается отрядов Раузер и Маслова, которые, работая в одном и том же направлении (генезис известняковых массивов), никак не хотели увязать свою работу. В результате эти два отряда слиты в один — 5-й геологический — под начальством Раузер.

Шиханы, как оказалось, имеют сложное строение, сложную тектонику. Это не просто рифы, как думали некоторые. При исследовании их очень пригодился бы Роман Федорович <Геккер>, которого Маслов не может заменить ни в какой степени...

Работа наша протекает в очень сложных и трудных условиях. Сроки страшно сжатые. Мы должны в основном базироваться на прежних исследованиях, которые, к сожалению, очень часто мало удовлетворительны. Полевая работа продлится до 1 ноября, а к 1 декабря мы должны дать предварительный отчет и предложения по методике разведки. Машин не хватает. Скверно отражается на работе то, что у нас нет начальника экспедиции. Мучает неизвестность о дальнейшей судьбе нашего Института...»

В сентябре в командировке в Уфе побывал Р.Ф. Геккер и подробно написал Борисяку об ишимбаевцах. 16 сентября 1941 г.: «Приехав в Уфу, я занялся выяснением возможности получения 1-2х автомашин Башкирской экспедиции для переброски музейских ящиков из Чкалова в Каргалу. Для этого я выезжал в Ишимбаево. Машин отпустить не согласились (у самих, как всегда бывает, недостаток). В Уфе видел М.И. Шульгу-Нестеренко, лишь она из пиновцев не работает в поле, ревизует определения мшанок местных работников и обучает одного из них определению мшанок. В Ишимбаеве видел Руженцева, Шишову, Раузер-Черноусову, Богданова, Блохина, Маслова. Сошкина была на одном из шиханов (гор-одиночек). Руженцев стал замом или помощником Богданова и следовательно, касается работ всех геопольных партий, что знакомым образом отражается на их настроении. Он и Богданов предлагали мне включиться в работу Башкирской экспедиции, так как для полного комплекта работ и я был бы полезен. Я, однако, отказался, мотивируя тем, что это должно было быть сделано с самого начала, как ПИН`ом и было запланировано, сейчас уже поздно как по времени, так и потому, что я работаю в спецкомиссии Ферсмана. Отказался также от предложений Маслова и Раузер показать мне некоторые детали на шиханах, так как такие взгляд и нечто меня мало удовлетворяют, а затем зависимость от других людей стоит всегда много времени (появлюсь на шиханах как-нибудь независимо и со своей программой). В общем ничего особенно нового по вопросам геологии здесь пока не слышно (многолюдие жуткое: здесь ведь и Крестовников, и Страхов, и должен приехать Шатский). Все наши нашли себе приличные квартирные условия в Уфе...»

В октябре Руженцев продолжает информировать Борисяка о том, как протекает работа. 10 октября 1941 г.: «Полевой период нашей работы близится к концу. По плану мы собирались работать в поле до 1 ноября, но вероятно кончим раньше, так как погода стоит весьма неблагоприятная. С половины сентября и по сие время шли дожди, так что все дороги стали непроезжими для автотранспорта. На подводах передвигаемся с трудом.

В общем, работа наша протекает удовлетворительно. К 1 октября нас уже просили представить соображения относительно участков, которые могли бы быть подвергнуты глубокому разбуриванию. Нами были указаны два участка. Предложения по методике разведки мы должны представить к 1 декабря, но это только первый этап работы. Сейчас мы с Богдановым приступили уже к составлению плана работ на следующий год с таким расчетом, чтобы к концу 1942 г. работу экспедиции закончить...

Все наши сотрудники здоровы, работают хорошо, хотя и страдают сильно от непогоды...»

В конце декабря Руженцев снова кратко отчитывается о работе («заканчиваем составление отчета по экспедиции за 1941 г.») и сообщает о некоторых неприятных тенденциях в работе самой экспедиции: «Руководство экспедиции не очень заинтересовано в положении институтов, вследствие чего от времени до времени выдвигает различные варианты: о прикреплении сотрудников к СОПС`у, о передаче ассигнований на штатную зарплату экспедиции и так далее. Сотрудники Геологического института, наряду с нами, не поддерживают этих вариантов...»

7 февраля 1942 г. Руженцев продолжает: «О нашей работе. Экспедиция только что закончила составление отчета за 1941 год. Отчет вышел весьма объемистый, с большим количеством графических приложений. Большая доля работы в сводном отчете выпала на меня, а именно: стратиграфия морских верхнемезозойских отложений, предложения по методике поисков погребенных массивов и, наконец, перспективная оценка нефтеносных площадей Ишимбаевского Приуралья. Ввиду больших затруднений с бумагой для перепечатки отчета, сейчас переплетают пока два экземпляра... Всего намечено подготовить 12 полных комплектов отчета со всеми приложениями (материалы отдельных сотрудников). Один из них будет послан Палеонтологическому институту. Кроме того, я дал указание нашим сотрудникам составить краткие годовые отчеты об их работе. Эти отчеты в ближайшее время будут посланы Вам...»

Ирина Васильевна Хворова (жена Руженцева) с осени была в действующей армии. Оттуда она пишет Ивановой (декабрь 1941 г.): «Как Вы уже знаете, под Москвой дела идут

успешно: немцев здорово побии. Надеюсь, что 1 Мая мы будем праздновать все вместе в Москве...» Но сама она вернулась в Москву уже 3 января (как сообщает Добролюбова), и вот снова письмо Хворовой к Ивановой (8 февраля 1942 г.): «Пишу Вам из Уфы. Вы уже, наверное, знаете, что я демобилизовалась, и по распоряжению Алексея Алексеевича направилась в Башкирскую нефтяную экспедицию. Буду работать либо с Масловым по «рифовым массивам», либо с Раузер по погребенным ишимбаевским массивам. Обе работы интересны и несколько однотипны. Конечно, первая интереснее, поскольку здесь мы имеем дело с обнажениями, а не с кернами, но вторая как будто бы актуальнее. Душа моя конечно не здесь, а в нашем дорогом Подмоскovie. Все эти перекристаллизованные и дислоцированные породы так не похожи на наши изумительные породы — осадки. С грустью вспоминаю водорослевые известняки, доломиты Ржевского Поволжья и Толпинские плитки с фауной... Надеюсь, что летом 43 года мы отправимся с Вами в плавание по Подмосковскому морю. Будем измерять соленость его лагун, лежать на отмелях известковых песков, собирать водоросли, кораллы, ловить планктон и путешествовать по неровному скалистому дну. Правда, хорошо? В Уфе немножко скучно. Может быть, я еще не привыкла к здешней публике и условиям работы. Слишком много здесь ведется разговоров о дровах и картошке... Раузер как и прежде работает с изумительным рвением, жадно поглощая все новые и новые порции фузулинид. Мария Ивановна <Шульга-Нестеренко> очень тоскует, сильно похудела (!), ее мучает одиночество. У Елизаветы Дмитриевны <Сошкиной> настроение тоже невеселое, ее не удовлетворяет работа и быт свой она как будто бы наладила плохо, Костецкая болеет...»

Без числа: «Здесь было много беспорядков — и люди не чувствовали обязанностей работать по-военному, и руководство допускало много ошибок... Сейчас дела понемногу выправляются, люди мобилизованы на выполнение определенной задачи — поисков нефти, руководство тоже перестраивается, так что, думаю, летний период принесет хорошие плоды.

Сама я буду заниматься палеогеографией, которая в здешних условиях должна дать конкретные ответы на практические вопросы. Немножко побаиваюсь большого объема работ. Ну да бояться сейчас работы нельзя. Многие мои армейские товарищи лежат в земле и перед их образами было бы стыдно бояться какой бы то ни было работы. 24 часа в сутки нам в тылу работать мало, чтобы окупить свое «тыловое спокойствие».

Если бы у меня не было детей¹ и матери, я бы добилась возвращения на фронт. Мать в каждом письме умоляет меня этого не делать. Она сейчас в Москве и переживает много тяжелых часов. Брат мой на передовых позициях. Был ранен, но поправился и снова в боях. Конечно, старуха не находит себе места. О ребятах тоскую сильно... Наверное, они меня совсем забудут... Надеюсь, что следующее лето мы вернемся к своему делу и с честью его окончим.

Беспокоюсь за Татьяну Алексеевну <Добролюбову> и Наташу <Кабакович>. Когда я уезжала, они выглядели очень скверно. Мать пишет, что с питанием в Москве плохо.

Наши сотрудники живут не плохо, по сравнению с тем, как живут многие теперь. С пайками действительно получается не совсем хорошо, так как ГИН ежемесячно присылает своим сотрудникам довольно солидные пайки. Сошкина и Костецкая часто болеют, особенно последняя...»

Новое письмо Руженцева Борисяку выдвигает новые претензии как к руководству Башкирской экспедиции, так и к дирекции ПИН. 23 мая 1942 г.: «Давно не писал Вам, так как был занят разными делами. Во время отсутствия начальства вся тяжесть работы по Экспедиции лежала на мне, а после возвращения начальства началось составление планов и так далее. Только вчера подписан приказ об утверждении плана работ и о расстановке сил.

У нас теперь структура такая — две группы: геологическая и геофизическая. Начальник геологической группы — Богданов, зам. — я. Группа подразделяется на три подгруппы: каменноугольно-артинская (Руженцев), кунгурская (Страхов) и уфимская (Богданов)...

¹ Дети Руженцевых находились в Боровом, их вывезли академическим эшелоном летом 1941 г. (И.Б.)

Каменноугольная подгруппа подразделяется на 8 отрядов, территориальных или тематических:

- 1) Ишимбаевский (Раузер-Черноусова)
- 2) Шихано-Карлинский, наиболее важный в отношении перспектив (Хворова)
- 3) Улу-Телякский (около Уфимского плато) (Келлер)
- 4) Селеукский на западном склоне Урала (Крестовников)
- 5) Зилимский там же (Зайцев)
- 6) Палеонтологический, объединяющий все работы по изучению фауны (кроме фузули-нид) и биостратиграфии (Сошкина, сюда же входят все наши сотрудники, кроме Хворовой)
- 7) Тектонический (Шатский) и
- 8) Палеогеографический (Маслов).

Эта структура была предложена мною и принята без возражений.

Отсюда Вы видите, что работники нашего Института заняты на важнейших участках работы. Более того, в приказе по Экспедиции к 1 мая благодарность за руководство геологической группой была вынесена не начальнику, а его заместителю.

Все это я пишу для того, чтобы сделать фон для освещения других сторон нашей жизни.

Я Вам уже телеграфировал и писал, что ИГН прислал своим сотрудникам очень хорошие пайки. Как это ИГН делал, я не знаю, но факт остается фактом, сотрудники ИГН пайки съели. Немного уделали нескольким бывшим сотрудникам ИГН`а, ныне работающим по договору. Затем из Миасса прислали мыло. Мы, конечно, ничего не получили. В настоящее время из Миасса прислали большое количество промтоваров (рублей на 300-500 на человека). По здешней конъюнктуре в переводе на продовольствие это большая поддержка для полевых работников, которые не будут иметь столовой. Нам сказано, что наши фонды вероятно в Алма-Ата.

Ко всем этим делам Экспедиция никакого касательства казалось бы не имеет. В самом деле, ИГН присылает товары для своих штатных сотрудников, Местком проводит распределение между оными и выражает удивление по поводу того, что есть вот институты, которые бросили своих сотрудников на произвол судьбы, никак о них не заботятся, а может быть и фондами, отпущенными для них, пользуются. Естественно, что настроение наших сотрудников от этого не улучшается. Кроме того, это сказывается на общем уровне жизни, отсюда истощение (Сошкина, Костецкая, Розовская), отсюда постоянные бюллетени и так далее.

Администрация Экспедиции разъяснила мне, что фонды распределяются Президиумом по крупным базам (Свердловская, Казахстанская и другие), которые в свою очередь распределяют по институтам. Так как ПИН на мое заявление не обратил в свое время внимания, то все осталось по-старому, вопрос не был урегулирован. Вследствие чего сотрудники ПИН`а были и остаются в значительно худших условиях по сравнению с сотрудниками ИГН`а, причем это прямо, повторяю, не зависит от Экспедиции. Здесь нас ценят, отличают и поручают наиболее ответственные участки работы. Тем не менее, вина Экспедиции в этом есть...»

Далее Руженцев подробно характеризует начальников и замов начальников Экспедиции и перечисляет их промахи в бытовом обустройстве сотрудников, а затем переходит к «другой стороне дела».

«ИГН принимает активное участие в делах экспедиции и не только хозяйственное, но и научное. Сюда приезжал с официальной миссией Меннер... Отчет Экспедиции очень давно послан в ИГН. В ПИН, несмотря на мои напоминания, еще не послан.

Получается такое положение: ПИН мало интересуется жизнью своих сотрудников в Уфе и работой Экспедиции, это видит администрация и, будучи сильно заинтересована в работе сотрудников ПИН`а (попробуйте отозвать), мало интересуется самим ПИН`ом. В результате мы находимся в плохих бытовых условиях, Вы не можете получить отчета, планов работы и так далее.

Я прошу Вас учесть все изложенное мною и через Биоотделение, Президиум и Президента АН вмешаться в дела Экспедиции, если Вы считаете себя ответственным за работу нашей группы.

Добивайтесь улучшения в вопросах снабжения — Ваши сотрудники не хуже сотрудников других институтов, это видно по работе.

Требуйте, чтобы отчеты, планы и другие материалы Экспедиция высылала Вам и чтобы Вы могли иметь здесь свое мнение...

Добивайтесь, наконец, чтобы участки работы, за которые отвечает ИГН и ПИН, были разграничены так же строго, как разграничивают фонды продовольственные и промтоварные. Раз делиться, так делиться, мы от этого не пострадаем.

Если найдете нужным отозвать меня или всю группу из Экспедиции, я возражать не буду...»

Не менее категоричен был Руженцев и в своих телеграммах. Вот пример: «СОТРУДНИКИ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ПОЛУЧИЛИ ПАЙКИ НАШИ РУГАЮТСЯ ТЧК ТРЕБУЙТЕ ЧЕРЕЗ ПРЕЗИДИУМ ПЕРЕВОДА ФОНДОВ НА 7 ЧЕЛОВЕК НА УФУ РУЖЕНЦЕВ».

В следующем письме Руженцев хочет «сделать некоторые дальнейшие разъяснения». 30 мая 1942 г.: «Я хочу внести ясность в некоторые неясные для Института вопросы. Должен отметить прежде всего, что установка Экспедиции коренным образом расходится с установками институтов вообще. А.А. Блохин считает, что институты не имеют права вмешиваться в дела Экспедиции. Г.А. Ушаков едет сейчас в Казань для решения некоторых организационных вопросов. Между прочим, ставится вопрос о том, чтобы запретить институтам обращаться непосредственно к своим сотрудникам. Иначе говоря, руководство Экспедиции стремится к тому, чтобы институты не имели никакого влияния на дела Экспедиции... Все, что представляю в Институт я, есть мое личное дело... С того момента, как в Экспедиции появился Блохин, он стал твердо проводить политику отстранения институтов... В результате положение нашей группы очень тяжелое. ИГН сам снабжает своих сотрудников, мы же твердо сидим на мели. В результате Костецкая, Сошкина и Розовская перманентно больны, мне же приходится проводить большую работу по руководству, причем я от этого не в восторге... Создавшееся положение приводит к тому, что наш Институт здесь совершенно затерялся. Я приложил все же все старания и организовал в каменноугольно-артинской подгруппе специальный палеонтологический отряд... Создается такое положение: ИГН близко, ПИН далеко; первый имеет в экспедиции большой коллектив, второй — маленький. И хочет ли того или не хочет Блохин, но ИГН влияет на дела, так как происходит непрерывная циркуляция из Миасса в Уфу и обратно. Мы же брошены на произвол судьбы и нас постепенно осваивают...»

И так далее, и так далее — крупным твердым ясным округлым почерком исписывает Руженцев страницу за страницей — до восьми в каждом письме, все о том же и о том же.

Разумеется, Борисяк не мог оставить все это без внимания. И хотя большинство его ответов Руженцеву до нас не дошло, в переписке Алексея Алексеевича с Ивановой и Орловым проблемы ишимбаевцев затрагиваются неоднократно.

Так, 6 мая 1942 г. Борисяк пишет Ивановой: «Несколько дней назад я писал Руженцеву и, на основании рассказов Ю.А. Орлова, просил его обратить серьезное внимание на имеющееся мнение о ненужности ишимбаевских палеонтологических работ; просил сугубо подчеркнуть их значение в статьях, которые будут напечатаны экспедицией в «Известиях» Академии. Отчет его (за прошлый год) говорит другое, как и его «тоска» по поводу отъезда М.И. Шульга-Нестеренко и невозможностью получить в Уфу Добролюбову. Мне неясно, действительно ли наши работы не нужны (это был бы провал), или от них ждут не то, что нужно; например, Е.Д. Сошкина пишет: «Мы не открыли ни одной новой шишки», — это, конечно, не наше дело, а вот характер шишек (риффы или останцы), их точный возраст

(тонкая стратиграфия) — это мы должны сделать. Мы хорошо знаем если не враждебное, то индифферентное отношение практиков к палеонтологии. Я надеюсь, что ишимбаевская наша работа пробьет эту скверную традицию, унаследованную от самого скверного старого. Будет печально, если это не осуществится.

Думаю, надо подождать ответа Руженцева (между прочим, я обратил его внимание, что слова «палеонтология» нет в плане). Тогда решим, что делать. Можно ли будет в крайнем случае ишимбаевцев занять работой в Алма-Ата? Но отозвать — значит, признать нас провалившимися...»

В вопросе о фондах для ишимбаевцев Борисяк просит разобраться Орлова. 10 июня 1942 г.: «Необходимо срочно выяснить у Фесенкова наличие фондов (продуктовых и промтоварных) для находящихся в его ведении институтов: на каждый институт выдаются из Центра фонды по числу сотрудников. Здесь во Фрунзе на них устраивается сейчас общая столовая и кроме того вторая маленькая уже функционирует в Пишпеке весьма удовлетворительно. Таким образом, такие же фонды имеет ПИН в Алма-Ата, на каждого сотрудника. Шесть ишимбаевцев имеют право на свою часть, и именно об этих фондах несколько месяцев хлопочет Руженцев: другие институты давно выслали эти фонды своим сотрудникам, наши же находятся в тяжелом положении, так как я не умел разобраться, что за фонды, и телеграфировал Президиуму, который мне по обычаю не отвечал. Пожалуйста, срочно выясните и сообщите мне...»

13 июня 1942 г. из Уфы во Фрунзе поступает следующая телеграмма: «РУКОВОДСТВЕ ЭКСПЕДИЦИИ НЕРАЗБЕРИХА ТЧК РАЗДЕЛА РАБОТ ЗНАЧЕНИЯ НАШЕГО ИНСТИТУТА НЕТ ГРУППА РАСПЫЛЕНА ТЧК ЗАБОТА ТОЛЬКО СОТРУДНИКАХ ГИНА ТЧК СРОЧНО ОТЗЫВАЙТЕ ЗАВЕРЕННОЙ ТЕЛЕГРАММОЙ ШЛИТЕ ПОЧТОЙ КОМАНДИРОВОЧНЫЕ ВСЕХ КРОМЕ РОЗОВСКОЙ АДРЕС УФА = РУЖЕНЦЕВ СОШКИНА ХВОРОВА».

15 июня Борисяк шлет срочную телеграмму начальнику Экспедиции Блохину: «ПРОСЬБА ВОССТАНОВИТЬ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ОТРЯД ТЧК СЛУЧАЕ НЕВОЗМОЖНОСТИ ВЫНУЖДЕН ОТОЗВАТЬ СОТРУДНИКОВ».

Ответ Блохина 20 июня: «ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ОТРЯД СУЩЕСТВУЕТ СОСТАВЕ СОШКИНОЙ ШУЛЬГИ МИКРЮКОВА ЛИПИНОЙ ШИШОВОЙ ТЧК ОСТАЛЬНЫЕ СОТРУДНИКИ ПИН ЗАНЯТЫ ДРУГОЙ РАБОТОЙ = БЛОХИН».

И, наконец, 23 июня Борисяк телеграфирует Руженцеву: «ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ОТРЯД ВОССТАНОВЛЕН ТЧК ПОЛАГАЮ НЕТ ПРЕПЯТСТВИЙ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАБОТЕ ТЧК ЖДУ ПЛАНЫ ТЧК ХЛОПОЧУ ФОНДАХ ТЧК БОРИСЯК».

Сохранился и черновик письма Борисяка начальнику Экспедиции А.А. Блохину, к сожалению, без даты, но явно относящийся к этому времени. Многократные вычеркивания и замены слов показывают, с какой ответственностью относился Борисяк к подобного рода письмам.

«Глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Я очень рад, что обмен телеграммами по-видимому устранил нараставшие недоразумения. От Руженцева имею известия, что он выехал на работы в поле. Когда посылалась палеонтологическая бригада, имелось в виду, что в деликатных вопросах, которые стоят перед Вашей экспедицией, палеонтологический метод, как основа тонкой стратиграфии, может оказать существенную помощь. Отчеты, частные, которые я получил от своих сотрудников (к сожалению, я не имею до сих пор отчета Экспедиции), как будто подтвердили правильность такого предположения, а Ваш первомайский приказ даже особо отмечал работу двух сотрудников.

Между тем в предварительном плане нынешнего года слово «палеонтология» выпало совсем, а также оказалось, что сотрудники моего Института расставлены на другие работы, не по специальности, что и заставило меня послать Вам телеграмму.

В заключение разрешите мне одно замечание по поводу Башкирской экспедиции, которое приходилось уже делать неоднократно по поводу СОПС`овских экспедиций. Мне представля-

ется неправильным, когда в экспедиции теряется лицо принимавшего в ней участие Института и вообще отсутствует всякая связь с ним: работники институтов обезличиваются и рассматриваются лишь как сотрудники Экспедиции. Мне кажется, для Экспедиции было бы выгоднее помимо непосредственных участников привлекать к работе сотрудников институтов, пользующихся консультациями их ученых советов при обсуждении соответствующих планов и отчетов. Такие отношения с институтами только укрепляли бы работу Экспедиции. Насколько помню, и ГИН в свое время поддерживал эту точку зрения. Простите, что вмешиваюсь в Ваши дела — делаю это с самыми хорошими чувствами...»

Впрочем, вовсе не все пиновцы Башкирской экспедиции были недовольны снабжением, как Руженцев. Вот письмо Елизаветы Дмитриевны Сошкиной, к сожалению, без даты. Скорее всего, оно написано в конце или после окончания полевого сезона 1942 г.

«Мы все рады, что Вы здоровы и не теряете надежды снова собрать вместе наш славный хороший Институт. Мы все — члены его — сильно хотим этого и часто в беседах возвращаемся к этому вопросу, можно сказать, к этой мечте.

Я закончила главную часть плана этого лета — работу на шести шиханах. Моей задачей было собрать макрофауну с детальным изучением разрезов. В этом году я была уже подготовлена к работе, поэтому при изучении разрезов я старалась осветить некоторые вопросы палеоэкологии и особенно трудный для этого участка вопрос, есть на шихане тектоника или нет. Сейчас я делаю предварительную сводку собранного материала, составляю карты фаций для шиханов, накладываю их на карты стратиграфические, и, по-видимому, это несколько более полно осветит строение шиханов-рифов и роль тектоники в нем.

С питанием здесь хорошо. Правда, Экспедиция дает мне сверх нормы только 400 г масла, но для всех начальников отрядов и геологов здесь хорошее снабжение. Нам дают 1 кг сахару, шоколадный порошок, конфеты — витаминный сок, летом была колбаса и консервы. Овощи не дороги здесь на базаре. Погода была чудная все время, жили в палатках, варили на кострах, много купались. Я, конечно, хорошо поправилась как только можно в моем возрасте. В моей должности начальника отряда велика работа по руководству отрядом и отчетности, но я переложила ее на Василия Ермолаевича <Руженцева>. Я не способна к ним и ему угодить никогда не смогу, поэтому пусть делает сам. К счастью, он очень благосклонно и заботливо относится ко мне и не отказывается выполнять за меня эту работу...»

По окончании полевого сезона 1942 г. Руженцев возобновляет свои регулярные сообщения о делах экспедиции. В начале первого из этих писем он пишет об очередной реорганизации Башкирской экспедиции, в связи с чем излагает свои соображения о будущем пиновцев. 17 сентября 1942 г.: «Я считаю, что наша группа свою работу в Ишимбае выполнила и что мы слишком долго оторваны от Института, конечно, с пользой для последнего. Наше желание сводится к тому, чтобы после предоставления отчетов мы были отозваны в Институт, все равно во Фрунзе или в Алма-Ата. Работу для группы, учитывая квалификацию и специальность сотрудников, конечно, найти будет не трудно. Я, как заведующий отделом беспозвоночных, заинтересован в том, чтобы собрать своих сотрудников и вести с ними работу. Распыленность сотрудников может повредить Институту...»

На это письмо Борисяк отвечает (сохранился черновик) 11 октября 1942 г.: «Я вполне разделяю Ваше мнение, что было бы самое лучшее Вам и находящимся с Вами сотрудникам ПИН вернуться в Институт. Но я не считаю возможным отозвать Вас, не договорившись с руководством БНЭ: для Института важно, что бы оно было удовлетворено работой и не могло сказать, что, отозвав Вас, я повредил работе».

Далее Борисяк пишет, что сейчас как раз происходит перевоз имущества и переезд сотрудников из Алма-Аты во Фрунзе, обстановка сложная и в бытовом плане тоже, и советует ишимбаевцам закрепиться на работе в Уфе еще на некоторое время.

Письмо Борисяка Руженцев получил только 11 ноября и пишет 12 ноября 1942 г.: «Меня очень огорчает, что я оторван от ПИН'а. Кроме того, я страшно устал здесь, — на мне лежит основная тяжесть работы, а коллектив чужой. Как это ни странно, но на работе сильно отражается то обстоятельство, что сотрудники из другого института. Как Вы знаете, в моей подгруппе было 8 отрядов и только два из них возглавлялись нашими сотрудниками (Сошкина и Хворова). Два отряда — тектонический (Шатский) и палеогеографический (Маслов) ничего не сделали, и мне пришлось самому все сводить, чтобы выйти из положения. В общем отчет получается хороший, значительно лучше прошлогоднего. В этом году даем большую структурную карту с расшифровкой тектонического строения всего Башкирского Приуралья. Это помогает при оценке перспектив нефтеносности. Как видите, мне приходится заниматься не по специальности, от «доктора биологических наук» ничего не остается. Это меня огорчает... За мою работу мне вынесли благодарность в приказе по случаю 25 годовщины Октября...»

8 декабря 1942 г. Руженцев продолжает: «Экспедиция по всей видимости будет работать и в следующем году, хотя размещение людей предполагается значительно изменить, перебросив значительные силы в районы, расположенные западнее. В Ишимбаевском районе намечено значительное сокращение, однако нашу группу предполагают задержать на прежней территории для уточнения ранее возникших вопросов.

Что мы делаем сейчас? Я пишу сводный отчет экспедиции за 1942 г. Моя непосредственная работа свелась к разработке вопросов структурно-фациального районирования Башкирского Приуралья. Хворова пишет отчет по Шиханской зоне, кроме того, она секретарь парторганизации. Сошкина должна была бы писать сводку по стратиграфии, но она очень плохо себя чувствует. Лето она провела вполне удовлетворительно, питалась неплохо и ни на что не жаловалась. Сейчас же, возвратясь из Ишимбая, я застал ее в плохом положении и физически, и нравственно. Отрыв от Института и от родных очень плохо на ней отразился. Кроме того, у нее открылось много всяких недугов, особенно она страдает сейчас от ревматических болей. Розовская работает по стратиграфии верхнего карбона и пришла к интересным выводам. Шишова сейчас, в отсутствие Марии Ивановны <Шульги-Нестеренко>, чувствует себя сиротой и как-то не совсем у дел.

Как будет обстоять дело дальше? Это во многом зависит от Вас. Розовская вряд ли двинется отсюда, поскольку у нее здесь семья и куча родственников и, кроме того, муж работает в Экспедиции. Сошкина настроена уехать отсюда, так как здесь у нее никого нет, коллектив чужой, кораллы не очень нужны. Вероятно, ей было бы лучше в ПИН'е, где о ней больше позаботились бы. Не знаю, сможет ли тронуться отсюда Шишова с матерью. Здесь она сможет работать только в шлифовальной мастерской, так как к полевой работе она совершенно не приспособлена.

Труднее обстоит дело со мной и Хворовой. Нас без борьбы отсюда не отпустят. В то же время мы выполняем здесь работу, которая никакого отношения к тематике Палеонтологического института не имеет. Мне бы очень хотелось вернуться в свой Институт... При этом меня интересует, как обстоит дело во Фрунзе с жилищем и питанием. Здесь я живу сейчас на частной квартире, плачу 100 р. в месяц за хорошую комнату. В настоящий момент администрация предлагает мне переехать в наркоматовский дом, в комнату 20 кв. м. Снабжение здесь довольно хорошее. Мне дали 7 м³ дров, часто дают керосин. Хлеба получаем 800 г, столовая научных работников и наркоматовская. Картофелем снабжают в достаточном количестве. Все эти блага распределяются, конечно, неравномерно, но я иду по литерной категории, наравне с начальником Экспедиции...»

Мария Ивановна Шульга-Нестеренко — еще одна сотрудница ПИН, работавшая в Ишимбаевской группе. Ей посвящен один из очерков в книге Д.В. Наливкина (с. 138, 142)¹, где он, в числе прочего, отмечает ее личные качества — то, что она (по воспоминаниям

¹Наливкин Д.В. Наши первые женщины-геологи. Л.: Наука, 1979. 215 с.

Сарычевой) высоко оценивала себя и что она безусловно обладала писательским даром. Кажется, оба эти качества подтверждаются и письмами ее к А.А. Борисяку.

14 декабря 1942 г.: «Вы понимаете, что я пережила невероятно много тяжелого с того страшного дня, когда в Вашем кабинете в ПИН`е Вы объявили о моем откомандировании в Уфу. Отъезд из Москвы был тяжелой травмой и в научном, и в личном отношении. Пожалуй, почти равноценен был отрыв и от увлекавшей в высшей степени темы, которую я вела по ПИН`у и которая была продиктована Вами же, и отрыв от людей, ставших родными, с которыми я прожила 30 лет своей сознательной жизни. Я подчинилась тогда чувству долга, тем более что на командировке стоял не слишком страшный срок «до 1 ноября», но и сама тогда не понимала, какой крест брала на себя. Добавлю еще только одно, более страшного времени, как в Уфе, я не переживала за все 50 лет своей жизни. И не в материальном (это было для меня на последнем месте), а в моральном отношении. Вероятно, я сошла бы с ума, если бы не уехала в мае в Сыктывкар. Угнетенное душевное состояние, возможно, отразилось на моей старой хронической болезни... Моя болезнь (опухоль в брюшной полости) пока может не мешать моей научной и даже полевой работе при условии благоприятной бытовой обстановки, что совершенно отсутствовало в Уфе и при условии возможно покойного нервного состояния... Я затрудняю Вас описанием своего положения потому, что помню то исключительно внимательное и доброе отношение, какое Вы проявляли всегда к своим сотрудникам. Я умоляю Вас, пока мы все не вернемся в Москву, оставить меня работать на севере и около А.А. <Чернова, мужа Марии Ивановны>. Мне дороги как жизнь тематика и научные установки ПИН`а, дорог его дружественный коллектив, но пока, прошу Вас, оставьте меня здесь на тех же основаниях, на каких я работала в Уфе. Но только не при Ишимбаевской, а при Печерской нефтяной экспедиции по изучению Севера АН СССР. Я получила из Уфы 500 шлифов. Работы хватит до полевого периода... На лето запланирована поездка в отряде Чернова на Среднюю Печору по карбону и перми в связи с поисками нефтяных структур. Эта работа стоит в тесной связи с Ухтой и имеет большое оборонное значение, так как бурение этим летом на Средней Печоре дало нефть... Мшанки изобилуют в этих отложениях и их обработку могла бы продолжать я...»

«Глубокоуважаемая Мария Ивановна, — пишет Борисяк 2 января 1943 г. Шульге-Нестеренко, — давно собирался написать Вам, но все откладывал, ожидая выяснения плана работ ПИН`а на 43 г. Теперь план, наконец, составлен: ПИН имеет большие задания от геологических учреждений Средней Азии на разработку палеонтологических основ стратиграфии различных отложений, на которых работают геологи. Среди других тем имеются работы по фаунам верхнего палеозоя Тянь-Шаня, которые могут быть исполнены нашим отделом беспозвоночных, для чего сотрудники ПИН`а должны быть вызваны из Ишимбая во Фрунзе.

Мшанки палеозоя Тянь-Шаня, по-видимому, никем не изучались, и, вероятно, Вы нашли бы здесь немало интересного материала. Однако все это будет исполнено, если будут найдены помещения для жилья и работы. Поэтому все сообщаемое носит пока предварительный характер. Было бы весьма хорошо, если бы все опять собрались вместе и Вы были бы со всеми нами. Возможно, что удастся перевезти лишь часть сотрудников; работа других выразится лишь в обработке присылаемых им материалов. Буду признателен, если Вы мне напишите, будет ли возможно так организовать работу по мшанкам, то есть без полевых работ, и необходимо ли тогда Шишовой работать около Вас, или она сможет готовить Вам шлифы здесь, с тем чтобы их затем пересылать Вам?...»

Шульга-Нестеренко отвечает на это письмо ровно через месяц, 3 февраля (видимо, такова была скорость прохождения писем), но прежде во Фрунзе 6 февраля из Сыктывкара пришла телеграмма: «ПИСЬМА ПОЛУЧИЛ ШИШОВА МОЖЕТ РАБОТАТЬ ФРУНЗЕ МНЕ АЗИАТСКИЕ ШАПКИ ПЛАНИРУЙ ЧЕТВЕРТОМ КВАРТАЛЕ = ШУЛЬГА-НЕСТЕРЕНКО». Мшанки явно оказались не по зубам сыктывкарским телеграфистам, заменили простыми шапками. Итак, письмо: «Я чрезвычайно Вам благодарна <за письмо>»,

нечего и говорить о том, что я непременно включу их <тянь-шаньские мшанки> в план 1943 г., если Вам это желательно и если этого требует новая тематика ПИН`а. Так как только одна Шишова сумеет самостоятельно без меня делать из них шлифы, то ясно, что ранее осени изготовить их не удастся... Я в четвертом квартале смогу дать возможные определения... Это, конечно, отразится на полноте обработки здешнего летнего материала, но я готова идти на это... Если бы была дописана моя большая московская работа, мшанки Тянь-Шаня были бы мне очень интересны, но сейчас, не имея ненапечатанных работ Нехорошевых, их обработка очень трудна... Вы спрашиваете, как я здесь устроена? Очень хорошо, не только по нынешнему времени, но в квартирном отношении даже лучше, чем в Москве. К Ал. Ал. <Чернову> исключительное отношение со стороны правительства Коми и мне, конечно, нигде не может быть так хорошо, как около него...»

В конце 1942 г. в Башкирской экспедиции сменилось начальство и вскоре стало окончательно ясно, что палеонтологическому отряду там делать нечего, хотя реально возвращение ишимбаевцев в ПИН осуществилось только весной 1943 г.

12 января 1943 г. Сошкина пишет Борисяку: «Сегодня в экспедиции получена телеграмма, вызывающая меня во Фрунзе, но к сожалению, я не могу немедленно выехать по ряду обстоятельств. Я долго болела суставным ревматизмом, недавно вышла на работу, не могу еще поднимать тяжелых вещей и ехать одной при наличии двух пересадок с неокрепшими руками я боюсь...»

Затем летом я собрала хорошую коллекцию пермских кораллов, которая недавно только прибыла из Ишимбая, и я только что начала проводить ее техническую обработку для решения двух научных вопросов: 1) стратиграфического значения их (для Экспедиции) и 2) результатом филогенеза или изменчивости является все их разнообразие. Для последнего вопроса я подобрала образцы для изучения онтогенеза и составила карты фаций, жаль бросить это дело на середине...

Я уеду из Уфы с большим удовольствием, моя жизнь и работа проходили здесь не хорошо, но пуститься в путь одной в холодное время с больными суставами — мне страшно. Важно, конечно, насколько моя просьба расстраивает планы ПИН`а; если Вы находите невозможным отсрочку отъезда, я наберусь храбрости и выеду...

Здесь в Уфе я держала тесную связь с бокситными партиями Башгеолуправления, накопила некоторый материал для моей докторской диссертации, и для окончательных выводов мне необходимы некоторые данные по девону платформы. Такие данные я могла бы получить в Рязанском областном музее, по материалам, которые собирала когда-то сама вместе с местными геологами... В итоге я прошу Вас разрешить мне 1) приехать во Фрунзе в апреле и 2) дать мне 2-х—3-х недельную командировку в Рязанский областной музей для ознакомления с материалами по девону платформы по дороге из Уфы во Фрунзе...»

В начале января 1943 г. Борисяк посылает не только вызов Сошкиной, но и — в письме Руженцеву — официальное отношение к начальнику Башкирской экспедиции с просьбой об откомандировании пиновцев в ПИН. 4 января 1943 г.: «Посылаю Вам официальную бумагу для Вашего начальства. Прошу Вас пустить ее в ход, если считаете ее достаточной. Здесь в данный момент слагаются обстоятельства довольно благоприятно, и я бы мог разместить всех вас, если бы вы тут были...»

«Начальнику Башкирской нефтяной экспедиции. Палеонтологический институт в 1943 г. по приглашению геологических учреждений Средней Азии будет разрабатывать палеонтологические основы стратиграфии верхнего палеозоя Тянь-Шаня. Эта работа может быть исполнена лишь той же бригадой сотрудников Института во главе с В.Е. Руженцевым, которая последние два года принимала участие в исследованиях БНЭ.

Ввиду большой актуальности работ по верхнему палеозою Тянь-Шаня, вполне отвечающей специальности Института, который поэтому крайне заинтересован в их испол-

нении, а также ввиду того, что палеонтологические работы в Ишимбаевском районе закончены, прошу откомандировать сотрудников Палеонтологического института: В.Е. Руженцева, Е.Д. Сошкину, И.В. Хворову и Н.А. Шишову обратно в Институт по месту его нахождения в г. Фрунзе...»

Но новый начальник Экспедиции Варенцов появился в Уфе только в начале марта. Руженцев телеграфировал Борисюку 16 марта: «ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВИТСЯ ОТКОМАНДИРОВАНИЮ ТЧК ПРИНИМАЙТЕ МЕРЫ ЖДУ РАСПОРЯЖЕНИЙ ТЧК ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМОМ».

Вот что говорится в этом письме (8 марта 1943 г.): «На днях вернулся из Москвы М.И. Варенцов и я передал ему Ваше отношение на имя Экспедиции с требованием откомандировать нас во Фрунзе. Однако письмо Ваше никакого действия не возымело. Экспедиция настаивает, чтобы мы работали здесь, о чем Вам послана телеграмма. По этому поводу у меня произошел здесь крупный разговор, во время которого я заявил, что Институт не биржа труда, поставляющая Экспедиции специалистов и что интересы ПИН`а в проектируемой работе никак не предусматриваются, так же как они не предусматривались и раньше...» Далее Руженцев излагает несколько вариантов предлагаемой ему работы, из них наиболее приемлемый такой: «Если на то будет санкция моего директора, то я мог бы взяться за решение вопросов по западному склону Урала при условии, что эта работа полностью будет выполняться силами пиновской группы. На этом в первом приближении и порешили... Пока что предполагается, что всей группой будет руководить А.А. Богданов, отрядом по Предгорному прогибу — он же. Двумя другими отрядами Н.М. Страхов и я. При такой структуре я предполагаю в отряд по западному склону Урала включить всех пиновцев и никого со стороны (кроме коллекторов). Но повторяю, все это лишь вариант, требующий Вашего одобрения и годный лишь на тот случай, если Вы будете вынуждены оставить нас здесь. При таком варианте я хотел бы, чтобы Институт добился известной автономности нашей группы (чего до сих пор совершенно не было) и утверждения плана работ отряда директором ПИН`а...»

Елизавета Дмитриевна Сошкина 19 марта 1943 г. выражает свое отношение к будущим планам. Она считает, что без Руженцева Экспедиции будет трудно, а тот, в свою очередь, очень рассчитывает на помощь Хворовой и ее, Сошкиной. Поработать на западном склоне Урала будет неплохо, «однако я готова и к переезду. Меня пугают, что в Киргизии меня будет мучить малярия, но малярия и здесь меня мучила, а в новых местах побывать интересно. Уфа надоела. Но в сущности говоря, мне все равно, где быть. Я так глубоко ощущаю внедрение в нашу жизнь войны и готова делать все, что нужно для обороны. Меня тяготит моя спокойная жизнь здесь и рядом с тем мне кажется недопустимым из-за моих интересов нарушать важный для общего течения борьбы порядок.

За время войны в нашей семье много потерь. В Москве умерла моя старшая сестра, на фронте погибла ее дочь, которую я воспитывала 15 лет, вторая сестра потеряла мужа. Четыре мальчика нашей семьи мобилизованы, также и муж младшей сестры. Остались у нас только женщины и двое маленьких детей. Я как самая старшая в семье обычно была нравственной поддержкой для сестер и невестки и в такое тяжелое время особенно важно мне повидаться с ними, разделить тяжесть больших огорчений и страданий. Поэтому мне бы очень хотелось побывать в Рязани. Сейчас я сама чувствую себя совершенно разбитой нравственно и очень надеюсь, что поездка эта меня подкрепит и даст мне силы для дальнейшей работы. Поэтому я бы очень просила Вас разрешить мне потратить на это одну-две недели, тем более, что попутно я могла бы использовать нужный для моей диссертации материал в Рязанском областном музее...

Если вся наша группа не сможет уйти из Экспедиции, то одной мне, я думаю, ехать во Фрунзе едва ли следует. Дорога в настоящее время очень трудна, а здесь я живу вовсе не так плохо, по-моему, даже прекрасно. После лечения экстрактом витамина С мои болезни

кончились, и я сейчас чувствую себя вполне удовлетворительно... Относительно моей диссертации — я не теряю надежды ее закончить. И если это лето я должна буду провести здесь, то осенью, я надеюсь, мы непременно соединимся с нашим любимым Институтом и я приступлю к окончанию диссертации... С полным почтением Е. Сошкина», — так обычно подписывается Елизавета Дмитриевна.

По-видимому, после телеграммы и этих писем Борисяку пришлось обратиться в более высокие академические инстанции, чтобы добиться откомандирования своих сотрудников. Документы об этом, к сожалению, не сохранились, сохранились только телеграммы, явившиеся результатом обращения Борисяка. Первая из них от Борисяка Руженцеву, 6 апреля 1943 г.: «БАЙКОВ ТЕЛЕГРАФИРУЕТ СВОИМ РАСПОРЯЖЕНИЕМ ВАРЕНЦОВУ ВАШЕМ ВОЗВРАЩЕНИИ ПИН...» Вторая — от Варенцова вице-президенту академику Байкову (копия): «СОТРУДНИКИ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РУЖЕНЦЕВ ДРУГИЕ НАМЕЧЕННЫЕ ПЛАНОМ РАБОТЫ НЕ ЗАКОНЧИЛИ ТЧК СОГЛАСНО ВАШЕГО РАСПОРЯЖЕНИЯ ТРЕБОВАНИЕ АКАДЕМИКА БОРИСЯКА БУДЕТ ВЫПОЛНЕНО ТЧК ВЫЕЗЖАЮТ ФРУНЗЕ ПЕРВОГО МАЯ = ВАРЕНЦОВ».

Через несколько дней Руженцев снова пишет Борисяку. 16 апреля 1943 г.: «Группа ПИНа в Уфе попала сейчас в очень затруднительное положение. Переговоры, переписка и телеграммы по поводу нашего откомандирования тянулись слишком долго, причем у администрации была твердая установка нас не отпускать. Подействовало только распоряжение Байкова. В результате всех дел отношения наши с администрацией очень обострились, так что нас больше не задерживают... Встают большие затруднения с отъездом. По железной дороге предстоят три пересадки: Кинель, Чкалов и у вас там. Пересадки все ужасные... Вещей у нас у всех много, потому что постепенно привозили из Москвы. Народ все ненадежный: Сошкина слаба, сильно постарела. Шишова тоже ненадежна, да еще у нее больна мать, у Хворовой за весну уже два раза начиналась малярия (хины нет) и вообще после фронтовой жизни она уже не та — сердце и почки в таком состоянии, что тяжелого таскать не может...» В телеграмме того же числа и примерно того же содержания Руженцев просит разрешения выехать в Москву, а в «СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НУЖДЫ ВЫЕХАТЬ ВО ФРУНЗЕ ИЗ МОСКВЫ». И вот наконец письмо Сошкиной уже из Москвы (22 мая 1943 г.): «Позвольте мне прежде всего поблагодарить Вас за разрешение остаться в Москве. В Уфе с середины апреля у меня сделалось обострение какого-то старого туберкулеза и переезд в Москву помог мне справиться с этой неприятностью... В спокойной и привычной обстановке Института я разобрала свои материалы, вынула рукопись диссертации и с большим удовольствием буду над ней работать. Мне конечно очень жаль, что я не буду во Фрунзе, не увижу интересных разрезов древнего палеозоя, и утешаюсь только тем, что с обострением туберкулеза мне было бы и там нехорошо и едва ли я могла бы работать как нужно... После кошмарной жизни в Уфе Москва мне кажется раем и главное я отдыхаю нравственно в своем родном любимом Институте и нащупываю корнями родную почву...»

Хворова также вернулась из Уфы в Москву и осталась там помогать Сарычевой. Костецкая прибыла сначала в Алма-Ату, где предпринимали большие усилия, чтобы достать ей инсулин. Руженцев принимал участие в полевых работах из Фрунзе. Шульга-Нестеренко продолжала находиться в Сыктывкаре, а полевые работы вела от Базы по изучению Севера АН СССР. Посылая отчет за II квартал 1943 г., Мария Ивановна пишет 3 июля 1943 г.: «Я приложила все усилия к тому, чтобы справиться с присланным из Уфы материалом. Работала, не считаясь ни с какими нормами времени, полагая, что делаю последние усилия для окончания Башкирской темы. Научные и практические результаты этой работы очень велики, но самым дорогим для меня явилось то, что новые материалы не только не оторвали меня от моей подмосковной темы, но наоборот явились ее расширением и пополнением, внося множество новых данных, тесно с нею связанных.»

Мы выехали из Сыктывкара на работу только 21 июня, с опозданием почти на неделю против плана по разным многочисленным причинам... По дороге заезжали в Ухту на 3 дня, где мне пришлось оказать помощь местному микрофаунисту в ЦНИЛе, давши несколько консультаций по мшанкам. В результате оставила данного сотрудника проникнутым большим интересом к мшанкам, готового работать также с этой группой фауны, если удастся достать соответствующую литературу. В настоящее время мы в Усть-Кожве, где снаряжаемся к лодочному путешествию, что сопряжено с очень большими трудностями, в этом году еще большими, чем в прошлом...»

Таким образом, к лету 1943 г. ишимбаевская группа ПИН прекратила свое существование.

Осталось рассказать еще о нескольких палеонтологах, чьи письма сохранились в архиве Борисяка. В годы войны эти лица находились вне рассматриваемых групп, однако неизменно стремились вернуться к палеонтологии, соединиться с коллективом родного Института.

Р.Л. МЕРКЛИН

Роман Львович Мерклин — один из немногих научных сотрудников Палеонтологического института, оказавшийся на фронте с самого начала войны. Не только специалист-палеонтолог, но и ученый секретарь довоенного издания ПИН «Палеонтологическое обозрение» — человек явно увлеченный и увлекающийся, не только палеонтологией, но и книгами вообще. В нескольких довоенных письмах Мерклина к Борисяку это хорошо видно. Осенью 1938 (по-видимому) года Мерклин приезжает в Ленинград и посвящает «много времени оживлению работы по «Палеонтологическому обозрению», готовится к изданию его первый номер... На выкладке в библиотеке ЦНИГРИ (ныне — ВСЕГЕИ) такое количество литературы, что трудно себе представить — нечто астрономическое. Только просмотр (беглый) заглавий отнимает целый день. К сожалению, времени так мало, что многого не охватить. Но как хорошо, когда столько книг...»

Рождение сына Мерклин надеется считать «рождением палеонтолога».

Все интересы и увлечения Романа Львовича остались с ним и когда он находился в действующей армии. Его единственное сохранившееся письмо оттуда хотелось бы привести полностью.

13 марта 1942 г.

«Дорогой Алексей Алексеевич!

Был очень счастлив узнать, что Вы благополучно здравствуете.

Всего лишь третьего дня получил первое письмо от Романа Федоровича <Геккера>, а вместе с ним и первое сообщение о судьбах ПИН'а и его сотрудников.

В течение долгого времени мне не удавалось связаться с Москвой, и даже от семьи я первые письма стал получать только 6 декабря.

Я первые месяцы войны находился частью в резерве вблизи от фронта, частью воевал в качестве строевого пехотного командира. Осенью после отхода от Полтавы был переброшен на штабную работу, однако тоже в составе действующей армии, но в так называемом втором эшелоне. Сейчас работаю начальником штаба Курсов младших лейтенантов.

И ранее, и сейчас деятельность для меня не совсем привычная, однако стараюсь выполнять свое дело добросовестно, за что имею от командующего армией благодарность в приказе.

Грустно конечно, что пришлось прервать свою тему, которая уже близилась к концу и которая, как мне казалось, могла вырасти в интересную работу по палеоэкологии моллюсковой фауны. Скучаю и по своей редакционной работе, с которой очень свыкся.

Мне, видимо, не скоро придется вернуться к своей прежней профессии. Думаю, что еще в военной форме придется побывать на настоящих средиземноморских отложениях Галицийского залива.

Мне было бы крайне интересно узнать, в каком состоянии находится том 1 собрания сочинений А.П. Карпинского, каким номером закончился выпуск «Обозрения», печатаются ли Труды и другие палеонтологические работы, но не смею просить Вас об этом.

Остаюсь с глубоким к Вам уважением

Р. Мерклин»

А.Н. СОКОЛЬСКАЯ

Анна Николаевна Сокольская лето и часть осени 1941 г. работала в Тульской области в Подмосковном каменноугольном бассейне по своей специальности, а затем была эвакуирована по месту работы мужа в пос. Колокоша Ивановской области. Отсюда она пишет Е.А. Ивановой 1 ноября 1941 г., что выбраться отсюда в Алма-Ату совершенно невозможно, и «единственная слабая надежда у меня не порвать связи с ПИН'ом — это, если будет возможность, откомандировать меня в партию НКПС, где работает муж». В конце декабря она уже со всем семейством (мать и трое детей 1930, 1931 и 1932 гг. рождения) находится на ст. Шахунья Горьковской железной дороги, где работает партия НКПС. Работа здесь есть по изысканию стройматериалов и, возможно, по изысканиям для водохранилищ при станциях. Она пишет 23 декабря 1941 г.: «Только я не очень представляю, как все это делать, когда все покрыто снегом. Но на войне как на войне. Пока понемногу устраиваемся и приходим в себя после дороги, которая длилась 9 дней, причем мы не столько ехали, сколько ждали, то билетов, то пересадки: в Горьком высидели целых 6 дней... Если бы Вы знали, как я скучаю по Институту, часто вижу во сне всех Вас... С болью читаю и слушаю сообщения о занятии Хахина, Крапивны и пр. Воображаю, что там натворили немцы. Верно, от Углеразведки и моих ящиков и следа не осталось, а Ясная поляна! А Истра! Кажется, так бы и полетела туда, чтобы посмотреть, что же осталось...»

15 января 1942 г. Сокольская посылает Ивановой отчет о полевой работе. «Может быть теперь, когда этот район опять в наших руках, он будет не бесполезен. Ведь как-никак, было заключено с Тулой соглашение, и возможно они и потребуют от Института какого-то отчета о проделанной работе. А главное, мне самой до боли жаль своих трудов; когда же результаты хоть как-то изложены на бумаге, получаешь хоть какое-то удовлетворение. Я должна была это сделать давным-давно, но в Колокоше мы жили без света, а день весь уходил на хозяйственные заботы. Здесь же, в Шахунье, есть керосин и я ночью могу заниматься... Я немного теперь освоилась и с новыми людьми и с новой для меня работой... но в поле еще не начала работать, так как не было валенок и пропуска. Теперь то и другое получила и вскоре, верно, вооружась геологическим молотком и деревянной лопатой для расчистки снега, выеду на поиски балластных песков... Мне так было дико здесь работать первое время: представьте себе большую комнату, наполненную столами и людьми, сидящими по двое и по трое за столами. И ко всему этому громкоговоритель, который никогда не выключается. Я думала, что не смогу здесь работать и первые дни сидела и ничего ни понимала, что читаю. Но ко всему человек привыкает, и я приспособилась: забила в угол подальше от радио и шумных соседей и все-таки работаю. Да что об этом говорить, когда первые две недели мы жили в одной комнате с хозяевами (6 человек) плюс двое красноармейцев. И все-таки жили. Большое счастье, что мы здесь все вместе: одной было бы жутко! Народ здесь какой-то чуждый и странный и очень себе на уме. Никакого сравнения не выдерживает ни с москвичами, ни с туляками, ни с владимирцами: наши лучше во сто раз...»

22 марта 1942 г. Сокольская снова пишет Ивановой, что ее «горячее желание как можно скорее вернуться в ПИН... Мне очень тяжело, что мои знания и опыт здесь совершенно никому не нужны... Теперь надо возвращаться к своему собственному делу, пока я еще не деквалифицировалась окончательно. Я боюсь, что в здешней обстановке я не только забуду,

что знала раньше, но и вообще разучусь мыслить... Лена и Андриуша учатся в школе успешно, Сережа сидит дома из-за отсутствия обуви, здесь не принимают в починку, так как все работают на военных...»

С наступлением весны у Сокольской появилась возможность работать по-настоящему и 10 июня 1942 г. она пишет, что «и здесь оказалось много интересного, так что комкать и полевую работу и отчет теперь уже мне и самой не хотелось бы... Балласт мы нашли, и, что мне... особенно приятно, в том районе, где поиски велись до нас энным количеством организаций безрезультатно... Балласт приурочен к так называемым пугам, генезис которых весьма загадочен и которые считались и за коренные отложения, и за делювио-гляциальные, и за конечно-моренные и за древне-аллювиальные. Вот мне и хочется сделать все, что возможно, чтобы со своей стороны как-то способствовать разъяснению этого вопроса. Если я до некоторой степени примирилась, благодаря этим пугам, со здешней работой, то с природой никак не могу этого сделать. Леса здесь (за исключением сосновых) отвратительные, полны болот и комаров, реки, даже такие большие, как Вятка, какие-то мертвые и безжизненные. Все бы отдала за возможность очутиться на берегах Москвы-реки или Истры...»

Очень заботливая, чуткая и внимательная к людям, Анна Николаевна в каждом письме спрашивает о здоровье Алексея Алексеевича, она хорошо представляет, что старикам труднее переносить невзгоды, чем даже детям. Спрашивает и обо всех женщинах ПИН. Еще она пишет: «Очень тяжелое впечатление от ленинградских эшелонов — это не люди, а какие-то живые мертвецы. Мы еще по сравнению с ними горя настоящего не видали...» Тогда о ленинградской блокаде вне ее еще почти ничего не знали.

Сокольская закончила работу в экспедиции НКПС 30 августа 1942 г., а 31 августа у ее матери произошло кровоизлияние в мозг, что еще задержало ее присоединение к ПИН. Сообщая об этом, Сокольская спрашивает Борисяка, куда ей приезжать, в Алма-Ату или во Фрунзе. Борисяк отвечает, что во Фрунзе, так как в Алма-Ате устроиться с жильем еще труднее. Похоронив мать («могилу рыла я сама с ребятами»), Сокольская сообщает Борисяку данные для вызова ее во Фрунзе, но реальная дорога началась уже только в 1943 г. Ее Анна Николаевна подробно описывает 12 февраля 1943 г., сидя на пересадке в Свердловске, и это письмо нельзя не процитировать полностью.

«Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич! Путешествие мое оказалось весьма неудачным. Целую неделю (с 24 по 30) не давали мне билетов ввиду сокращения поездов. 31 выдали лишь потому, что истекал срок пропуска, но мест все равно не было. Сесть в поезд я не могла также 2-го, 5-го. Лишь 7-го мы погрузились, и я вздохнула свободно. Но не успели отъехать 100 км, как проверка документов. Милиционер придрался ко мне, что срок пропуска 1 февраля, а я еду 7-го. Как я ему ни доказывала, что билет взят еще 31-го и что я не могла сесть с детьми целых 3 раза, что об этом свидетельствовали остановки¹ дежурного по станции, он не хотел ничего слушать, взял мой паспорт и пропуск «для выяснения». На ближайшей крупной станции он пришел и предложил мне забирать вещи и выходить из вагона. Тут за меня вступились мои соседи, указывая, что это бесчеловечно высаживать женщину с тремя детьми, только что севшую с таким трудом. Он спросил, где у меня пересадка, и, узнав, что в Свердловске, смилостивился и сказал: «Ну, сидите пока, я еще к Вам приду», — но, увы, больше я его не видела. При следующей проверке документов оказалось, что он сменился в Кирове и, видимо, «забыл» отдать мне мои бумаги. Составили об этом акт, который является моим единственным документом. По приезде в Свердловск я дала телеграмму начальнику железнодорожной милиции в Кирове с просьбой вернуть документы. И вот уже 4-е сутки сижу на вокзале в Свердловске в достаточно жутких условиях — в страшной тесноте. Вообще уехать отсюда не менее трудно,

¹ Видимо, отметки об остановках. (И.Б.)

чем из Шахуньи: как правило, люди сидят по 5–6 суток даже имея брони, грудных детей, и тому подобное. Посадка жуткая. Вчера садились две соседки по дивану: у одной вытащили все документы и билеты, другая поплатилась лишь одними билетами. Так что даже в лучшем случае, если я получу обратно свои документы, уехать будет весьма трудно, а впереди предстоят еще 3 пересадки, если ехать в Оренбург и две — через Новосибирск. Но сесть на дальневосточный поезд простому смертному труднее, чем верблюду пройти через игольное ушко. К довершению всех бед я что-то расхворалась: сижу с температурой и распухшей ногой, не могу надеть на нее никакой обуви и не могу предпринимать никаких шагов для облегчения своей участи (хотела сходить к прокурору и еще куда-либо, чтобы просить их нажать на Киров). С ужасом думаю об участи детей, если я расхвораюсь всерьез.

Алексей Алексеевич, к Вам большая просьба. Если Вы получите письмо это более или менее скоро, вышлите мне справку, что я являюсь научным сотрудником Института и еду к месту работы. Ибо Ваш вызов у меня отобрали при выдаче пропуска, и у меня нет никаких доказательств, что я работаю в Институте. Надеюсь все же, что в конце концов удастся преодолеть все трудности и я все же доеду до Вас. Лишь бы поправиться.

Всего Вам хорошего. Прошу очень передать мой привет товарищам по работе.

Уважающая Вас А. Сокольская».

Одновременно Анна Николаевна посылает Борисяку и телеграмму: «ВЫЕХАЛА БОЛЬШИМИ ТРУДНОСТЯМИ, ЗАСТРЯЛА СВЕРДЛОВСКЕ ПРОПАЖИ ДОКУМЕНТОВ СОКОЛЬСКАЯ». Телеграмма идет пять дней и доставляется тоже, вероятно, не сразу.

19 февраля Борисяк телеграфирует в Свердловск Орлову срочной: «СОКОЛЬСКАЯ СВЕРДЛОВСКЕ. НАЙДИТЕ ПОМОГИТЕ ВЫЕХАТЬ».

Орлов, конечно, нашел Анну Николаевну, но выдать командировочное он не может и снова срочная во Фрунзе: «МОЛНИРУЙТЕ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТУ ВОЛГИНУ ПРОСЬБУ ВЫДАЧЕ КОМАНДИРОВОЧНОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ СОКОЛЬСКОЙ ПРОЕЗД ФРУНЗЕ. ОРЛОВ».

20 февраля 1943 г. в открытке Борисяку Орлов добавляет: «...Только вчера, 19 февраля, узнал о заключениях Сокольской. Послана телеграмма за подписью Волгина о розыске документов и Вам — о том, чтобы Вы просили Волгина о выдаче командировки Сокольской. Волгин любезен, процветает в АН (но удручен — сын без вести восемь месяцев на фронте). Достаю Анне Николаевне пропуск в столовую Академии Наук, помогу, чем могу...»

Борисяк телеграфирует в Свердловск теперь уже Волгину и Орлову: «ПРОСЬБА СОДЕЙСТВОВАТЬ ВЫЕЗДУ МЕСТО РАБОТЫ ПИН ФРУНЗЕ АННЕ НИКОЛАЕВНЕ СОКОЛЬСКОЙ ТРЕМЯ ДЕТЬМИ ВЫДАТЬ КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ».

А 24 февраля Орлов сообщает: «СОКОЛЬСКОЙ ЖИЛЬЕ ЗДАНИИ ПРЕЗИДИУМА ХЛОПОЧУ ОТПРАВКЕ ВАГОНОМ ГЕОЛОГАМИ КОМИССИИ ФИЛИАЛА ЕДУЩИХ УСЛОВИИ ВАГОНА».

Впрочем, выехать этой комиссии по подготовке открытия Киргизского филиала АН удалось только 18 марта и Сокольская выехала вместе с ними. Так Анна Николаевна добралась до Фрунзе, но документов своих она так и не получила. Об этом свидетельствует еще одна бумага — копия заявления А.А. Борисяка начальнику паспортного стола 2-го отделения милиции г. Фрунзе с просьбой разыскать в г. Кирове старый, или выдать новый постоянный паспорт старшему научному сотруднику Палеонтологического института А.Н. Сокольской взамен временного удостоверения личности, действительного только в г. Фрунзе, в связи с выездом на полевые исследования. Очевидно, просьба была удовлетворена и летом 1943 г. Анна Николаевна работала, хотя и не очень удачно, в окрестностях поселка Араван Ошской области на сборах фауны вместе с В.Е. Руженцевым.

Ее открытка оттуда еще раз говорит о терпении и скромности этой замечательной русской женщины.

13 августа 1943 г.: «Дела наши не блестящи. Все время канителится с лошадьми. Подводчики, поработав дня два, сбегают и приходится идти в Райисполком и добиваться новых. Но самое печальное, что найденная фауна далеко не оправдывает всех понесенных затрат и трудностей. Фауна C_2 из Аравана довольно плохой сохранности, а C_3 из Манкитя в изобилии содержит только фузулин, остальное же, что называется, кот заплакал. Другие же местонахождения фауны отстоят от Аравана, где наша база, километров на 30-40, и не знаю, сумеем ли мы туда добраться из-за транспорта.

Руженцев все твердит, что он так и знал, что из нашей экспедиции ничего не выйдет... Меня он все ругает за «отсутствие запросов к жизни» и говорит, что он студентом не жил так плохо на полевой работе, как сейчас».

Осенью 1943 г. Сокольская, как и весь Институт, вернулась в Москву вместе с тремя детьми и местной черепахой. Черепаха мерзла в нетопленной Москве, спала в постели у младшего мальчика и мечтала о возвращении во Фрунзе — так писала Анна Николаевна автору этих строк.

Н.О. БУРЧАК-АБРАМОВИЧ

Николай Осипович Бурчак-Абрамович не был штатным сотрудником ПИН, тем не менее все военные годы он провел вместе с пиновцами в экспедициях, а с февраля 1943 г. стал докторантом Института. Николай Осипович был человеком не просто увлеченным, но прямо-таки влюбленным в палеонтологию позвоночных, бескорыстно ей преданным. Особенно высоко ценил Бурчака Ю.А. Орлов.

Весной 1941 г. в ПИН обсуждается вопрос о предполагаемых экспедициях — Тургай, Монголия, да еще Ямало-Ненецкий краеведческий Музей сообщил о находке на полуострове Ямал скелета овцебыка и просит за ним приехать. По всем этим поводам Орлов, находящийся еще в Ленинграде, пишет Борисяку в Москву.

15 апреля 1941 г.: «Если бы состоялась Монголия, то считал бы очень полезным привлечение в Тургай на лето такого опытного и страстного охотника за костями, каким является Бурчак-Абрамович, экспедиция которого на Ямал явно проваливается: освободившиеся небольшие остатки нештатной зарплаты прокормили бы (отнюдь не корыстного) Бурчака, и работа в Тургае шла бы с опытным третичным палеонтологом-геологом; Бурчак при отсутствии Ямала попадет на геологию... Сейчас он все еще ждет на всякий случай Ямала; к нам поехал бы в Тургай без оглядки... Очень жаль, что может быть, мы по не зависящим от нас причинам формального характера упустили возможности к «освоению» такого двужильного, неутомимого полевого работника и поистине энтузиаста в поисках костей, каков Бурчак: в Монголию поехал бы хоть коллектором...» (подчеркнуто Орловым).

27 апреля 1941 г. Орлов продолжает: «Место находки овцебыка видимо установлено достаточно точно для того, чтобы ехать, если имеются средства. По графе «командировки и поездки» у нас был остаток около 1500 р... Не знаю, как быть, но полагаю, что может быть и стоило бы поехать, если конечно Бурчак возьмется за это; больше никому...» И добавляет на следующий день: «Не сомневаюсь в том, что он с удовольствием поехал бы для ПИНа и «для души» в Тургай, Монголию, на Ямал и так далее и в том, что по неутомимости и упорству в поисках костей равных ему мало...» Вопрос об экспедициях разрешился так, что Бурчак был приглашен в Тургай.

10 мая 1941 г. Бурчак пишет Борисяку из Тбилиси: «Получил телеграмму, из которой видно, что вопрос о моем участии в Тургайской экспедиции уже согласован... Поездка в Тургай меня конечно очень интересует и рад, что могу быть полезным Вашему Институту своими слабыми силами...»

В Тургае я буду иметь возможность пробыть около 2,5 месяцев и затем выехать в Карпаты для окончания своей темы по неогену. В промежуток времени между 12-17 мая я буду в Баку, затем возвращусь в Тбилиси и выеду в Киев, чтобы собираться в Тургай...»

О работе Бурчака в Тургае узнаем из писем Борисяку начальника Тургайской экспедиции М.Н. Михайлова. Михайлов не имел специального образования, и помощь Бурчака была ему очень кстати.

2 сентября 1941 г.: «Совместно с Бурчаком обследован детально Донгуз-Тау (от г. Иргиза это место свыше 300 км). В результате поисков и небольших раскопок добыт следующий материал: одна целая плечевая кость, 4 карпальных, 1 метакарпальная кость индрика;

фрагмент нижней челюсти эпиацератерия; затем собраны из трех горизонтов под индриковым фрагменты и целые кости, зубы мелких млекопитающих: грызунов, хищников, возможно оленьков, птиц. По Донгуз-Тау составлены подробные геопрофиля, привязанные к местонахождениям ископаемых костей.

После этого Бурчак решил ехать в основном в Киев — спасти свое имущество, коллекции, библиотеку. Орлов Ю.А. в полученной сегодня открытке извещает, что Бурчак в Москву приехал и после разговоров с ним советует продолжать работу именно по Донгуз-Тау...»

Итак, в Москве Бурчак встретился с Орловым и тот продолжил сообщать Борисяку о делах Тургайской экспедиции.

22 августа 1941 г.: «Вернувшийся из Иргиза Бурчак, как и письма Михайлова и Эглона, говорят о большой депрессии, вызванной в работе рядом объективных и субъективных моментов в связи с современным положением и большими семейными трудностями. Имеются сведения об интересных остатках мелких копытных, хищников и других, птиц, черепах... Может быть, удастся вернуть туда Бурчака — пытавшегося пробиться в Киев, дабы спасти свою библиотеку и коллекции (не пускают туда, конечно)...»

Действительно, Бурчак вернулся в Тургай и об окончании работы там снова пишет Михайлов. 4 января 1942 г.: «До 20 октября мы работали в поле и вернувшись в Иргиз, я начал переброску собранных коллекций в Челкар. Где сдал их на хранение директору Сельскохозяйственной опытной станции. Одновременно Бурчак-Абрамович Н.И. по дневникам экспедиции начал писать геологический отчет, к которому составлены профиля и карты, и ко дню окончательного отъезда из Челкара отчет был готов и перепечатан на пишущей машинке. В это же время я получил телеграмму (без подписи), где мне предлагают ожидать в Челкаре приказа Ефремова или Гаврилова. Занятый ликвидацией экспедиции, я очень долго не получал никаких инструкций от Ефремова или Гаврилова и решил на свой риск окончательно выезжать в Чкалов, чтобы оттуда, пользуясь шоссе Чкалов—Уфа, добраться до Уфы, где находится Башкирская комплексная экспедиция АН... Мое намерение было — это сдать Башкирской экспедиции обе автомашины и шоферов. В это время я еще получил телеграмму, в которой Орлов Ю.А. сообщает мне о том, что весь состав казахстанской экспедиции и автомашины вошли в новую экспедицию оборонного значения и снова приказ ждать...» По телеграмме, где ошибочно стояло «Горький» вместо «Горный» Михайлов 15 декабря отгрузил обе автомашины, «а 16 декабря я, Эглон поехали в Дюртюли (где находились их семьи), а Бурчак в Уфу...»

Таким образом, с начала 1942 г. Бурчак совершенно неожиданно оказался в ЭОН просто потому, что туда автоматически перешли все сотрудники Тургайской экспедиции. Товарищи его, сотрудники ПИН, очень хотят и его сделать сотрудником ПИН, об этом пишут Борисяку такие разные и часто придерживающиеся диаметрально противоположных взглядов Ефремов и Геккер.

Ефремов пишет 16 марта 1942 г.: «Сейчас в ЭОН Геккер, Обручев, я, Бишоф, Михайлов и «припиновец» Бурчак...»

Что касается Бурчака, то он сейчас оформил военный билет и получил «права гражданства». Он не очень устремляется работать в экспедиции, в связи с чем мне пришла в голову одна мысль. Нельзя ли его включить как-нибудь в штат нашего Института — хотя бы на препараторское место (временно для оформления, прописки и т. д.). Тогда мы заполучили бы еще одного позвоночника и маммалыщика, что как раз для Средней Азии очень выгодно. Я говорил очень предварительно с Бурчаком — он вполне бы был согласен на такую комбинацию. Если бы это вышло, то в дуализме Фрунзе — Алма-Ата получилась бы очень хорошая позвоночная комбинация: Вы, Орлов, Берг, Громова, Бурчак, Беляева — 6 «позвоночников» и 5 «маммалыщиков», то есть, то что не было возможно в Москве, вышло бы здесь...»

О дальнейшей судьбе Бурчака в ЭОН пишет Р.Ф. Геккер 30 марта 1942 г.: «Бурчаку (я его все время проектирую в ПИН — палеонтологический) Гаврилов о броне хлопчет...»

Однако вскоре Гаврилов уезжает в Москву, где в более высоких инстанциях решается судьба ЭОН. 9 апреля Геккер пишет, что если работа ЭОН нужна, то инстанции должны заступиться и «соответственно бронировать попадающих под мобилизацию сотрудников ЭОН: Бурчака, Соседко и других...» В зависимости от отношения к работе ЭОН высших инстанций «находится дальнейшая судьба Бурчака. Очень надеемся и рассчитываем, что все обернется хорошо и Бурчак вернется. Сейчас же он попал в мало интересную обстановку — страшно жаль его, человека «не от мира сего» во многом...»

В конце лета Бурчак сам снова включился в переписку с Борисяком. 19 августа 1942 г.: «16 августа возвратился из полуторамесячной командировки по Южному Уралу (Ивановский район, верховье р. Юрюзани, район Яман-Тау, Ирмель и так далее). Нашел 25 новых спелеологических точек. В нескольких из них есть остатки четвертичной фауны (кости гигантского оленя, мамонта, бизона, косули и так далее). Эти пункты в будущем заслуживают организации в них раскопки совместно с археологами. Дальнейший план работ пока не выяснен. Предполагалась моя поездка на Кавказ, но сейчас это вряд ли реально и возможно. По-видимому, придется продолжать работу по Южному Уралу. Очень сожалею, что не удастся командировка на Кавказ, который я знаю сравнительно лучше других мест Союза и с жизнью которого уже свылся. Из письма Ю.А. Орлова узнал о недавно минувшем 70-летнем Вашем юбилее. Считаю своим приятнейшим долгом поздравить Вас с этим днем и пожелать от всей души наиболее продолжительной и плодотворной работы над ископаемыми позвоночными. Уверен в том, что ПИН еще не один десяток раз будет производить раскопки в Тургайских степях и что все наиболее интересные материалы этих будущих раскопок поступят в Ваши руки для обработки. Благодаря Вашему и Ю.А. Орлова приглашению я принимал участие в одной из раскопок индрикотериевой фауны. Был бы счастлив, если бы в конце концов и мне удалось стать полноправным сотрудником ПИН`а и в стенах его нести посильный вклад в дело изучения ископаемых позвоночных. Если в настоящий момент это не осуществимо, то я обращаюсь к Вам с просьбой иметь меня в виду в будущем и дать возможность раньше или позже включиться в работу ПИН`а, в котором как центральном научном палеонтологическом учреждении можно при желании сделать максимум полезного для науки. Среди позвоночных меня больше всего интересуют ископаемые птицы, некоторые группы парнокопытных, ископаемые змеи и некоторые другие. Впрочем, охотно занялся бы попутно и какой-либо другой группой Vertebrata, считая это уклонение весьма полезным для расширения кругозора и увеличения опытности палеонтолога. Простите, что беспокою Вас этими вопросами, но желание определить свою судьбу с наибольшими возможностями быть полезным для науки руководит мною в настоящем к Вам обращении. С Ю.А. Орловым у меня были неоднократные разговоры о переходе на работу в ПИН и с его стороны я встречал лишь поддержку своим стремлениям...»

Желание Бурчака работать в ПИН, как и желание ряда сотрудников привлечь его в ПИН, реализовалось на тот момент таким образом, что Борисяк пригласил Бурчака в аспирантуру-докторантуру. Бурчак очень обрадован и отвечает согласием.

28 октября 1942 г.: «Ваше письмо получил в Уфе, где сейчас нахожусь в командировке. В Свердловск возвращусь к концу ноября. Очень благодарен Вам за предложение стать аспирантом-докторантом и сразу же даю на это свое согласие, так как лучшего предложения трудно и представить себе. Надеюсь, я приложу все усилия, чтобы оправдать Ваше доверие... Если Ваше предложение осуществимо, то все-таки некоторое время мне очевидно нужно будет поработать в ЭОН. Навряд ли Гаврилов Е.А. сразу отпустит. Сейчас я работаю в Башкирии, много езжу по интереснейшим карстовым пунктам, попутно собираю ископаемую фауну. Зимой предполагается поездка на Кавказ. Из тем, интересующих меня, я назову такие: 1) ископаемые птицы; 2) некоторые группы из парнокопытных (быки, овцебыки, антилопы и некоторые другие. По быкам в Киеве осталась рукопись на 15 печатных листов); 3) пещерная фауна позвоночных. Сейчас по ней собираю материал. Охотно занимался бы всеми этими

вопросами параллельно, но если такой объем покажется очень громоздким, можно ограничиться одним из пунктов (временно). Можно взять конечно и чтонибудь другое, что более интересует ПИН. Моя кандидатская рукопись — ископаемые страусы на 12 печатных листов по материалам УССР и Кавказа — хранится в Уфе в Институте геологии, остальные рукописи почти все остались в Киеве...»

22 декабря 1942 г.: «Пишу из Уфы. В Башкирии в командировке нахожусь уже 3 месяца. В Свердловск возвращусь в начале января... Очень благодарен Вам за заботу обо мне и желание провести аспирантом-докторантом. Приложу все усилия, чтобы оправдать Ваше доверие и быть максимально полезным для ПИН`а. Я уже писал Вам, что Ренгартен В.П. открыл недалеко от Рустанав фауну верхнемеловых млекопитающих. Вот бы в 1943 году организовать там ПИН`у хоть небольшую раскопку. Хорошо было бы поработать немного и в некоторых пещерах...»

Но и зиму 1942-43 гг. Бурчак вынужден продолжать работу в ЭОН. Он продолжает делиться с Борисяком своими интересами, планами и пожеланиями.

19 января 1943 г., Свердловск: «16 января возвратился из командировки... В Свердловске, по-видимому, я задержусь на 1,5 месяца, так как нужно написать отчет по командировке в Башкирию. Далее, по-видимому, предстоит поездка в Закавказье. В 1943 г. ЭОН переключается главным образом на кавказские темы... Ввиду отсутствия в Свердловске начальства ЭОН не с кем согласовать мою будущую аспирантскую работу с работой ЭОН... Буду добиваться поездки к Вам во Фрунзе пока на короткое время. Очевидно, это будет удобно сделать по дороге на Кавказ, так как ехать-то придется через Ташкент, оттуда легко заехать и к Вам. На Кавказ я поеду с огромным удовольствием — это мой любимый край, где я много путешествовал и знаю его лучше сравнительно с другими областями Союза.

О возможных планах по аспирантуре я Вам уже писал в предыдущем письме. Вообще же на свете очень много существует интересных палеонтологических тем, но всем сразу заниматься невозможно.

Сейчас мне легче всего было бы взяться за ископаемых полорогих, так как по этому разделу мной обработан был киевский, кавказский материал (быки, овцебыки, антилопы и другие). К сожалению, все рукописные материалы остались в Киеве. Очень интересно было бы заняться ископаемыми птицами, но ведь же в нашем Союзе по ним еще очень бедный материал и, прежде чем приступить к самой описательной работе, нужно долго и кропотливо собирать ископаемый материал по месторождениям. Моя текущая эоновская пещерная работа дает возможность попутно подсобрать и ископаемый материал, находящийся в них, но я думаю, что без специальных раскопок, в контакте с археологами, это все же не дает достаточного материала для докторантской палеонтолого-спелеологической темы. Вообще же пещеры меня интересуют давно, исподволь. Не ограничивая себя во времени и сроках, я собираю по ним всякий палеонтологический и геологический материал и когда-нибудь да приступлю к написанию спелеологической работы. Интересно было бы немного заняться и ископаемыми рептилиями.

Было бы очень интересно летом 1943 г. принять участие в раскопках ПИН`а, которые, как мне писали, предполагаются в пределах Казахстана и Киргизии. Хотя бы на короткое время попасть на эти раскопки. Если бы я знал, что это реально, я бы попытался согласовать такую заманчивую возможность с предполагаемыми кавказскими работами ЭОН`а и выпросил бы для этого нужное время. Сегодня по телефону из Москвы получил приказ — форсировать до возможных пределов свой отчет по Башкирской командировке и немедленно готовиться к отъезду в Тбилиси. Попытаюсь устроить так, чтобы по пути иметь возможность заехать хоть на самое короткое время во Фрунзе...»

Находящийся в это время в Свердловске Орлов пытается ускорить оформление Бурчака в докторантуру и вообще как-то помочь ему, человеку, вряд ли умеющему самому о себе позаботиться. Весь февраль 1943 г. Орлов постоянно упоминает Бурчака в своих письмах Борисяку. 3 февраля 1943 г.: «Уже писал Вам об очень большой нагрузке Бурчака по ЭОН`у и жесткости

в этом Гаврилова. Бурчак для них по своей связи с Кавказом, альпинизму и большой географичности — находка. Оформление Бурчака будет..., видимо, в конце февраля. Темой диссертации, видимо, будут быки, их эволюция, филогения, связи со смежными группами и так далее. Материал ископаемый, в том числе из Баку и других мест, современный и так далее...»

18 февраля 1943 г.: «Предполагается после утверждения Бурчака в аспирантуре сделать его прикомандированным к ЭОН..., тогда он будет существовать на аспирантскую стипендию, в основном, и будет менее загружен по экспедиции...»

27 февраля: «Бурчак утвержден 24-го, о чем известят Вас официально. Стипендия ему должна будет идти через Институт (800 руб.), его план на днях будет выслан...»

И далее, вплоть до своего отъезда из Свердловска в Москву, Орлов продолжает информировать Борисьяка о состоянии дел Бурчака.

12 марта 1943 г.: «Бурчак завален авральной работой по Украинской территории в ЭОН'е, до сих пор не имеет определенного плана по ЭОН'у на предстоящее время и поэтому не дает план на 1943 г. по ПИН'у...»

26 апреля 1943 г.: «ЭОН переезжает в Москву, Бурчак все еще без денег и остается брошенным здесь на неизвестность по линии ЭОН'а; оформление его здесь в «кадрах» невыполнимо, так как они уехали в Москву, да по их разъяснениям больше ничего не надо. Размеры стипендии должны придти к Вам из Финчасти из Москвы. ЭОН видимо много должен Бурчаку, но по безобразному хаотическому ведению финансовых дел ему не платят. Бурчак ведь уехал на наши работы даже без шапки; казенную одежду ЭОН у него теперь отобрал и как Бурчак будет проводить зиму — не знаю. Он «нищее» всех нас... В Баку Бурчака надо посылать обязательно: это не только даст базу Бурчаку по его диссертации, так как там теперь огромный скелетный материал, но и даст нам при полной связи Бурчака с Закавказьем материал для Музея, а кроме того и много шансов на сборы в новых местонахождениях, уже найденных...»

8 мая 1943 г.: «Если бы не упорные попытки и долготерпеливые надежды Бурчака попасть на Кавказ по линии ЭОН — я давно бы настаивал на срочном освобождении Николая Осиповича из ЭОН. Щербакова и Эдельштейн помогли получить у Байкова командировку Бурчаку для поездки по некоторым здешним музеям...»

ЭОН уехал в Москву. Согласие на освобождение Бурчака из ЭОН у Эдельштейна и Степанова я получил; надеюсь, Гаврилов не станет задерживать. Бурчак доживает последние гроши, полученные из ЭОН'а после моей длительной возни и настояний... Если ПИН снарядит экспедицию в Тургай или на Зайсан, то считаю правильным послать туда Бурчака... Бурчак упорный, с железной выносливостью и настойчивостью искатель костей, до сих пор поэтому вполне удачливый и при минимальных затратах согласный во имя успеха в работе на любые усилия. Для позвоночного дела он ценнейший помощник и работник...»

Разумеется, Борисьяк не может оставить без внимания эти сообщения Орлова о бедственном положении Бурчака. С тех пор, как в Москве заместителем директора Института стала Татьяна Георгиевна Сарычева, Борисьяк неоднократно обращается к ней с просьбами узнать в отделе кадров Отделения, имеются ли у них суммы на работы докторантов, так как у ПИН таких денег нет, а Бурчак должен «поехать за материалом для диссертации в Баку (Бинагады — там замечательные млекопитающие в озокерите)». Да и зарплаты в середине мая для Бурчака еще не было. Позже Борисьяк просит Сарычеву постараться выяснить и вопрос о жилплощади для Бурчака в Москве.

Сам Бурчак пишет Борисьяку на следующий день после отъезда Орлова 17 мая 1943 г.: «Я остался в Свердловске один. ЭОН со всем движимым и недвижимым имуществом еще в конце апреля отбыл в Москву... Мое положение в настоящий момент неопределенно: по видимому, рассчитывать на дальнейшую работу в ЭОН не приходится, да правду сказать, работа в ЭОН ничего, кроме большого вреда для моей темы, не может принести, и совмещение почти невозможно. Несомненно, самым лучшим было бы вообще переключиться на работу

у вас в ПИНе. Такого же мнения и Ю.А. <Орлов>. Но как это сделать? Уехать самовольно во Фрунзе без Вашего согласия и вызова нет никакой возможности. Пока же, находясь в Свердловске и располагая огромным количеством свободного времени, я, согласовав это с Ю.А., решил совершить несколько поездок по Уральским музеям, где, по имеющимся у меня сведениям, есть нужный и хороший материал по моей теме (празубр, тур, овцебык). Такие поездки отнимут у меня около 15-20 дней, а за это время возможно, мое положение определится в отношении дальнейшего. Если бы пришел от Вас вызов во Фрунзе, то я бы на основании его добивался бы у Президиума откомандирования во Фрунзе. Сегодня вечерним поездом еду в Н. Тагил, Нейвинск, Кушву, В. Нейвинск и другие пункты с музеями. Получил от Вас 500 рублей — сумма, вполне достаточная для таких маршрутов. Очень благодарен Вам за такую помощь, так как сейчас деньги у меня не всегда бывают под руками. По пути во Фрунзе я бы очень хотел побывать на Павлодарском пикермийском местонахождении. Ю.А. всецело поддерживает это стремление, но для реализации его нужно Ваше согласие и небольшие лишние дорожные расходы. Летом я мечтаю об участии в полевых экспедициях ПИНга, о чем мы много говорили с Ю.А., например, о Зайсане, Тургае и так далее. По ходу исполнения моей темы мне совершенно необходима длительная поездка в Баку и Тбилиси, но это же можно осуществить осенью 1943 г. после периода полевых работ. В Баку я бы попытался попутно для ПИНга отобрать скелеты тура, носорога и другие кости из Бинагад, а под Тбилиси в Удабни поискать новую находку обезьяны. С нетерпением жду Ваших указаний...»

В середине августа Борисяк пишет Сарычевой, что Бурчака, который должен приехать во Фрунзе, все еще нет, а располагает он им так: «Сначала он поедет за Туркменским слоном, а затем — в Баку. За это время мы переедем в Москву, и там какими-либо путями будем стараться найти для него жилплощадь. Во всяком случае броня ему понадобится здесь, во Фрунзе, как только он приедет...»

Бурчак вскоре приехал во Фрунзе, и здесь «неожиданно для себя задержался страшно долго», когда уже все пиновцы были в Москве. Вышла какая-то неувязка с командировочным удостоверением. Наконец все было улажено и снова Бурчак с упоением пишет Борисяку о своей работе на этот раз в Средней Азии. Осень 1943 г.: «Пишу, возвратившись из раскопок в пещере Кон-и-Гут... По окончании работ археологический материал будет отправлен в Ташкент местным археологам, а костяной — в ПИН. Кон-и-Гут дал много археологического материала (главным образом X—XII вв.) и немного остеологического. Костей быков мало. Пещера сама по себе очень интересна. До конца ее и во все ее многочисленные боковые ходы не успели добраться. По таджикски «Кон-и-Гут», как это удалось выяснить, означает «место гибели и забвения». По пути неожиданно встречаются пропасти, колодцы. Местами ход настолько узок, что можно едва-едва протиснуться, затем он раздвигается в обширные залы. Есть сталактиты, а в одном зале встретились сталагмитовые колонны, придавшие зале грандиозный вид. На стенах нашли надписи, по-видимому, X—XII вв. Их прочитать взялся археолог Массон (Ташкент). С рабочими в районе раскопки было страшно трудно. Большую часть работы делали сами. Шурфы глубиной до 3-5 м давали все отложения VIII—XII веков с фрагментами посуды, изредка костями домашних животных. В глубине начались глыбы камней размером в несколько метров, которые мы были бессильны выбросить, но культурные слои пошли и глубже и под ними. Конечно, возможны и более древние отложения с палеогеном и интересными костями, но к ним мы были бессильны добраться. Далеко в глубине пещеры есть источник прекрасной воды, прозрачной, холодной. Жили на берегу озера, куда слетались дикие утки, кеклики, голуби. Ими мы питались с помощью ружья. На водопой приходили и джейраны, архары, но я их не трогал, так как имел только мелкую дробь, а хорошо бы было добыть для ПИНга по скелету их, а в котелок положить вкусного мяса... Попутно в разных музеях просмотрел палеонтологический материал, в том числе и немногочисленные останки быков. Эти останки незначительны для анатомических исследований, но весьма интересны как пункты геогра-

фического распространения в прошлом. Одесский геолог Яцко (живет в Андижане) дал для просмотра коллекцию разных ископаемых костей из ферганского торфяника. Среди этих костей оказались и кости быков. Их я забрал у него. Нашелся небольшой материал по быкам в Ташкенте и других городах... По собранным сведениям большой палеонтологический материал есть в Самарканде, небольшой в Бухаре. Совершенно исключительное положение занимает г. Термез на реке Аму-Дарье. В Термезском музее, как об этом в один голос твердят все археологи, хранится богатейший палеонтологический материал, собранный очень энергичным заведующим музея т. Парфеновым... Кроме того, в одной из пещер возле Термеза недавно открыты им здесь на стенах рисунки... Несомненно, Термез для моей темы представляет большой интерес и очевидно явится наиболее многообещающим и ценным из всех других пунктов Средней Азии...»

31 октября 1943 г. Бурчак получил телеграмму, что он должен выехать на Кавказ. И Термез, и «работу со слоном на Узбое» пришлось отложить на будущее. К сожалению, никакими сведениями об этом автор не располагает. В дальнейшем доктор биологических наук Н.О. Бурчак-Абрамович обосновался на любимом Кавказе, где и прожил долгую-долгую жизнь.

МОСКОВСКАЯ ГРУППА

Добролюбова и Кабакович — хранительницы Института и Музея.
Проблемы с отоплением, протечками, дровами и прочие.
Огородные работы. Вторая зима.

Все это время в Москве беспрерывно трудились две научные сотрудницы, но заниматься им пришлось отнюдь не научной работой. Татьяна Алексеевна Добролюбова была оставлена уполномоченной по ПИН в Москве, так как на руках у нее были престарелые мать и бывшая няня, и она не могла никуда ехать. Академическое начальство хотело ею одной и ограничиться, но Е.А. Иванова настояла на оставлении и Натальи Васильевны Кабакович, так как «одна Добролюбова с двумя зданиями не справится».

Когда еще не все разъехались, в ноябре 1941 г., Добролюбова обратилась к Борисяку с рядом научных вопросов, которые, впрочем, пришлось отложить до лучших времен. Тогда она отмечала: «Значительная часть времени ушла у нас на разные хозяйственные дела, переписку коллекций, их упаковку, переселение из комнаты в комнату и другие дела. Сравнительно немного времени было занято научной работой, но зато работа казалась нам наслаждением. Как далека она от всех современных забот, опасений и ужасов. Занимаясь ей, начинаешь чувствовать себя нормальным человеком и смотреть на все происходящее, как на временный кошмар, который рано или поздно кончится и все встанет на свое место...» Позднее, когда Добролюбова стала уполномоченным, научные вопросы «ушли» от нее. «Передо мной другого характера вопросы — как отопить Музей, свезти ящики в подвалы Президиума или оставить их на месте и т. д. Две несовместимые области, и, как будто, я стала совсем другим человеком...» Особенно трудно было в начале, тем более, что тогдашний завхоз помогал очень мало, и до середины января 1942 г. болела Н.В. Кабакович (открытая форма туберкулеза).

В течение всего периода, когда Добролюбова и Кабакович оставались хранителями Музея и Института, они писали очень подробные письма во Фрунзе — Борисяку и в Алма-Ату — Ивановой, поэтому лучше предоставить слово им самим, с некоторыми сокращениями и минимальными комментариями.

Декабрь 1941 г., Добролюбова — Ивановой: «Много хозяйственных дел, о которых я раньше не имела представлений. Самое трудное — получить для Музея 25 тонн угля, найти транспорт, людей и т. д... Завхоз занимается только бухгалтерией... Я целые дни мотаюсь между Институтом, Музеем и Президиумом и теперь как будто начинаю кое-что понимать. Наняла двух пожарников... Москва быстро оживает. Я опять хожу через Крымский мост. Начинают работать многие учреждения и настроение у москвичей повышается...»

16 января 1942 г., Кабакович — Ивановой: «Главную заботу доставляет Татьяне Алексеевне <Добролюбовой> музейное хозяйство. В Институте время от времени, как по волшебству, все шкафы оказываются открытыми или от столов остаются одни ножки, но теперь бывает это редко сравнительно. Еще лопаются трубы и льет с потолков. Впрочем, существенно ничто не пострадало...»

В январе 1942 г. в Музее лопнул котел и остановилось отопление, что еще добавило хлопот. 17 января 1942 г., Добролюбова — Ивановой: «Хозяйство оказалось очень дорогим занятием, и так как у меня нет ни гроша казенных денег, мои личные исчезают с катастрофической

быстротой. В большинстве случаев рабочие соглашались выполнять ту или иную работу только с условием, что сейчас же получают деньги и мне приходится раскошелиться... Морозы стоят приличные, около -30° , и оставлять Музей без отопления невозможно...»

27 января 1942 г., Добролюбова — Борисяку: «О своей текущей работе в Москве я сообщаю Елене Алексеевне <Ивановой>, а не Вам, только потому, что работа эта очень не интересна. Все наше время поглощается углем, дровами, всевозможными ремонтами и на научную работу его совсем не остается. Многочисленные хозяйственные неудачи я раньше приписывала только своей неопытности, но теперь вижу, что и у опытных хозяйственников дело идет в этом году совсем не гладко. Почти непрерывные морозы -25° — -30° и частые перерывы в подаче электроэнергии создали большие затруднения для отопления. Во многих домах отопительные системы пришли в полную негодность. В нашем Музее лопнул котел и вышел из строя один из радиаторов... В Институте несколько раз начиналось местное наводнение от лопающихся труб в верхних этажах. У нас все трубы целы. Коллекции пока не пострадали...»

15 февраля 1942 г., Кабакович — Ивановой: «День проходит в хозяйственных заботах, в обнаружении и ликвидации аварий и их последствий. С Музеем положение крайне печальное: он до сих пор не топится. Ремонт котла подвигается черепашим шагом, так как нет то одного, то другого, а главное — нет людей, которые могли бы заняться этим вплотную. У всех есть основная работа, а наша делается вечерами и ночами. Да и то еще спасибо! В других местах хуже. Теперь работы осталось там немного, и на днях должны затопить. Мы ждем этого с нетерпением и страхом перед новыми авариями, которые это сулит. Вчера занимались вовсе необычным делом. В пятницу нам везли уголь, 3 тонны, но машина забуксовала, едва свернула с большой аллеи направо к котельной. Уголь тут же выгрузили. С машиной бились до 8 ч. вечера, наконец вытащили на буксире (за 30 Татьяны Алексеевниных рублей). Всю ночь были мы в страхе, что уголь растащат. На утро пошли в Президиум, попросили лошадь, на что нам ответили: «Что вы! Ведь лошадь у нас одна, нельзя же на нее столько работы нагружать. Мы ее все-таки жалеем». Потом еще добавили, что они обязаны были дать нам уголь и больше ничего. Так и пошли мы с Татьяной Алексеевной. Расчистили дорогу, добыли санки, ящик, лопаты, взяли Лунина (пожарника) и стали возить. К последней тонне пришел на помощь Полищук. Перевезли все и еще под горячую руку перетаскали в котельную воз глины, привезенной для обмазки котла... Не думайте, что приходится делать самим из-за неумения организовывать. И деньги есть еще; но свободных людей найти невозможно. Т. Ал. чуть живая. Шатается и спит на ходу, худая и измученная... Я тоже похудела, но еще креплюсь. Боюсь только со всеми физическими упражнениями допрыгаться до кровохарканья. С питанием у нас стало много труднее, чем при Вас...»

24 февраля 1942 г., Добролюбова — Ивановой: «Котел в Музее кончают ремонтировать и сегодня или завтра затопят. В Институте вода немного поутихла, лужи постепенно исчезают, и ящики таскать не приходится. Крыша в музее очищена от снега, трубы еще не лопаются. Одним словом, наступила передышка. Если бы получить зарплату, совсем бы было ничего...»

27 февраля 1942 г., Добролюбова — Ивановой: «Сегодня, наконец, начинают затапливать котел в Музее, а вероятно завтра начнут нагревать всю систему. Холодным Музеем простоял с 17/1 по 28/II, то есть, почти полтора месяца. Как перенесут такое охлаждение кости — не знаю. По мнению Флёрова, все они должны погибнуть... На вид кости пока не изменились...»

У нас прибавилась забота в связи с постановлением от 17/II об освобождении жилплощади эвакуированных... скоро... можно будет пройтись по всем домоуправлениям и проверить, не вольничают ли управдомы... (выселяют за невзнос квартплаты за 3 месяца)...»

2 марта 1942 г., Добролюбова — Ивановой: «Сегодня новый сюрприз. В Музее в блиндаже около пола пробился родник и затопил пол на 20 см. Вода бежит вдоль старой канализационной трубы, но, по-видимому, не из нее. Разобрали стенку на 1 м в глубину и до истока не дошли. Будем его разыскивать. Радуемся, что там не лежат ни коллекции, ни рукописи. Была бы большая беда...»

5 марта 1942 г., Добролюбова — Ивановой: «Отопление в Музее до сих пор не налажено. Вчера попытались включить всю отопительную систему, но это не удалось. Где-то замерзла труба и пар не дошел даже до первого радиатора. Сегодня начнут снова прогревать. Сожгли все наши дрова. Теперь рубят сухие дрова в парке. Может быть, за это нагорит, но положение безвыходное. Чем кончится отопительная эпопея, напишу позднее, если буду на свободе...»

Письма, если доходят, то идут очень долго, и 10 февраля 1942 г. Борисяк в подробном заказном письме задает ряд вопросов Добролюбовой (ее письмо от 27 января он на тот момент еще не получил). Ответное письмо Добролюбовой является как бы небольшим отчетом за прошедший период.

17 марта 1942 г., Добролюбова — Борисяку: «Теперь мне хочется сообщить Вам о делах в Институте и Музее. Из Института наши беспокойные постояльцы выехали, но вселились другие, пока в значительно меньшем числе (около 30 человек), заняли всего 5 комнат. Остальные комнаты свободны и невероятно грязны. Во многих из них попортились полы от неоднократных наводнений, в некоторых лопнули трубы. Постепенно они будут приводиться в порядок. Мебель, забранная постояльцами, также сильно пострадала и требует ремонта. Цокольный этаж, где мы обитаем в настоящее время, в значительно лучшем состоянии. Пока трубы и радиаторы целы во всех комнатах. В препараторской, фотолaborатории и хранилище местами промокли потолки, но коллекции почти не пострадали. Вода попала только в несколько лотков с энтомологическим материалом, но даже этикетки размочить не успела. Подмокли также несколько ящиков, но как будто только сверху. Мы их не вскрывали, а только перетащили и высушили. В шкапы вода совсем не проникла. В Музее дела значительно хуже. Еще 17-го января лопнул котел и Музей остался без отопления. Я сейчас уже начала ремонт котла и рассчитывала закончить его в одну неделю, а он затянулся до настоящего времени. В Президиуме мне предлагали заморозить Музей. Я посоветовалась с Флоровым и узнала, что сильное охлаждение может совершенно погубить некоторые экспонаты. Поэтому я решила налаживать отопление, но, несмотря на большое старание, восстановить его до сих пор не могла. Если прав Флоров, то совершилась большая непоправимая беда. Это меня угнетает. Каждый день мне обещают «завтра» пустить отопление и эти «завтра» м. б. будут бесконечны. В настоящее время ремонт котла окончен, но вода в трубах замерзла и требуются особые работы... Ящики с окаменелостями в Музее в полной сохранности. Все окна со стороны Президиума, из которых многие без стекол, забиты фанерой и лотками. Стекла вставлять будем летом. Так как я осталась без хозяйственника, всю работу по ремонту и добыче и доставке угля и дров пришлось выполнять мне самой. Эта новая для меня работа, вместе с домашними неурядицами, заняла все время и совершенно оторвала меня от научной работы...»

На это письмо последовал по возможности скорый ответ из Фрунзе. 8 апреля 1942 г., Борисяк — Добролюбовой: «Спасибо большое за обстоятельное сообщение о делах Института. Частично я знал уже о громадной нагрузке, которая легла на Вас, от Елены Алексеевны. Вы и она проявили необычайную заботу о сохранении Института, что он никогда не должен забывать. Нашли ли хозяйственника? Это совершенно необходимо сделать срочно, чтобы разгрузить немного Вас... Попросите К.К. Флорова осмотреть скелеты и выяснить, насколько они пострадали от мороза. Не наблюдаются ли мельчайшие осколочки на платформе под скелетом?... Было бы очень хорошо, если бы удалось организовать при посредстве К.К. Флорова пропитывание стоящих скелетов очень жидким раствором шеллака в спирту, если шеллак в Ваших складах имеется. Для этого можно было бы пригласить за особое вознаграждение К.К. Флорова и какого-нибудь препаратора (по его выбору) из Дарвинского музея. Ископаемые кости, хранящиеся в музеях, вообще требуют ухода, т. е. такого периодического пропитывания (просто смазываются кисточкой) шеллаком, а после промораживания в особенности. Шеллак можно заменить продажным лаком, который также должен быть очень разбавлен, чтобы не образовывал корочки, а проникал внутрь. Боюсь только, что и лака в Москве не достать...»

С наступлением весны положение в московской группе несколько облегчилось — 27 апреля был зачислен новый, очень удачный, как оказалось, завхоз Дмитрий Максимович Полушкевич. И в письмах центр тяжести сместился с отопления и протечек на весну и огороды.

1 мая 1942 г., Добролюбова — Ивановой: «У нас появился новый завхоз... Пока он производит очень хорошее впечатление... Завхоз, а не мы, бегаёт за слесарями, советуется и организует отопление труб... Наташа, кроме наших дел, занялась добычей семян для огородов. Все мы собираемся не на шутку ковырять землю и самоснабжаться овощами. Затруднение большое только со временем. Как бы его нужно было удвоить в сутках...»

Завхоза, уволенного по сокращению штатов из института Генетики, нашли сами Добролюбова и Кабакович, «устрашившись предстоящих ремонтов», но зачислить его было не просто. Академическое начальство хотело «всадить нам какого-то хромого инвалида, бывшего психического больного, мотивируя это тем, что «надо же его устроить». Только после очень крупного разговора вопрос был решен в пользу Полушкевича». Похвалы ему продолжают и в последующих письмах. 5 мая 1942 г., Добролюбова — Ивановой: «Пожарников Полушкевич, как будто, уже забрал в свои руки и заставил вычистить весь Музей, даже стереть пыль с витрин. Установил, что крышу починить не трудно, а водоснабжение наладить очень трудно, и принялся за последнее дело... 1-го мая открылся Парк культуры, но я еще не проходила через него. Сегодня первый раз видела голубые подснежники, а на днях ела зеленый суп из крапивы. Хотя и медленно, а весна идет...»

27 мая 1942 г., Добролюбова — Ивановой: «Заняты мы теперь огородами. Каждый получил по 50 м² земли для различных овощей и 70 м² — для картофеля. У нас уже посеяны свекла, морковь, репа, редька, горох, огурцы, салат, редиска, укроп, лук и половина картошки. Остается засеять картофель и высадить рассаду капусты, брюквы и помидор... Огороды наши находятся в получасе ходьбы от Института, на Калужском шоссе, напротив здания Института генетики. Ходим мы туда по воскресеньям и раза 2 в неделю по вечерам... Наташа вместе с завхозом следит за ремонтом Музея, осматривает трубы в туннелях, крышу и т. д., достает семена для огородов, ходит по квартирам сотрудников, восстанавливает замки в дверях, вообще хозяйничает во всех направлениях...»

В тот же день Добролюбова пишет и Борисюку во Фрунзе: «Я уже давно получила от Вас письмо с указанием, что можно предпринять для сохранения костей в музее, но ничего пока не предприняла, т. к. по моему мнению кости ведут себя хорошо. Я говорила с Флёровым и просила заехать в Музей, поглядеть опытным глазами, но он отказался, мотивируя недостатком времени. Он советует выписать сюда одного из наших специалистов по позвоночным, Бишофа или Эглона, который смог бы заняться систематическим просмотром всего материала, не только неупакованного, но и упакованного... Жизнь здесь, с наступлением тепла, значительно улучшилась, как в отношении квартир, так и питания... В Институте все по-прежнему, коллекции в порядке. Часть I-го этажа, до крыла, освобождена от постояльцев и занята нами. Крыло еще не наше. Весь I-й этаж требует основательного ремонта. Когда он будет производиться, не знаю, но до осени вряд ли закончится. С появлением завхоза у меня освободилось не только время, но и голова. Я теперь не постоянно думаю о слесарях, кровельщиках и т. д., а изредка берусь за Дарвина, заглядываю в свои записки и начинаю опять раздумывать о некоторых коралловых вопросах. Правда, о настоящей работе пока еще не мечтаю и не буду начинать ее до Вашего возвращения. С научной работой хозяйство у меня не совместится и может существенно пострадать, т. к. моя голова способна работать только в каком-нибудь одном направлении и для других направлений уделяет мало внимания. С такой головой жить не легко, особенно в настоящее время, когда приходится постоянно переключаться с одной работы на другую...»

Тему о состоянии Добролюбовой продолжает верная подруга Наташа. 6 июня 1942 г., Кабакович — Ивановой: «Татьяна Алексеевна чувствует себя на мой взгляд неважно. Ноги у нее пухнут невероятно и она ничего не может предпринять, чтобы это ликвидировать. Но все-таки по сравнению с зимой жизнь легче и Т.А. повеселела. Новый завхоз пока действует энергично, только имеет слабость к бумаге — страшно любит все «в письменной форме», но делу это не мешает...»

8 июня 1942 г., Добролюбова — Ивановой: «В Музее в теплые дни открываются все окна и здание понемногу проветривается. На костях больших изъянов не видно, они не крошатся и не рассыпаются, но может быть приобрели мелкие трещинки, которые обнаружатся позднее. С появлением завхоза у меня начало оставаться время на чтение. Понемногу перечитываю Дарвина, изредка заглядываю в свои записки, но заниматься еще не могу, устала...»

В июле скончалась мать Добролюбовой, но даже это обстоятельство не позволило Татьяне Алексеевне хотя бы несколько дней не ходить в Институт, придти в себя, отлежаться, как предлагала ей Наташа Кабакович, тем более, что уже нужно было готовиться к предстоящей зиме. 17 июля 1942 г., Добролюбова — Борисяку: «В настоящее время, в связи с подготовкой топлива на зиму, в Президиуме поднимается вопрос о замораживании некоторых академических зданий, в число которых как будто включается и Палеонтологический музей. Я не знаю, как может отразиться вторичное замораживание на экспонатах Музея и поэтому предпочитаю его не замораживать, а хотя бы слегка отапливать. Однако мое мнение вряд ли будет принято во внимание. Поэтому убедительно прошу Вас сообщить свое мнение по этому вопросу Бушинскому и мне, чтобы я знала чего добиваться...»

Однако присланное заявление Борисяка не могло оказать помощь, как писала Добролюбова в следующем письме, в августе 1942 г. (точной даты нет), «...так как по постановлению Правительства все музеи г. Москвы на предстоящую зиму должны быть законсервированы. Против этого постановления не хотят идти ни Президиум, ни Бушинский. С топливом положение в Москве очень тяжелое. Для охраны Музея разрешают отапливать только комнату для дежурных и одну уборную, в которой имеется ввод водопровода и пожарный стояк. Из остального помещения Музея вода будет спущена. В случае пожара можно будет открыть вентиль и быстро подать воду во все пожарные стояки. Как теперь быть с коллекциями? Вывозить ли их все в отапливаемое помещение или часть их оставить в Музее и какую часть? В этом отношении я жду от Вас и других специалистов позвоночников совета. Я знаю, что в ящики уложены наиболее ценные экспонаты, но все ли они боятся замораживания, я не знаю. Кроме того, большой материал лежит в лотках под витринами. Что с ними делать? Может быть некоторые лотки также необходимо вывезти. Индрикотерий конечно останется в Музее, так же как и гипсовые слепки. С первым я не справлюсь, а с последними ничего не случится. Перевозить ящики я думаю в наш Институт, который будет частично отапливаться. Решено отапливать центральную часть Биотдела. Некоторые материалы можно будет поместить в шлифовальных комнатах и хранилище беспозвоночных, а некоторые — в зале заседаний, где мы теперь обитаем, и в Вашем кабинете. Из хранилища придется предварительно вынести часть шкафов в комнаты крыла. Замораживание не повредит беспозвоночным (кораллам и брахиоподам). Конечно, эта работа очень большая и сложная, т. к. рабочих нет, а транспорт сокращен до минимума, но те экспонаты, которым замораживание грозит гибелью, должны быть вывезены хотя бы на ручной тележке. Прошу Вас сообщить поскорее, какой материал нужно вывозить обязательно, чтобы до холодов мы могли это выполнить. Эта работа осложняется тем, что завхоз наш мобилизован на лесозаготовки на 4 месяца, т. е. до декабря. Предстоит еще мобилизация на торфозаготовки и на уборку урожая. Кто пойдет из нашего Института на эти работы, не знаю, свободных людей у нас нет. По-видимому, эта зима будет сложнее предыдущей во многих отношениях... Бытовые условия нашей жизни в настоящее время почти нормальны. Тепло, светло и, благодаря огородам, не голодно. К зиме они, несомненно, ухудшатся, но я надеюсь, что мы как-нибудь к ним приспособимся...»

На самом деле это было не совсем так — изменился порядок снабжения и то ли с августа, то ли с сентября 1942 г. Кабакович лишилась рабочей карточки и литерной столовой из-за отсутствия ученой степени. По этому поводу сама Наташа писала Ивановой: «Я, как всякая битая посуда, вероятно, буду жить два века. Самое плохое в том, что мне не дали карточки, то, что я съедаю половину обеда Татьяны Алексеевны, а он ей самой нужен...» Огород дал только понемногу всех овощей, а вот картошка не уродилась. Но надо готовиться к предстоящей зиме, и письма снова приобретают сугубо деловой характер.

23 сентября 1942 г., Добролюбова — Борисяку: «Ваше решение оставить все ящики в Музее мы поддерживаем, не потому, что так меньше возни, а потому, что никто не может поручиться за бесперебойное отопление Института. Возможно, временами, как и в прошлом году, топка будет неоднократно прекращаться и вызывать колебания температуры большей амплитуды, чем в Музее. В Музее таких колебаний, конечно, не будет. Мнение Ефремова о хранении ящиков в выкопанном им блиндаже совсем не приемлемо, так как долгое время пол блиндажа был покрыт водой и представляет собой озеро. Вода туда попала из каких-то старых труб, проложенных на 2,5 м ниже пола музея. Большое счастье, что мы не спустили туда ящики, как предполагалось. Елена Алексеевна нашла, что там довольно сыро и посоветовала нам не торопиться спускать туда материалы и спускать их только в крайнем случае. Такого случая не было и поэтому пока все цело. В настоящее время вода из блиндажа ушла, но осталась большая сырость и хранение там совершенно невозможно... Нам грустно, что слишком мало времени мы уделяем научной работе. В настоящее время хозяйство занимает не все время, но сильно разбивает научную мысль. Может быть, в дальнейшем мы как-нибудь приспособимся одновременно и работать по теме, и хозяйничать... В Музее и Институте пока довольно благополучно. Понемногу готовимся к зиме. Ночами уже бывают заморозки. Листья с деревьев быстро опадают. На днях мы слышали улетающих на юг журавлей. По-видимому, зима будет ранняя. Как-то мы все ее переживем...»

5 октября 1942 г., Борисяк — Добролюбовой: «Очень жалею, что ничего не могу сделать для Наталии Васильевны. Спасибо за Ваши обстоятельные письма — я спокойно могу быть уверен в хорошем надзоре за Институтом в Москве...»

Вскоре на московскую группу легла еще одна работа. 15 ноября 1942 г., Борисяк — Добролюбовой: «К сожалению, мне приходится нагрузить Вас еще одним делом: требуется провести инвентаризацию всего имущества Института, и Вам придется дать сведения о том, что осталось в Москве. Мы только что получили распоряжение Президиума (от 23 сентября!) произвести полную инвентаризацию к 1 января 1943 г. по инструкции, изданной в прошлые годы... Для инвентаризации назначается комиссия под председательством директора (или замдир) — в данном случае Вам придется стать во главе, а хозяйственник с Наталией Васильевной выполнят. Инвентаризируют мебель, аппаратуру, реактивы и т. д. Научные материалы не инвентаризируются. Вместе с бухгалтерским отчетом надо представить, что убыло и что прибавилось. Таким образом, сводить придется здесь, и Ваш материал присылайте во Фрунзе. Все институты будут это делать; воспользуйтесь опытом других...»

В следующем письме Татьяна Алексеевна винит себя за задержку с инвентаризацией, ведь делали они ее только вдвоем с Кабакович. Завхоз вернулся с лесозоготовок, когда инвентаризацию уже почти закончили. 13 января 1943 г., Добролюбова — Борисяку: «Инвентаризация была крайне затруднена скученностью вещей, которые приходилось раздвигать, перетаскивать с места на место или перелезать через них. В общем выяснилось, что пропало у нас сравнительно мало, да часть пропавших вещей может быть еще отыщется в других институтах. Из институтов ИЭМ, Микробиологии и Биохимии мы уже извлекли много вещей ПИН'а, не описанных при эвакуации. Без проверки остался один склад, по причине слишком низкой в нем температуры, значительно ниже 0°. Он будет описан, как только потеплеет.

В Институте по примеру прошлой зимы иногда бывают наводнения. В настоящее время частично залита шлифовальная комната. В Музее, в связи с его консервацией, пришлось сделать некоторые изменения в водопроводной системе. В настоящее время работы почти закончены, осталось только забетонировать колодцы, что сейчас и производится. Все коллекции, как в Институте, так и в Музее, в порядке. Не знаю, как будут себя вести кости весной при оттаивании. Мне хотелось бы, чтобы к этому времени в Москву приехал кто-нибудь из позвоночников и опытным глазом осмотрел их. До весны не так уже далеко. Время идет необычайно быстро и все оно расходуется на разные мелочи. Зима у нас мягкая, морозов больших нет и ниже —23° температура не спускалась. В Институте топят. У нас в комнате +10 — +12. Жить можно. Все правое крыло,

за исключением цокольного этажа, занимается Морской академией, эвакуированной из Ленинграда. Левое крыло ею уже занято. Говорят, она останется здесь до окончания войны. Научная работа идет у нас плохо, хотя с возвращением завхоза мы и получили возможность выполнять ее...»

19 февраля 1943 г., Добролюбова — Борисяку: «У нас в Биоотделении все чаще и чаще говорят о реэвакуации, о подготовке здания к приему институтов и т. д... В Институте и Музее все в порядке. Скоро, как только начнет посильнее пригревать солнышко, я опять начну дрожать за музейные кости. Как-то они будут оттаивать. Может быть, можно командировать сюда на весну кого-либо из позвоночников, чтобы спасти их в случае надобности. Мы, то есть я и Наталья Васильевна, можем только заметить трещины, а чем и как их заполнять, мы не знаем. В этом году больших морозов у нас не было, а 15-17 февраля началась оттепель. Мы радуемся окончанию зимы и с нетерпением ждем более светлых и теплых дней. После вскрытия рек обещают снять лимит на электроэнергию и разрешить пользоваться ею сколько угодно. У нас уже начались разговоры об огородах. В этом году хотят иметь их все сотрудники без исключения. Я пишу Вам обо всем, только не о научной работе. Она движется крайне медленно. Правда, я и Наталья Васильевна определили две коллекции кораллов... Обе они большой научной ценности не имеют. Основная наша тема, требующая большого внимания, продвигается с трудом. В этом году мы надеемся встретить Вас вместе с сотрудниками ПИН на Московском вокзале. Это будет для нас большой праздник...»

С марта 1943 г. в Академии о реэвакуации говорят «как о чем-то реальном». 13 марта 1943 г., Добролюбова — Борисяку: «У нас начались работы по подготовке зданий к приему институтов. Вчера Музей осматривал Зубов и вместе с Бодалевым обсуждал вопрос, как восстановить в нем дальнюю комнату, в которой выкопан блиндаж. Кажется, они решили вывезти песок и оставить погреб свободным. С меня спрашивают списки имеющихся реактивов и оборудования, предлагают выяснить состояние жилплощади всех эвакуированных сотрудников и т.д... Снег на крыше Музея, вероятно, растает без чистки. Всякую уборку мы проведем своими силами, но все же мне нужно иметь какие-то деньги на текущие расходы... У нас в других институтах народ быстро прибывает, а в нашем — приехал только Эберзин, да на днях заходила Сарычева. Нам этого мало, хочется, чтобы приехали все. К 8 марта мы получили от Вас благодарность, но будете ли Вы довольны нашей работой, когда вернетесь, мы не уверены. Упущений было много...»

И еще в одном письме (числа нет) о подготовке к возвращению: «В связи с предстоящей реэвакуацией Института у нас возникает много затруднений... На вопрос — могут ли сотрудники разместиться на имеющейся площади без выселения постояльцев из I этажа, я отвечаю — временно могут. Действительно, могут, но сидеть будут не по одному, а по 2-3 и даже 4 человека в комнате, причем часть комнат будут в цокольном этаже... С нас требуют сведения о всех сотрудниках и их семьях, выехавших из Москвы. На некоторые вопросы мы ответить не можем, не знаем. Это меня не особенно смущает, т. к. уполномоченные других институтов находятся в таком же положении... Скоро нам опять придется быть грузчиками и освободить 3 комнаты ИЭМ от наших шкафов с коллекциями и материалами. Нанять некого и не на что, т. к. никаких денег на хозрасходы у меня нет... В Институте спешно начинают производить ремонт. В первую очередь отремонтируется Ваш кабинет, сильно закопченный постояльцами. К Вашему приезду он будет в порядке...»

В марте в Москву вернулась Т.Г. Сарычева, после некоторой волокиты она была вновь зачислена в штат Института и утверждена в должности заместителя директора. С этого момента Добролюбова и Кабакович были освобождены от возложенных на них в конце 1941 г. функций и смогли полностью вернуться к научной работе.

27 мая 1943 г., Борисяк — Добролюбовой: «Глубокоуважаемая Татьяна Алексеевна! Приношу Вам от себя и от лица всего Института глубокую благодарность за ту большую и часто очень тяжелую работу, которую Вы несли полтора года, сохраняя наш Институт в Москве. Передайте также большую благодарность Наталье Васильевне, Вашему постоянному и деятельному помощнику...»

ВОЗВРАЩЕНИЕ. 1943 г.

Сарычева — медсестра в Молотове. Сарычева в Москве — заместитель директора ПИН.
Возвращение Орлова. О книге Лысенко. Докторская защита Д.В. Обручева. Будущие аспиранты.
Переписка Сарычевой и Орлова с Борисяком о необходимости скорейшего возвращения.
Последние приготовления к возвращению сотрудников в Москве. Последний месяц пиновцев во
Фрунзе. Приезд всех в Москву.

Татьяна Георгиевна Сарычева вернулась в Москву одной из первых в марте 1943 г. Она была эвакуирована в Молотов (Пермь) вместе с Наркоматом угля, где работал ее муж. Очень энергичная, Сарычева еще в предвоенные годы была ученым секретарем Палеонтологического института. А до этого она возглавляла в ВИМС Лабораторию палеозойских беспозвоночных, вместе с которой и перешла в ПИН. Д.В. Наливкин в книге «Наши первые женщины-геологи» (Наливкин, 1979, с. 147) пишет: «Все сотрудники этой лаборатории, в основном женщины, были типичными биостратиграфами, геологами. И вот Алексей Алексеевич <Борисяк> вместе с Татьяной Георгиевной мужественно принимается за большую и трудную работу — за «переделку» геологов в биологов, как тогда говорили, за «биологизацию»...» Возможно, именно эта совместная работа располагала и Сарычеву, и Борисяка к особенно обстоятельным письмам. Вероятно, сыграло роль и то, что Татьяна Георгиевна два года была вне Института и, таким образом, вне противоречий Урал—Алма-Ата и других внутриинститутских треволений. В своих письмах из Молотова Сарычева много писала о своей новой работе и об обстановке, в которой она оказалась.

4 сентября 1941 г.: «Когда я уезжала, у меня было очень тяжело на душе, так как я видела, что все товарищи в ПИН'е смотрят на меня, как на дезертира, убегающего со своего поста при первой опасности. Но меня заставило это сделать чувство ответственности за судьбу ребят и стариков... Сейчас же по приезде я пошла в военкомат просить работу в качестве медсестры. Мне выдали военный билет и скоро направили на работу в госпиталь. Вот уже полтора месяца я работаю по новой специальности, сначала палатной сестрой, а теперь старшей сестрой. Работать приходится очень много, но она дает большое моральное удовлетворение — сознаешь, что делаешь все, что можешь, отдаешь все свои силы на оборону. Я очень рада, что своевременно окончила курсы медсестер и могу приносить сейчас гораздо больше пользы, чем своей работой по палеонтологии. Правда, палеонтологию я не забросила совсем — консультирую и определяю фауну для Углеразведки...»

1 ноября 1941 г.: «Страшно утомляет вид человеческих страданий и часто полное бессилие их облегчить. И такие проклятия шлешь фашистам, благодаря которым тысячи молодых цветущих жизней оборваны или искалечены. Какая ужасная вещь — война!»

5 апреля 1942 г.: «Я живу по-прежнему, но чувствую, что страшно устала от своей новой специальности, все чаще мечтаю о возможности возвращения к моим любимым продуктивам...»

3 мая 1942 г.: «Я живу по-старому — стремлюсь сделать все, что в моих силах, для «больнораненых» (это такой нелепый официальный термин, означающий «больные и раненые») в качестве старшей медсестры, сдаю ежемесячно 400 г крови в качестве донора и все — этим моя помощь фронту ограничивается...»

8 декабря 1942 г.: «Я настолько соскучилась по своей работе, что готова преподавать палеонтологию в ВУЗ'е или писать «Палеонтологию Союза» или определять микрофауну из скважин — все, что угодно...»

В том же письме Татьяна Георгиевна пишет, что у них ходят все более упорные слухи о скором возвращении в Москву всех семей Наркомугля. Действительно, Сарычева вернулась в начале марта 1943 г., но обратное зачисление в ПИН произошло далеко не сразу. Еще в январе 1943 г. Борисяк писал заявление в Президиум Академии с просьбой вернуть в ПИН выбывших в связи с эвакуацией сотрудников. В ответ на это Бюджетной комиссией АН было предложено заменить должности технических сотрудников — научными. Имелись в виду Сарычева, Максимов, Беккер-Мигдисова. Еще Борисяк хотел видеть в Институте Вологодина («хороший палеонтолог по древнейшим фаунам») и, возможно, Бодылевского, которого Борисяк считал «одним из лучших наших стратиграфов, по тонкости не уступающим Розанову, кроме того, он лучший знаток наших мезозойских отложений».

22 марта 1943 г. Борисяк надеется, что Сарычеву уже утвердили. «Очень, очень буду рад — Вы мне очень нужны и притом по двум линиям. Это, во-первых, усиление московской группы... Или, во-вторых, — для усиления группы беспозвоночников для разработки основ стратиграфии верхнего палеозоя Тянь-Шаня...»

Но только 7 и 8 апреля Борисяк получает две телеграммы, из первой следует, что Сарычева зачислена и начала работать. Во второй говорится: «ПОЛУЧЕНО СОГЛАСИЕ НАРКОМФИНА ЗАМЕНУ ТРЕХ СТАРШИХ ОДНОГО МЛАДШЕГО И ЗАМДИРЕКТОРА...» В тот же день Борисяк направляет в Президиум телеграмму с просьбой замдиректором утвердить именно Сарычеву, а в письме 8 апреля 1943 г. пишет: «Не можете поверить, какую радость принесли эти телеграммы, — не говоря уже о том, что Вы возвращаетесь в Институт, я теперь спокойно могу оставаться во Фрунзе. Вы меня замените и по подготовке к переезду нас в Москву, и по защите Института и его направления в Президиуме: опять начинается возня о переводе его в Геологическое отделение...»

Положение с нашими работами такое: мы взяли здесь три темы: выработка палеонтологических основ стратиграфии 1) мезо-кайнозойских континентальных толщ (каменный уголь, соль, нефть), 2) нижнего палеозоя (редкие металлы), 3) верхнего палеозоя (ртуть, сурьма и прочее) Тянь-Шаня. Здешним геологам нужна стратиграфия, которая совершенно не разработана, хотя карта закончена (!); а мы соберем на этом хороший материал для наших основных работ. Работы надеемся провести полностью, поэтому большинство сотрудников и я останемся здесь до сентября. По (1) теме будут работать Геккер, Эберзин, Родендорф, Мартынова; по (2) — Вологдин; по (3) имеющиеся здесь Сокольская и Иванова и ожидаемые Сошкина и Руженцев... Находящимся здесь придется собрать материалы на всех. Это не совсем правильно, но при наших трудных условиях другого не придумаешь... Геологи очень заинтересованы в нашей работе, помогали в прошлом году и еще больше будут помогать в нынешнем. Здесь находится вся Среднеазиатская секция ЦНИГРИ (Николаев, Марковские, Яковлев, Шульц, Чихачев, Огнев)...

С Вашим приходом вздохнут свободнее Татьяна Алексеевна <Добролюбова> и Наталия Васильевна <Кабакович>. Они героически охраняли ПИН почти два года и заслуживают отдыха...»

11 апреля 1943 г.: «Я беру с Вас немного дорогую цену за Ваше возвращение — назначаю Вас своим заместителем, но, чтобы Вам не было страшно, пока на время моего отсутствия... Буду ждать Вашей обстоятельной информации, а также и о бытовых условиях для различных категорий сотрудников. У нас случайные и противоречивые сведения...»

Почти одновременно и Сарычева пишет свое первое письмо с рабочего места в ПИН. 7 апреля 1943 г.: «Вчера целый день занималась разборкой своих рукописей и материалов... Я так далеко отошла от своей работы, что, по-видимому, надо потратить очень много сил и энергии, чтобы иметь возможность продолжать ее, не снижая качества... Институт представляет собой следующее: Ваш кабинет закрыт и не пригоден для работы без предварительной побелки и окраски — в нем были какие-то обитатели с временной печуркой, которая закоптила все стены и потолок до совершенно черного цвета.»

В зале заседаний работают Добролюбова и Кабакович. Туда снесены все спасенные от холодов цветы, которые стоят на нескольких столах, так что комната напоминает оранжерею. Татьяна Алексеевна начинает приходить в себя и заниматься научной работой... Очень большую работу выполняет Наташа <Кабакович>... Она обладает большой быстротой ориентировки в разных событиях — качеством очень ценным и которым далеко не все обладают... Коридор набит всякой мелочью — шкафами, столами и так далее. Частично хорошими, частично требующими ремонта — почти до потолка (во всяком случае, не менее двух-трех ярусов). Кроме того, нашими вещами заняты три комнаты у ИЭМ... Наше помещение в новом крыле пока занято, но по слухам оно будет освобождено в ближайшее время. Вот здесь-то и важен приезд наших сотрудников, так как отстоять помещение, когда оно будет освобождено, едва ли будет в наших силах...»

В этот период переписка между Борисяком и Сарычевой становится особенно частой, тем более, что письма обычно передаются с сотрудниками Биоотделения, едущими из Москвы во Фрунзе, или наоборот. Это гораздо скорее, чем посылать почтой.

15 апреля 1943 г. Борисяк — Сарычевой: «Поздравляя меня, Вы пишете, что я «вдохнул в мертвую стратиграфическую палеонтологию душу — эволюционное направление в изучение фауны». К сожалению, не многие это отмечают, а многие не понимают. По этому поводу очень жалею, что те, кому дороги интересы палеонтологии, не воспользовались случаем, чтобы объяснить широкой публике значение наших работ в газетной статье, как это сделал Фрумкин по поводу Несмеянова, Орбели об Энгельгардте и прочие...»

21 апреля 1943 г. Сарычева — Борисяку: «С Институтом у нас все по-старому — делают во всем здании ремонт отопления и водопровода, поэтому то там, то здесь начинает течь вода — соответственно приходится передвигать шкафы и прочее с одного места на другое. Наше новое крыло все еще занято моряками, хотя по распределению помещений, подписанному Орбели, оно целиком отходит к нам. Генетики уезжают в свое новое здание, это дает возможность всем институтам разместиться, несмотря на то, что ИЭМ'овское новое крыло остается у моряков. Наши моряки (из нашего крыла) должны выехать по первому требованию, но сейчас еще требовать рано — в пустое помещение могут поселить какое-нибудь академическое учреждение, которое будет очень трудно выселить... В Музее также все по-старому. Становится теплее, в Музее открывают окна, t° поднимается до +5° — +7°. Все видимые экспонаты целы, от мороза не пострадали, и кости, и гипсы крепкие. Думаю, что и в ящиках все в порядке. Распаковывать их не будем, чтобы не повредить, если они, паче чаяния, повреждены морозом...»

Между тем московская группа постепенно пополнялась. Вернулись из Уфы И.В. Хворова и Е.Д. Сошкина. Хворова осталась в Москве помогать Сарычевой, а у Сошкиной оказалась открытая форма туберкулеза, и вскоре она уехала к родным в Рязань на поправку.

Неоднократно Борисяк просит Сарычеву писать о Москве: «Пишите почаще обо всем, чтобы я опять вошел в московскую жизнь... Мы, сидя здесь, никак не можем узнать правды о Москве от побывавших там — точно они ездили в разные Москвы».

И Сарычева отвечает, особенно подробно о бытовых условиях, о чем спрашивалось раньше. 23 апреля 1943 г.: «Все научные сотрудники, и старшие, и младшие, получают рабочие карточки (в Москве это 600 г хлеба, хотя в Молотове я получала на рабочую карточку 800 г, — не знаю, как во Фрунзе) и карточки в литерную столовую в нашем здании. Там дают к обеду 200 г хлеба дополнительно. При желании обеденная карточка может быть отоварена сухим пайком — тогда получается норма, соответствующая рабочей карточке. Таким образом, значит, каждый имеет 800 г хлеба плюс две рабочие карточки. Карточки отоваривают в закрытом магазине в сроки, когда бывает отоваривание по всей Москве. Доктора могут прикрепляться на обеды к Дому ученых, или получать также соответствующий сухой паек (в большем объеме, чем рабочая карточка). Доктора прикрепляются в магазине к столу заказов и получают те же продукты, но с меньшей затратой времени. На детские карточки, кроме

того, дают 1 л керосина, а на детей младше восьми лет — молоко в разном количестве в зависимости от возраста. Лаборанты получают также рабочую карточку, препараты — служащую (500 г хлеба). Все сотрудники, не имеющие литерной столовой, до сих пор получали по 200 г хлеба дополнительно по особым спискам...»

Вероятно, теперь, 60 лет спустя, когда полки магазинов ломятся от продуктов, трудно представить, зачем человеку 600 г хлеба в день, но ведь в семьях были и иждивенцы, и дети, получавшие гораздо меньше. Да и не все товары, указанные в карточках, выдавались. Овощей в карточках вообще не значилось, поэтому очень важно было иметь огород. «Нам обещали дать землю (по 100 м²) для огородов на Воробьевых горах, но до сих пор там какие-то неувязки», — продолжала Сарычева в том же письме.

Но, конечно, в гораздо большей степени переписка идет об институтских делах и, в частности, о кадрах. Чувствуется, что Сарычеву очень беспокоит предложенная Борисяком кандидатура Вологодина. Она опасается, что Вологдин будет тянуть ПИН в геологию, на что Борисяк отвечает (7 мая 1943 г.): «Что касается Вологодина, то он еще «чужой» нашей тематике, и должен сначала биологизироваться... Вообще он больше геолог, чем палеонтолог, — поэтому никаких руководящих должностей он не может занимать в ПИНе... Но я, как Вы знаете, не склонен иметь замов, пока есть силы делать все самому, и, приехав в Москву, освобожу Вас. Ваша кандидатура в замы вызвала общее одобрение в Биоотделении — пишу Вам это, чтобы Вы чувствовали под собой более прочную почву...»

Немного позже Борисяк дополняет: «Что касается «лица» Института, то оно еще не потеряно — лицо прежнего, настоящего ПИНа, — так же как сейчас он нашел себе путь на сегодняшний день. Я старался так вести все наши институты здесь: не теряя лица, не снижая теории, дать как можно больше сегодняшнему дню. И, хотя слабеющими руками, я все еще держу крепко вожжи...»

К середине мая Сарычева не только хорошо освоила все административные обязанности замдиректора, но все более занимается научной работой. 18 мая 1943 г.: «Теперь о диссертации — Вы торопите представлять докторскую диссертацию — я и сама знаю, что это совершенно необходимо — ведь у нас в ПИНе все мужчины, за исключением Куликова, будут доктора, а все женщины — кандидаты... Это страшно задевает мое женское достоинство и мне хочется поэтому защитить докторскую как можно скорее... Я постараюсь всерьез заняться подготовкой диссертации и ее оформлением...»

22 мая 1943 г. Сарычева сообщает, что накануне приехал Орлов вместе с возвратившимся в Москву Университетом. «Я очень рада, что он будет здесь во время ремонта Музея — по крайней мере, за Музей меня будут меньше ругать, когда приедут все позвоночники...»

Юрий Александрович Орлов, судя по письмам, был полной противоположностью Сарычевой по характеру. «Когда я приехал в Москву, — писал Орлов Борисяку, — я так был рад, что попал в ПИН, что даже Сарычеву обнял, а Добролюбову готов был и расцеловать вдобавок». Свои первые впечатления о Москве Орлов описывает 13 июня 1943 г.: «Первое время в Москве мне было очень тяжело (с 21 до 28 мая я не имел обеда, и питание мое помимо 500 гр. хлеба по рейсовой карточке заключалось, главным образом, в том, что я любовался роскошными завтраками, стремительно доставлявшимися в кабинет Зубова¹)...» Сообщает Орлов и о внешней обстановке в Москве: «При мне были: 1) одна тревога без пальбы зениток (с 6-7 июня), 2) одна пальба из зениток (днем) без объявления тревоги и 3) одна длительная (сравнительно — 3 часа) тревога с сильной стрельбой зениток».

Орлов считает совершенно естественным передачу ему Сарычевой всего, что касается Музея, и в июне он собирается «со «сметчиком» тщательно осматривать Музей для детальной сметы на ремонт». Последующие заботы Орлова о Музее и взгляды на палеонтологию

¹ И.В. Зубов — управляющий делами АН. (И.Б.)

позвоночных приводятся в переписке Борисяка и Орлова в главе «Академик А.А. Борисяк и фрунзенская группа».

Сарычева совершенно согласна с Орловым в вопросе об открытии Музея. 7 июня 1943 г.: «Мне кажется, что сейчас совершенно необходимо открыть для посетителей Музей. Это звучит может быть и парадоксально, но когда возрождаются ВУЗы, институты и так далее, открыты все музеи и театры, необходимо и нам встать в ряды «действующих предприятий». Мне кажется, это для дальнейшего будет иметь большое значение...» Возвращаясь к вопросу о кадрах, Сарычева пишет в том же письме: «Наша группа оказалась благодарной в смысле ее биологизации потому, что еще работая в ВИМСе, мы встали на путь максимальной детализации в изучении своих объектов, чему способствовали наш хорошей сохранности материал, его большое количество, а также точность стратиграфических вопросов, на которые мы должны были дать ответ. Отсюда вытекал и наш интерес к изменению фауны в связи с изменением фаций и так далее. Можно сказать, что мы подходили к биологизации стихийно, а благодаря ПИНу стали делать это сознательно и теоретически обоснованно...»

Освещает Сарычева и еще один интересный эпизод научной жизни Москвы того времени. «На днях была на торжественном заседании, посвященном Тимирязеву (его «Жизнь растений» была первой книгой, толкнувшей меня от гуманитарных наук на естественные), там выступал Лысенко, который сказал, что всю теорию своих работ он изложил в книжке «Наследственность и ее изменчивость». С большим трудом мне удалось достать эту книжку (только для прочтения). Видели ли Вы ее? Книжка любопытная! Она издана в Омске в 1943 г. Наркомземом тиражом 1500. (Злые языки говорят, что весь тираж закуплен самим автором). В Москву попали только единичные экземпляры. Это небольшая брошюра в семьдесят три страницы со всеми недостатками, свойственными провинциальному изданию. Написана она очень неряшливо и, по-видимому, совершенно не отредактирована, так что встречается много несогласованных падежей и так далее. Что касается содержания, то оно тоже не на высоте. Автор догматически высказывает то или иное свое положение, несколько раз на одной странице его в полемической форме перефразирует, но не доказывает. Вся книжка написана не то популярным, не то научно неграмотным стилем (как хотите толкуйте), но не имеет четких формулировок, часто встречается путаница в терминах и понятиях. Некоторые мысли кажутся автору новыми потому, что он излагает их не обычным научным, а своим собственным специфическим языком. Так, например, Лысенко, противопоставляя свое определение наследственности определению «менделистов-морганистов» («только воспроизведение организмами себе подобных»), говорит: «Под наследственностью мы понимаем свойство живого тела требовать определенных условий для своей жизни, своего развития и определенно реагировать на те или иные условия. Под термином наследственность мы понимаем природу живого тела». А у Шмальгаузена все это сформулировано более отчетливо и научно: «Под явлением наследственности мы понимаем известную стойкость структур и реакций организма, которые повторяются в ряду поколений с тем большей точностью, чем более сходны условия среды, в которой развиваются представители этого ряда поколений... Не буду приводить других мест. Если Вы эту книжку не читали — обязательно достаньте! В общем она интересна, но для нас дает мало. Может быть, можно использовать его понятие о «расшатанности наследственности»».

В конце этого письма, которое Сарычева пишет в несколько приемов, поскольку «оказия» все откладывает свой отъезд во Фрунзе, снова о Лысенко, а именно: «Добролюбова последнее время сидит над книжкой Лысенко, о которой я Вам уже писала, а я после нее взяла Шмальгаузена и нахожу, что Лысенко очень многое повторяет уже давно всем известное, но до чего он дошел своим умом, так как не снисходит до чтения научной литературы, заранее относясь к ней предубежденно отрицательно».

И, как просил Алексей Алексеевич, несколько слов о военном положении Москвы: «Последние дни у нас по ночам постреливают, а однажды, как раз когда мы (пиновцы) дежу-

рили ночью по Отделению, была даже воздушная тревога, но все было совершенно спокойно и не было даже ни одного выстрела. Правда, все ожидают налетов на Москву. Каждый вечер в небо поднимаются тысячи аэростатов заграждения, которые видны в 10-10³⁰ вечера, позднее они уходят на большую высоту и делаются для нас невидимыми. В Отделении введена дополнительная охрана — ночью назначают вместо обычных четырех — шесть дежурных. Приводят в порядок газубежище и противопожарные средства, еженедельно собирается для занятий группа самозащиты. Ото всего этого, живя в Молотове, я совершенно отвыкла, так что может быть мне это бросается в глаза больше, чем «коренным» москвичам. (Вот Вам и источник «разных» информации о Москве!)»

Когда письмо Сарычевой о Лысенко дойдет до Борисяка, он ответит весьма сдержанно: «Книжку Лысенко издали видел и даже слышал ее изложение Глущенком (лауреат нынешнего года). Постараюсь достать...» Все устремления Борисяка — это научная работа и сохранение Института в составе Биоотделения. Вот выдержки из писем Борисяка Сарычевой этого периода.

26 мая 1943 г.: «Напечатаны ли юбилейные сборники? В статье «Палеонтология за 25 лет» я старался охарактеризовать и обосновать нашу работу. (Очень благодарен Л.А. Орбели за абзац, посвященный мне в его речи — см. Вестник АН, 1943, № 1-2, стр. 55, это важно для Института).¹

Начал другую статью, более серьезную — об основных проблемах палеонтологии, по нашему опыту. Надеюсь закончить до Москвы...»

6 июня 1943 г.: «Кстати, надо скорее переименовать ПИН в «Палеозоологический», — это отпугнет всех геологов. Надо поговорить об этом с Орбели...»

20 июня 1943 г.: «Не помню, писал ли я Вам, что для работы у нас наконец помещение имеется, — большой зал, в 200 кв. м, в два света. Мы его перегородили ящичками. Есть, таким образом, место, которое называется институтом, где можно одновременно видеть всех...»

Я уже писал Вам, что работаю сейчас над маленьким зверьком, вроде ежа, представляющим смесь признаков разных групп, как это полагается для столь древних форм (олигоцен)...»

В Москве все это время Сарычева ведет (кроме своей научной работы) активнейшую работу по подготовке Института к возвращению сотрудников, по возвращению самих сотрудников и их семей, по помощи Борисяку во Фрунзе. Теперь трудно представить, сколь зависимы были люди даже в простых житейских делах от распоряжений и указаний высокого академического начальства, а иногда и еще более высокого. Сарычева пишет 18 июня 1943 г.: «Удалось договориться о посылке телеграфного распоряжения Наркомторгом Союза Кирнаркомторгу о снабжении 24 научных работников по экспедиционным нормам. Принципиальное согласие Наркомторга получено, надо только проследить о посылке телеграммы...». Это в ответ на сообщение Борисяка о том, что экспедиции ПИН и других институтов, находящихся во Фрунзе, плохо снабжаются на месте. «Настоятельно прошу всех москвичей аккуратно платить квартплату — право, это невозможно тратить половину своего времени на судебные дела по чужим квартирам, хозяева которых очевидно вообще не собираются возвращаться в Москву.

¹ «Возьмем братьев Ковалевских, крупнейших основателей современной биологии. Владимир Онуфриевич Ковалевский — это человек, который указал пути развития палеонтологии, который указал на то, что палеонтология из простой прислужницы геологических наук должна сделаться одной из важнейших отраслей биологии, должна сделаться наукой, которая поможет разобраться в сложных вопросах эволюции. И русская палеонтология, советская палеонтология стала на путь, указанный В.О. Ковалевским, и силами его последователя и преемника Алексея Алексеевича Борисяка разрабатывается сейчас у нас в Союзе.

Мы знаем, что Палеонтологический музей сейчас превратился в Палеонтологический институт Академии наук и в нем ведется громадная по своему масштабу и очень интересная по содержанию научная работа, подтверждающая дарвинскую теорию эволюции». Цит. по: Орбели Л.А. Развитие биологических наук в СССР за 25 лет. Вестник АН, 1943. № 1—2. С. 55.

Я бы Вас очень просила передать это всем... Ведь эти жилищные дела самые трудные дела из всех моих остальных обязанностей и к тому же самые неприятные... На днях приехала из Уфы Шишова с матерью, опять хлопоты о прописке и так далее!...

В свое время Вы совершенно правильно заставили ПИН переехать из Ленинграда в Москву, теперь, мне кажется, положение может быть несколько сходным — те институты, которые очень долго не приедут, окажутся до некоторой степени за бортом идущей вперед жизни...»

22 июня 1943 г.: «Два дня подряд была на Президиуме (он заседает сегодня еще и третий день), были вопросы о подготовке кадров и реэвакуации. Правительство требует развернуть подготовку кадров до предела возможности, чтобы как можно быстрее восполнить военную убыль. Запланировано принять на 43-44 год 400 аспирантов. Нам дают 1 канд. и 1 докт., но конечно, если будут реальные подходящие кандидатуры, можно будет получить и больше. О реэвакуации говорилось о необходимости более жестко подходить к людям, не имеющим в Москве площади — не пускать таких ни в коем случае. Теперь к спискам необходимо представлять справки от домоуправлений, что такие лица действительно жил-площадью обеспечены. Кроме того, прижимают всех не прямых иждивенцев, которых тоже не хотят везти в Москву.

После заседания Президиума и после разговоров в кулуарах получается впечатление, что возвращаться необходимо, не откладывая. Правительство требует от АН, чтобы она не теряла своего научного лица, не разменивалась на мелочи, а была действительно научным центром. В вопросе о кадрах говорилось о необходимости готовить кадры астрономов, теоретических физиков и математиков и прочие, сугубо «чисто научные» специальности.

Сейчас все усиленно восстанавливается — открыто опять «Узкое», поликлиника, детсад, в Поречьи будет пионер-лагерь и так далее, несмотря на тревожное более или менее положение в городе и усиленную подготовку к возможным налетам...» (подчеркнуто Сарычевой).

Радостным событием для всех пиновцев этим летом стала давно ожидаемая докторская защита Дмитрия Владимировича Обручева. Он вернулся в Москву в середине июня, защита состоялась 30 июня в Московском университете. О ней писали Борисюку несколько сотрудников.

Орлов, 30 июня 1943 г.: «Сегодня защита диссертации Обручева. Работу перечитал с интересом и удовольствием, надеюсь, все хорошо и эта «гора с плеч свалится»... причем не только у Д.В., но и у других...»

1 июля 1943 г.: «Д.В. Обручев вчера защитил диссертацию; по-моему — блестяще, с очень хорошей оценкой Б.С. Матвеева, пригласившего нас после диспута на чаепитие, равно как и другого оппонента (Никольского). Заключительная глава в окончательном виде — придала всему сразу все нужное...»

Сарычева, 9 июля 1943 г.: «Не помню, писала ли об обручевской защите — все прошло очень хорошо. На другой день в Институте мы подарили ему большой букет цветов и устроили «банкет», который выразился вещественно в подаче винегрета, тарелки клубники (по 8 ягод на брата!) и кофе с молоком и сахаром. Все, во главе с юбиляром, были очень довольны, что все же как-то защита диссертации была отмечена...»

Письмо Д.В. Обручева (2 июля 1943 г.): «Моя диссертация благополучно завершена 30-го; говорят, сошло ничего».

Наконец, поздравления Борисюка — 5 июля 1943 г.: «Только что получил телеграмму Орлова. Сердечно поздравляю Вас, желаю дальнейших успехов, жалею очень, что не присутствовал»; 18 июля 1943 г.: «Хотя я уже мельком поздравил Вас в прошлой записочке, мне хочется еще раз как следует поздравить Вас, приветствовать Вас и выразить пожелание скорейшего развертывания Вашей работы, так интересно намеченной. Докторская диссертация не только крупнейшее событие в жизни ученого, но и праздник Института. Есть все основания ждать, вслед за Вами, ряд докторских работ женской половины ПИН'а, — в этом росте кадров я вижу внешнее выражение успеха постановки Института; как теоретический институт, он должен

состоять из крупнейших работников, из которых каждый должен быть хозяином своей области. Только тогда в целом он даст что-то крупное...»

24 июля 1943 г. Обручев благодарит за поздравления и радуется, что не подвел ПИН. Вероятно, летнее время, а может быть успешная защита, объединившая всех, как-то сняли или во всяком случае уменьшили обычное напряжение московской жизни.

Обручев рассказал московским пиновцам о том, как дешево во Фрунзе сахар и масло. «Цены 100 р. сахар и 300 р. масло кажутся здесь сказочными, так как здесь масло (и вообще все жиры) можно купить (из-под полы) с трудом за 1200 р., а сахар я даже не знаю, за сколько», — пишет Сарычева. Некоторые сотрудники стали передавать во Фрунзе тару и деньги, чтобы осенью вместе с вещами Института получить некоторое продовольственное подкрепление на зиму. Сарычева сообщает и еще об одном способе для возвращающихся в Москву запастись продовольствием. «По словам приезжающих из Фрунзе людей по дороге в Москву следует всем покупать близ Аральского моря соль (20-25 р. ведро) и затем в районе между Волгой и Рязанью менять ее на масло и яйца. Получается нечто баснословное... За 4 кг соли дают 1 кг масла... Но около Рязани все прекращается и дальше уже все станции пустые... Как жаль, что Вы не вызываете меня для чего-нибудь во Фрунзе!», — заканчивает эту тему Татьяна Георгиевна.

Орлов возвращается к своему оригинальному, когда-то так хвалимому Ивановой, эпистолярному стилю. Главный вопрос сейчас — аспиранты, непосредственные ученики Орлова по Университету.

7 июля 1943 г.: «Чем дальше, тем больше копится дел, о которых надо рассказать Вам и с Вами и другими «азиатами» посоветоваться: не даром говорится — с востока свет. Но освещение некоторых вопросов полезно и «с запада». Всего, о чем хотелось бы и нужно поговорить, так много, что эпистолярная форма письма становится мне все труднее и труднее, и поневоле прибегаю к «пунктам», дабы самому не забыть, о чем надо написать (хотя бы и не в порядке очередности «важности» дел).

1. Т.Г. Сарычева наверно уже сообщила Вам о «возложении» на Ак. Наук обязанности по подготовке молодых кадров, отчасти и в связи с их убылью за последнее время. На представленную по этой линии ПИНу кандидатскую аспирантуру мы пробуем провести Рождественского (в конце июля оканчивающего государственные экзамены), на позвоночных — в надежде, что Вы не будете возражать против этого самоуправства. Дело в том, что Университет не бронирует начинающих аспирантуру; оканчивающих срочно распределяют в Наркоматы, тресты и так далее — запрашивать Вас было поздно, даже молниями. О нем я сообщал Вам¹; в Университете ему дается, и не только мной, а и другими преподавателями, очень хорошая оценка; и лишь военная обстановка не дает возможности удержать его в МГУ. Удается ли это в Академии — видно будет...

2. На вторую, возможную, кандидатскую же аспирантуру, я предложил Сарычевой по беспозвоночным Н.А. Пославскую, очень способную и культурную (кстати, и с большим «приданым» в виде большой коллекции прекрасной сохранности меловых ежей; хотя, конечно, из этого отнюдь не следует, что ее надо «посадить» именно на ежей).

К сожалению, здесь нет Сытовой, сейчас работающей где-то на Урале (и Е.С. Порецкой, из которой бы вышел, несомненно, толк!).

Обстоятельства сложились так, что мне не удалось «организовать» Сытовой (и еще кое-кому) палеонтологическое образование в должной мере. Но несколько человек, очень заинтере-

¹ Из письма Орлова от 13 июня 1943 г.: «Рождественского продвигаю в аспиранты — если не заберут после переосвидетельствования на военную службу. От таковой ни ассистентство, ни аспирантура, ни тем более лаборантство не освобождает. Уже писал Вам, что им написан с карточками и разрезами полезный для нас отчет по экспедиции в Тургай в 1941 г. Он был бы рад поехать на любых условиях в палеонтологическую экспедицию...» (И.Б.)

ресовавшихся палеонтологией и серьезных, и работающих, имеется; они москвичи, с жилплощадью (о которой так мечтает их учитель — хотя бы к старости!..)»

25 августа 1943 г. Орлов снова пишет об аспирантах: «Из окончивших МГУ еще подает на аспирантуру В.А. Сытова — очень серьезная студентка, однокурсница Рождественского из числа четырех начинающих специализироваться по палеонтологии в 1941 году. Как и Рождественского и Пославскую — могу Сытову искренне рекомендовать, из нее толк выйдет наверняка. Таким образом, мы с молодежью, чему и я, и Сарычева очень рады...» Сама Сарычева пишет двумя днями раньше, что «Орлов получил письмо от своей бывшей ученицы Сытовой, которую он считает самой способной из всех его бывших студентов, отличающуюся, по его словам, особой склонностью к научной вьедливой работе, знающей свободно два языка. Он говорил и раньше о ней, как о лучшем кандидате в аспиранты, но в то время он не знал, где она находится. Теперь она нашлась и сама просится в аспиранты. Она сейчас где-то в Сибири, но площадь в Москве имеет, так что в этом отношении с ней затруднений не будет...»

Действительно, из Веры Алексеевны Сытовой вырос «один из лучших специалистов по ругозам ордовика и силура», по оценке Д.В. Наливкина (2003, с. 332)¹. А хвалебные строки о ней из письма ее любимого учителя «Ю.А.» она услышала за полгода до своей кончины, и они доставили ей несколько приятных минут.

Продолжая разговор об аспирантах, Сарычева спрашивает, просить ли еще места или заменять докторантов кандидатами, столько оказалось кандидатур. «Сейчас аспирантов зачисляют очень легко — с последующей (уже после зачисления) сдачей приемных экзаменов. Вчера экзаменовали по палеонтологии Рождественского — отвечал хорошо, хоть Орлов задавал ему много казуистических гистологических вопросов. Поставили ему оценку — отлично. В ближайшее время он будет сдавать язык и марксизм, которые также, по-видимому, должны у него пройти гладко...»

Во Фрунзе в конце июня Борисяк все еще не уверен в московском «небе» и не склонен к возвращению. Полный разнобой в Президиуме по этому вопросу тоже отнюдь не радует Борисяка. Он пишет Сарычевой (27 июня 1943 г.): «Очень волнуют меня сведения о тревогах. Кроме Вашего письма, о них говорил... ряд других писем... Не могу понять, как при таких условиях можно перевозить учреждения Академии. Ведь, установкой при эвакуации (я был на заседании по этому поводу в СНК в Москве) было «дать возможность спокойно работать». Зачем же теперь везут в беспокойные условия?... При «четком» руководстве со стороны Президиума трудно и спокойно работать, и спокойно укладываться... Пока я только очень и очень благодарю Вас за Ваши письма, которые держат меня вполне в курсе московских наших дел и, главное, вполне спокойным за эти дела...»

Затем Борисяк продолжает информировать Сарычеву о фрунзенских делах. 6 июня 1943 г.: «Третьего дня прибыла сюда Е.А. Иванова с матерью и О.М. Мартынова. Елена Алексеевна решила все-таки ехать сюда, хотя я предоставил ей на выбор — ехать сюда или ехать прямо в Москву, мотивируя это тем, что в горы она ехать не может, а где будет вести камеральную работу, Институту безразлично. Мать ее значительно поправилась, почти самостоятельно могла выйти из вагона. Сама Елена Алексеевна худа невероятно, потеряла одну треть веса, но весела и оживлена. Теперь собрались во Фрунзе все, кто мог сюда приехать. Жаль очень, что не могли приехать Сошкина и Шульга. Из-за этого наши работы по верхнему палеозою осуществляются в очень сокращенном виде, к моему огорчению...»

И все-таки «время летит быстро», как замечает Борисяк в следующем письме, и у него «начинается уже «путешественная лихорадка» — легко сказать возвращаться после более чем двухлетнего отсутствия». Он просит напомнить начальству о двух вещах — восстановить телефон на квартире — «без телефона я пропаду» — и прислать кого-то во Фрунзе для помощи

¹Наливкин Д.В. Первые женщины-геологи Петербурга-Ленинграда // Геология — жизнь моя... Сборник очерков. Вып. 10. М.: РосГео, МПР РФ, 2003. С. 181—418.

в момент отъезда — «нас будет 350 человек и полтора десятка товарных вагонов». Еще Борисьяк спрашивает о Москве: «Будут ли машины, чтобы привозить академиков в Академию? Для меня ведь это тоже «вопрос жизни». Тут я езжу на допотопной линейке «в половину лошадиной силы». (Мальчишки на улицах кричат: «Дедушка, корми лучше лошадь!») — и это при жаре С 65° (в тени 35°...»)

И в дальнейшем, наряду с чисто фрунзенскими, так сказать, проблемами, возникают проблемы возвращения в Москву, иногда совершенно нелепые. 18 июля 1943 г.: «С продовольственными фондами для экспедиций устраивается плохо — кое-что добыли, кое в чем помог «богатый дядюшка» — геол. управление, и таким образом некоторые партии выехали (Эберзин, Вологдин, Геккер)... насекомщики едут позднее... кто же знал, что надо подавать заявку... в прошлом году порядок был иной, на местах выдавали достаточные фонды. Кроме нас и другие институты страдают от этого, например, голодает бригада Таусона, выехавшая работать в каучуковый совхоз, и другие...

Я написал статью «Долло и палеобиологический метод», где пропагандирую нашу работу; вероятно, пошлю ее в «Журнал общей биологии». Написал также «Халикотерий как биологический тип» для «Природы»... На днях послал Зубову письмо... Я писал о том, что местное руководство филиала, как ходят слухи, предлагает запретить нам через СНК Киргизии вывоз наших огородных урожаев, — вообще всяких продуктов. Чтобы предупредить это, необходимо от Президиума, или еще более высокого органа, распоряжение о том, что эвакуируется: научные работники, имущество и оборудование институтов; личное имущество сотрудников; урожай личных и коллективных огородов, а если Зубов хочет, чтобы мы привезли еще что-то дополнительно, то и это должно быть упомянуто...»

Не только Сарычева в Москве, но и Иванова во Фрунзе представили Борисьяку «очень интересную программу своей докторской работы. «Я вижу ясно, что совершенно необходимо мне на ближайшие год-два иметь мужчину-секретаря, чтоб дать возможность женской половине ПИН защитить диссертации», — шутит Алексей Алексеевич.

Между тем, московские пиновцы все более упорно и настойчиво говорят о необходимости скорейшего возвращения всего Института в Москву.

23 июля 1943 г. Орлов — Борисьяку: «Небо в Москве этим летом довольно дождливое, но без налетов и бомб. Общее впечатление таково, что шансов на таковые немногим более, чем на удар молнии в здание Музея. Надо ехать сюда.

Т.Г. Сарычева подробно пишет Вам о необходимости по мнению всех Ваших московских сотрудников... да и всех, кого ни спросишь — везти Институт на зиму в Москву... Оставление ПИН`а еще на зиму вне Москвы — обозначает немедленную передачу или захват наших пустующих помещений многими «жаждущими»... Административные работники Биоотделения в очень категорической форме за перевоз без всякого промедления не только работников Института, но и всех коллекций до последнего обломка, всего Музея...

Сравнивать условия работы здешние и фрунзенские для палеонтологии не приходится, хотя холод и пугает зимой... О Фрунзе вспоминаю, как о ссылке...»

20-31 июля 1943 г., Сарычева — Борисьяку: «Положение с Институтом, по-моему, сейчас таково, что переезжать совершенно необходимо. Если он как можно скорее не переедет, то можно гарантировать с полной уверенностью, что наше помещение будет занято — уже на него начинают точить зубы те институты, которые потеряли площадь в левом крыле (моряки не уезжают)... А Вы прекрасно знаете, что потерять помещение легко, а получить его почти невозможно...

Все хуже обстоят дела и с квартирами сотрудников, что хорошо видно на примере Ивановой. У нее все квартирные дела в полном порядке, никто не оспаривает ее права на площадь, но тем не менее ее заселили. Дело в том, что после бомбежек 1941 г. многие семьи были расселены по пустующим квартирам, теперь, когда все возвращаются, временные жильцы выселяются

в еще остающиеся пустыми комнаты. Легко себе представить, что чем дальше, тем положение с возможностью их быстрого переселения все более и более затрудняется и, конечно, приехавший хозяин последней пустой квартиры останется со своим правом на площадь, но без площади. Жильцы, поселившиеся у Елены Алексеевны, переселены к ней в шестой (!) раз... В таком же положении может оказаться любая квартира. Никакие протесты — недействительны, действительно только одно средство — возвращение хозяина.

Возвращаюсь опять к Институту — ведь если у нас не будет здесь площади, то мы особенно будем нежелательны в Биоотделении, которое при первой же возможности постарается нас выпихнуть к геологам. Одним словом, сейчас настало время как можно скорее переезжать в Москву, пока еще не поздно, в дальнейшем промедление будет «смерти подобно»...

Здесь возобновляются научные доклады вечером по пятницам. Прошлую пятницу докладывал Павловский о работе ЗИН`а. Было очень интересно, доклад вызвал много одобрений. Была взята линия на перестройку работы так, чтобы в Таджикистане остался след от пребывания в нем зоологов... масса интереснейших вещей, частично уже принесших большую пользу республике и давших много для чисто научных проблем... Обычно до войны всегда бранили ЗИН за отрыв от практики, за то, что он не может найти своего места, теперь нет и следов таких настроений. Вообще было очень интересно и поучительно...»

30 июля 1943 г., Орлов — Борисяку: «Военная обстановка — в целом за пределами нашей компетенции. Но никаких тревог и налетов нет... Говорят, что защита Москвы поставлена хорошо, что попытки налета были многократно, но без эффекта и так далее.

То, что в Москву везут всех и все увезенное и даже новое и оборонного значения; то, что Москву «откупоривают» — постепенно; то, что с Большого театра и почти целиком с Кремля сняли маскировочные декорации; то, что усиленно проверяют и ремонтируют уличное общее освещение, а вчера его, хотя и в приглушенном «ослабленном» виде держали весь вечер и так далее, — все это — за возврат в Москву, то есть точнее, все это индикаторы благоприятного свойства по линии неба...

Зимовать ПИН`у вне Москвы — обозначает немедленную потерю помещений и конечно при первом удобном случае вслед за этим выкинут из Биоотделения...»

Наконец и Борисяк заговорил о необходимости поскорее ехать в Москву, хотя до этого сильно колебался. Вот как он об этом пишет Сарычевой (1 августа 1943 г.): «Признаться, лично мне переезд сейчас кажется преждевременным, и одно время я даже предполагал, отправив Институт в Москву, остаться здесь одному на некоторое время. Эту своего рода «инерцию» неожиданно «расшатало» как бы Вы думали, что? — Я случайно по радио услышал митинг ученых, знакомые голоса, и меня ужасно потянуло поскорее в Москву. А затем пошли более актуальные вещи: академические выборы... Одним словом, я тоже еду, вместе со всеми...» В том же письме Борисяк описывал обстановку во Фрунзе на данный момент: «Укладка (а у нас — переукладка коллекций) идет медленно, так как нет досок для ящиков. Буквально целые дни... добиваемся реализации в различных инстанциях предоставленных нам СНК`ом восьми кубометров, — а ведь это только половина того, что нам нужно... И так здесь все делается, бесконечно любезно и бесконечно... медленно.

В ПИН`е почти все разъехались. Родендорф болен; в Институте один Ефремов, который по необходимости назначен нашим уполномоченным по укладке, — придется ему не только «критиковать» других, но и самому поработать...

Высокие круги Киргизии находятся в несколько приподнятом настроении: через две недели — открытие филиала. Вчера поздно вечером заседала Комиссия, куда и меня привлекли — единственного действующего здесь академика (Бах последнее время все лежит) — Комиссия по устройству: от штукатурки и побелки — до научных докладов — и заключительных банкетов. Я сжился со здешними руководящими работниками, и охотно помогаю, чем могу. С удовольствием констатирую, что мои установки пускают корни: цель создания филиала —

поднять на теоретическую высоту местные научные работы... Тотчас после открытия филиала предполагаю устроить заключительное собрание Отделения с подведением итогов нашей двухлетней работы — под председательством Комарова, с участием представителей Правительства и общественности...

Я в последнее время немного думал над нашей последней проблемой, то есть становления вида, и теперь, когда дойдет дело до печати нашего тома по изменчивости, напишу иное предисловие. Между прочим, я прихожу к заключению, что ошибался, когда говорил, что палеонтология обладает колоссальным материалом по изменчивости. Конечно, и здесь «неполнота» летописи дает себя знать... Только что закончил статью «Халикотерий как биологический тип», для «Природы». В ней излагаю весь ход палеонтологического исследования, как я его понимаю, и ключ к установлению построения филогенезов...

Сразу по получении этого письма (с оказией) Сарычева пишет: «Несказанно обрадовалась, что Вы решили твердо ехать в Москву! Сразу стало легче на душе!... Могу Вас порадовать: со вчерашнего дня улицы в Москве по вечерам стали освещаться — правда, фонари очень тусклые (горят не полным накалом) и снабжены сверху колпаками, но все же становится несколько светлее и ходить, и на душе. Ведь эта световая маскировка действует удручающе — каждый вечер в 10 ч. по радио слышно: говорит Штаб МПВО, граждане города Москвы, замаскируйте окна... время наступило... Штаб предлагает немедленно сделать это... Ну, скоро сами все увидите и услышите!»

Борисяк предложенные москвичами три кандидатуры в аспирантуру (Рождественский, Пославская, Сытова) вполне одобряет и предлагает еще одну. 6 августа: «Сын Громовой, отличный зоолог, хочет работать по четвертичным позвоночным...» 16 августа о нем же: «...эколог, он берет тему «экология четвертичной фауны»; в связи с работами Громовой и Беляевой она нам интересна. Я уже послал заявление в Отдел кадров...» И в том же письме другие темы: «13-го праздновали открытие Киргизского филиала, вчера была научная конференция и банкет, сегодня экскурсии. Торжества прошли с большим подъемом и теплотой... В среду проводим прощальное заседание Отделения во Фрунзе, под председательством Комарова, который в тот же вечер выедет в Алма-Ата...» И, наконец, в том же письме Борисяк подводит итог небольшой дискуссии между ним и Сарычевой по поводу изображения «конкретных филогенезов»). «Я являюсь большим их поклонником — этих листовидных деревьев. Их употребляют американцы: возьмите титанотериев или слонов Осборна, или различные статьи Мэтью (Matthew). Правда, они не говорят ни о направлении, ни о степени специализации, но ведь это само собой вытекает. Часто Осборн лист наделяет определенным родом, но само собой ясно, что отдельные виды этого рода должны представлять отдельные точки на листе. От нас зависит разрабатывать дальше методику изображения. Во всяком случае, такой лист с точками точнее отвечает состоянию наших знаний, чем определенные линии деревьев...»

В Москве в Академии в это время уже все силы направлены на подготовку помещений к возвращению институтов из эвакуации. В начале августа в Биоотделении была создана бригада из сотрудников всех институтов, знающих слесарное дело, чтобы привести в порядок отопление. Из ПИН туда вошел пожарник Лунин и на некоторое время дежурить за него должны были научные сотрудники. Затем предполагалось мобилизовать всех сотрудников для побелки и уборки помещений. По прибытии баржи с 800 м³ дров разгружать ее также должны были сотрудники своими силами.

Сарычева научилась печатать на машинке, хоть и медленно, так как переписка машинистой — это большая проблема на тот момент. Письма Сарычева пишет, сидя на дежурстве по Отделению — «самое подходящее время для писания писем и штопанья чулок, чем я обычно занимаюсь в это время...» И еще об одном деле говорит Сарычева. 5 августа 1943 г.: «На днях меня вызывали в Институт краеведения, которому Чрезвычайная Правительствен-

ная комиссия поручила организовать работу по оценке музейного материала, пропавшего благодаря немцам. Нас просят установить принципы оценки палеонтологических объектов. Думаю взять за основу расценки Кранца, а также ЦНИГРИ и МГРИ, которые готовили коллекции на продажу, а затем делать разные проценты надбавки за ценность коллекций, редкость, обработанность специалистами и так далее. Привлекала к этому делу Орлова — он обещал помочь.

Вообще в последнее время Орлов стал значительно живее и бодрее. Он объясняет это тем, что благодаря хорошим пайкам он стал теперь сыт — может не думать о еде, а о чем-нибудь другом, тогда как раньше его подавляло унижительное для человека чувство голода...»

Следующее письмо оказалось последним о делах московских пиновцев — до встречи оставалось около месяца. 21—24 августа 1943 г.: «Я очень рада приближению того времени, когда не надо будет писать письма. Это время приближается все более и более быстрыми шагами; если раньше это казалось невероятно далеко, то теперь уже вырисовываются какие-то контуры возвращения Института. У нас здесь также уже начинаются горячие дни... Сейчас мы приступили к уборке помещения; рабочих для этого тоже достать не можем — работаем сами. Представьте себе всю нашу компанию — Орлова, Обручева, Добролюбову, Кабакович, меня, завхоза, Рождественского с тряпками и ведрами, смывающими двухлетнюю грязь с окон, наслоения воинских частей со стен и дверей, строительную грязь и мусор с пола. Работа идет крайне медленно, устаем сильно, но... выхода нет — надеюсь, что встречать будем уже в чистом и убранном помещении...

Орлов... полностью занимается Музеем и много заботится о квартирных делах сотрудников, чему я очень рада. В частности, он благополучно устроил дела с комнатой Мерклина, которая, как оказалось, была совершенно не оплачена с начала войны. Писали ходатайство, и благодаря его гвардейскому званию, чиnam и орденам все устроилось. Хотя, конечно, его комната настолько плоха, что жить там очень трудно, особенно с больным ребенком...

Зоологи все больше и больше интересуются палеонтологией — Обручева донимает Никольский, чтобы он скорее дал заключительную главу из своей работы в «Зоологический журнал». Васнецов, приехавший с Иссык-Куля, интересуется геологической историей этого озера в связи с развитием его фауны. Северцов написал статью о вымирании. Одним словом, начинает чувствоваться, что наше пребывание в Биотделении важно не только для нас, но и оказывает существенное влияние и на зоологов...

Ваш кабинет полностью убрали, поставили мебель и даже мамонт и саблезубый тигр заняли на столе свои места в ожидании хозяина.

Орлов сейчас рассказал интересную вещь, которая, мне кажется, очень хорошо характеризует ПИН: преподаватели в Университете (геологи) советуют своим студентам добиваться поступления в аспирантуру в ПИН, а не в ГИН, так как в ПИНе можно больше получить даже в том случае, если в дальнейшем придется быть геологом. (Знакомство с фауной, с методами детальных стратиграфических и палеоэкологических работ, с фациями и так далее)... Хотя поведение молодежи и нельзя называть барометром, но это очень показательно. Молодежь в военное время тянется к палеонтологии — это даже как-то парадоксально звучит, но тем более делает честь ПИНу...»

Близость возвращения в Москву чувствовалась и во Фрунзе. В середине августа Борисьяк посылает в Президиум АН ходатайство о предоставлении специального вагона для реэвакуации двух академиков и четырех членов-корреспондентов с семьями, чтобы они успели к сессии АН в Москве — к 20-му сентября. «Ехать в индивидуальном порядке невозможно, так как поезда идут два раза в неделю и на каждый поезд мы имеем всего одно место (броня)», — поясняет Борисьяк, прося Сарычеву проверить получение этого обращения в Президиуме АН. Лица, для которых нужен вагон — академики А.А. Борисьяк и К.И. Скрябин, члены-корреспонденты А.Г. Вологдин, Б.Л. Исаченко, Н.А. Максимов, В.А. Энгельгардт с семьями —

всего 25 человек. Телеграмму с просьбой помочь по линии Комиссариата путей сообщения Борисяк послал также академику В.Н. Образцову.

24 августа 1943 г. Борисяк пишет Сарычевой: «У нас укладка в полном разгаре: второй день укладываем с Е.И. Беляевой мои книги. Они сыграли свою роль, не только мне дали возможность работать, но и другим. К 1-му сентября все имущество будет в ящиках, а с завтрашнего дня кончается научная работа в учреждениях... Как ни тяжело было здесь, а все-таки я буду вспоминать с известной теплотой всю своеобразную обстановку жизни и работы здесь, и не менее своеобразные людские отношения, куда более простые и доступные, чем у нас. На открытие филиала приезжал Комаров... и несколько вечеров пришлось провести на уютной Правительственной даче, где он жил, — очень простой и даже примитивной, но удивительно приятной и уютной, — в обществе самых высоких лиц правительства и общественности — таких простых здесь и доступных. На прощальном приеме четыре академика и в том числе я, получили звание почетных киргиз, или аксакалов (белая борода), что внешне выразилось в надевании цветных халатов...»

Внучка, более чем 60 лет спустя пишущая этот очерк, хорошо помнит, как вечером после банкета Алексей Алексеевич вошел в комнату в нарядном киргизском халате нараспашку, с цветами и киргизской керамической вазой в руках, а из кармана вынул внучке громадное яблоко — алма-атинский апорт. Также Борисяку была вручена почетная грамота от киргизского правительства «За плодотворную работу по развитию народного хозяйства и культуры Социалистической Киргизии».

На фоне очевидно радостных для сотрудников сборов для возвращения в Москву, домой, пришло и печальное известие. Борисяк пишет Сарычевой 4 сентября 1943 г.: «У нас предъездная горячка в полном разгаре, «хлопот полон рот», неурядиц и конфликтов. Вчера реэвакуационная комиссия наша сидела у меня до позднего вечера, и в это время мне позвонили

Грамота Президиума Верховного Совета Киргизской ССР. 1943 г.

о смерти Костецкой. Она умерла в результате комы, которая наступила как следствие ее всегдашней болезни: в экспедиции она заболела малярией, и вероятно во время припадков последней ей неаккуратно вливали инсулин... Страшно обидно, когда умирают такие молодые люди...» Наталия Николаевна Костецкая, давно болевшая диабетом, прожила всего 28 лет. До отъезда Борисяка в Москву оставались считанные дни.

Самый последний день пребывания во Фрунзе описывает в одном из писем дочь Борисяка: «Перед отцовским отъездом был у нас совершенно сумасшедший день. Ведь отец уполномоченный и по всему разъезду... Накануне отъезда 43-й посетитель (за день) пришел во втором часу ночи. Телефон не остывал. По двое заседали у отца, третий стоял в дверях, в нашей комнате кончали дела по ПИН у пиновские сотрудники. На крыльце ждали очереди к отцу, а за воротами ходили ожидавшие тех, кто сидел у отца».

Вышеприведенные просьбы о прямом мягком вагоне действия не возымели. Поехали иначе, вместо пяти вечера выехали в четыре утра жестким, с пересадкой на ст. Луговая, где они еле успели к московскому поезду. «Как отец все это выдерживает — непостижимо!» — заключает Марианна Алексеевна. Ехали все-таки своим «академическим» вагоном, ели дыни, прибыли в Москву вечером 18 сентября. Борисяка встречали все московские пиновцы, он получил пять букетов цветов. На сессию успели, но «в общем все то же — те же аппаратчики, те же стенографистки, точно прошло не 2 года, а 2 месяца». У Академии всего 5 машин, и если на сессию академиком возили по несколько человек сразу, то в другое время получить машину очень трудно.

Остальные фрунзенские пиновцы приехали только в середине октября. «Ехали 16 дней! — восклицает Борисяк, — но большинство довольно — имели вагон-ресторан, пели, рассказывали». Правда, некоторые вернулись с желтухой или с малярией — как Сокольская и ее дети.

Алексею Алексеевичу очень тоскливо в опустевшей квартире. Жена умерла во Фрунзе осенью 1942 г. В Москве холодно и сыро, очень долго не работает отопление. Он скучает по теплоте и солнечному Фрунзе, а «здесь пасмурно и холодно и на улице, и в квартире, и на душе».

Возможно, самыми светлыми моментами для Борисяка в этот период были встречи с В.И. Вернадским. Они жили в одном доме в Дурновском переулке (дом 16). Подруга дочери Борисяка, Ольга Ивановна Вер, эвакуированная из блокадного Ленинграда с заводом в Раменское под Москвой, навещала в это время Алексея Алексеевича. Она вспоминала, с каким особенным оттенком в голосе слышались от Алексея Алексеевича фразы: «Подождите, Ольга Ивановна, мне надо подняться к Владимиру Ивановичу»; «Вчера сидели мы с Владимиром Ивановичем и очень долго говорили о вещах, далеких от сегодня»; «Хорошо, что наверху живет Владимир Иванович». Кусочек этой особенной атмосферы привозила, возвращаясь от Борисяка, Ольга Ивановна в свою лабораторию, и вся заводская лаборатория благоговела...

В конце января 1944 г. Борисяк простудился и больше уже не поправился. Он скончался 25 февраля 1944 г. Похоронен Алексей Алексеевич на Новодевичьем кладбище.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- АЛЕКСЕЕВ Алексей Карпович (1881–1938). Докт. наук. Одесса, Ин-т нар. образования и Политехнич. ин-т. Геолог, гидрогеолог, палеонтолог (моллюски и млекопитающие кайнозоя). Стр. 21.
- АРГИРОПУЛО Анатолий Иванович (1908 – ?). Всесоюзн. ин-т защиты растений. Зоолог, палеонтолог (позвоночные, в основном млекопитающие). Стр. 21.
- АРХАНГЕЛЬСКИЙ Андрей Дмитриевич (1879–1940). Академик (1929). ГИН. Геолог, палеонтолог (фауны мела и палеогена). Стр. 20.
- БАЙКОВ Александр Александрович (1870–1946). Академик (1932), вице-президент АН (1942–1945). Металлургия, химия. Стр. 41, 63, 74.
- БАХ Алексей Николаевич (1857–1946). Академик (1929). Биохимия. Стр. 13, 18, 94.
- БЕККЕР-МИГДИСОВА Елена Эрнестовна (1909–1989). Канд. биол. наук (1944). ПИН (1937–1974). Насекомые. Стр. 85.
- БЕЛЯЕВА Елизавета Ивановна (1894–1983). Канд. наук по палеонтологии (1935). ПИН (1930–1979), зав. отделом (1931–1932). Млекопитающие кайнозоя. В войну – Алма-Ата, Фрунзе; вела полевые работы в Казахстане. Стр. 8-11, 13, 14, 30, 34, 36, 38, 39, 46, 48, 50, 51, 71, 95, 97.
- БЕРГ Лев Семенович (1876–1950). Академик (1946). В ПИН по совместительству (1934–1935), в основном ЗИН. Географ, зоолог, палеонтолог (бесчелюстные и рыбы, теория эволюции). Стр. 71.
- БИШОФ Владимир (Вольдемар) Самуилович (1886–?). ПИН (1930–1951), зав. препаратурской. В войну – Урал (ЭОН), Алма-Ата, Фрунзе. Стр. 8-10, 39, 40, 46, 50, 71, 80.
- БЛОХИН Алексей Александрович (1897–1942). Геолком, ГИН. Канд. геол.-мин. наук. Стратиграфия кайнозоя, геология горючих ископаемых. В войну – зам. начальника Башкирской нефтяной экспедиции. Стр. 53, 56, 57.
- БОГАЧЁВ Владимир Владимирович (1881–1965). Докт. геол.-мин. наук (1937). Баку, Симферополь, Новосибирск и др. Геолог, палеонтолог (моллюски и рыбы кайнозоя). Стр. 21.
- БОГДАНОВ Алексей Алексеевич (1907–1971). Докт. геол.-мин. наук (1945), профессор. ГИН, МГРИ, МГУ. Геолог (тектонист, стратиграф). В войну – начальник Башкирской нефтяной экспедиции. Стр. 52-54, 62.
- БОДЫЛЕВСКАЯ Иоанна Витальевна (род. 1935). ВСЕГЕИ. Стратиграфия девона и карбона Казахстана. Внучка А.А. Борисяка, автор этой книги. Стр. 17, 97.
- БОДЫЛЕВСКИЙ Виталий Иванович (1898–1968). Профессор ленинградского Горного ин-та. Стратиграфия, палеонтология (амmonoидеи и двустворчатые моллюски юры и мела). Стр. 85.
- БОРИСЯК Александра Николаевна (1873–1942). Врач, жена А.А. Борисяка. Скончалась в эвакуации во Фрунзе. Стр. 17, 98.
- БОРИСЯК Марианна Алексеевна (1897–1983). Канд. геол.-мин. наук. ВСЕГЕИ. Геолог, палеонтолог (брахиоподы ордовика и силура). Дочь А.А. Борисяка. Стр. 16, 98.
- БРИЦКЕ Эргард Викторович (1877–1953). Академик (1933), вице-президент АН (1936–1939). Химические технологии, металлургия. Стр. 21, 41, 45.

- БУРЧАК-АБРАМОВИЧ Николай Осипович (Иосифович) (1902–1997). Докт. биол. наук (1955). Докторант ПИН (1943–1946), в основном — Ин-т палеобиологии АН ГрузССР, Тбилиси. Млекопитающие и птицы позднего кайнозоя. В войну работы в Казахстане (Тургай), на Урале (в ЭОН), на Кавказе и в Средней Азии. Стр. 70, 71, 76.
- БУШИНСКИЙ Владимир Петрович (1885–1960). Член-корр. АН (1939), зам. академика-секретаря Биоотделения РАН. Биол. науки, почвоведение, агрономия. Стр. 15, 41, 81.
- БЫСТРОВ Алексей Петрович (1899–1959). Докт. биол. наук (1937), профессор. В ПИН 1937–1940, потом преподаватель ленинградской Военно-медицинской академии и зав. лабораторией палеонтологии Ин-та земной коры ЛГУ. Анатомия, гистология, палеонтология (общие вопросы, амфибии, рептилии и млекопитающие). Стр. 23.
- ВАРЕНЦОВ Михаил Иванович (1902–1977). Член-корр. АН (1953). Геология нефти. С марта 1943 г. — нач. Башкирской нефтяной экспедиции АН. Стр. 62, 63.
- ВАСНЕЦОВ Владимир Викторович (1903–1944). ИЭМ. Ихтиолог. Стр. 96.
- ВЕРНАДСКИЙ Владимир Иванович (1863–1948). Академик (1906). Минералог, геохимик, философ. Друг А.А. Борисяка. Стр. 12, 98.
- ВИЗЕ Владимир Юльевич (1886–1954). Член-корр. АН (1933). Физические науки, геофизика, география, океанография, метеорология. Стр. 8.
- ВОЛГИН Вячеслав Петрович (1879–1962). Академик (1930), непреременный секретарь (1930–1935) и вице-президент АН (1942–1953). Историк. Стр. 9, 31, 68.
- ВОЛОГДИН Александр Григорьевич (1896–1971). Докт. геол.-мин. наук (1937), член-корр. АН (1939). В ПИН 1943–1971, и.о. директора (1944–1945), зав. лабораторией (1945–1949 и 1955–1971), нач. Совместной Советско-Монгольской палеонтол. экспедиции (1967–1971). Археозоиаты, водоросли и др. организмы докембрия и кембрия. Стр. 18, 85, 87, 93, 96.
- ГАВРИЛОВ Е.А. Геолог, спелеолог. Доцент. В войну — один из руководителей Экспедиции особого назначения (ЭОН) на Урале, помощник А.Е. Ферсмана. Стр. 27-30, 32, 71, 72, 74.
- ГАМАЛЕЯ Николай Федорович (1859–1949). Член-корр. (1939) и почетный член (1940) АН. Биол. науки, микробиология. Стр. 10.
- ГАРТМАН-ВЕЙНБЕРГ Александра Паулиновна (1882–1942). Докт. биол. наук (1937). В ПИН 1930–1932, зам. директора и зав. отделом, позже — палеонтологические лаборатории МГУ (до 1940) и ЛГУ. Амфибии и рептилии. Умерла в Ленинграде во время блокады. Стр. 21.
- ГЕККЕР Роман Федорович (1900–1991). Докт. биол. наук (1937), профессор. В ПИН 1930–1991, зав. лабораторией (1930–1976). Синэкология биот древних морей, палеоихнология, иглокожие палеозоя, охрана природы, история науки. В войну — Урал (в ЭОН), Алма-Ата, Фрунзе. Стр. 7-9, 11, 17, 25-32, 40, 42, 48, 52, 53, 65, 71, 72, 85, 93.
- ГЕММЕРЛИНГ Владимир Васильевич (1880–1954). Почвовед. В войну — декан геолого-почвенного факультета МГУ. Стр. 30.
- ГЛУЩЕНКО Иван Евдокимович (1907–1987). Докт. биол. наук, действ. член ВАСХНИЛ (1956). Теория эволюции, ботаника. Стр. 89.
- ГРИГОРЬЕВ Андрей Александрович (1883–1968). Академик (1939). Географ. В войну — один из организаторов ЭОН. Стр. 7.
- ГРИГОРЬЕВ Иосиф Федорович (1890–1949). Академик (1946). Геолог. В войну — председатель Президиума Казахстанского отделения АН. Стр. 7, 35.
- ГРОМОВ Игорь Михайлович (1913–2003), ЗИН. Докт. биол. наук (1966), профессор. Аспирант ПИН (1943–1945). Млекопитающие (грызуны) кайнозоя. Стр. 95.
- ГРОМОВА Вера Исааковна (1891–1973). Докт. биол. наук (1946), профессор. В ПИН 1943–1960, зав. лабораторией. Млекопитающие, общие вопросы эволюционной палеонтологии. Стр. 71, 95.

- ДАРВИН Чарлз Роберт (1809–1882). Великий английский естествоиспытатель. Иностран-
ный член Петербургской АН (1867). В апреле 1942 г. во Фрунзе была открыта Дарвинов-
ская выставка и А.А. Борисьяк прочитал о Дарвине популярную лекцию. Стр. 80, 81, 89.
- ДЕБОРИН (ИОФФЕ) Абрам Моисеевич (1881–1963). Академик (1929). Философ. Стр. 21.
- ДЕРЖАВИН Николай Севастьянович (1877–1953). Академик (1931). Славяноведение. Стр. 8.
- ДОБРОЛЮБОВА Татьяна Алексеевна (1891–1972). Канд. геол.-мин. наук (1938). В ПИН
1936–1965. Кораллы-ругозы карбона и перми. В войну – Москва. Стр. 8-11, 54, 56, 77-
83, 85-88, 96.
- ДОГЕЛЬ Валентин Александрович (1892–1955). Член-корр. АН (1939). Биол. науки. Стр. 8.
- ДОЛЛО Луи (1857–1931). Бельгийский палеонтолог. Иностраный член АН (1928). Стр. 93.
- ДОМБРОВСКИЙ Бронислав Александрович (1885–1973). Докт. биол. наук, профессор,
академик АН Казахской ССР. Алма-Атинский зооветеринарный ин-т, потом зав. кафе-
дрой КазГУ. Зоология позвоночных. Стр. 46.
- ЕФРЕМОВ Иван Антонович (1907–1972). Докт. биол. наук (1941), профессор. В ПИН
1930–1959, зав. лабораторией (1937–1959), нач. Советско-Монгольской палеонтол. экс-
педиции (1946–1949). Амфибии и рептилии позднего палеозоя и мезозоя, тафономия;
писатель, популяризатор науки. В войну – Урал (ЭОН), Алма-Ата, Фрунзе. Стр. 7-11,
13, 25-28, 30, 32, 34, 37, 44, 45, 47-50, 71, 82, 94.
- ЗАВАРЗИН Алексей Алексеевич (1886–1945). Академик (1943). Гистология, эмбриология.
Стр. 20.
- ИВАНОВ Анатолий Николаевич (1910–1991). Канд. геол.-мин. наук, профессор (1939).
В ПИН 1939–1941, позже – Ярославский пединститут. Аммоноидеи юры и мела, общие
вопросы эволюционной палеонтологии, история науки. Стр. 19.
- ИВАНОВА Елена Алексеевна (1901–2005). Докт. биол. наук (1948). В ПИН 1936–1986,
ученый секретарь (1940–1942), зам. директора (1942–1943). Брахиоподы карбона, об-
щие вопросы палеонтологии, инвентаризация и хранение коллекций. В войну – Алма-
Ата, Фрунзе. Стр. 6, 7-15, 25-30, 32, 34-42, 44, 45, 48, 51-54, 56, 66, 77-81, 85, 91, 92,
93. В книге неоднократно упоминается мать Е.А. (стр. 34, 36, 92 и др.), а также невестка
Е.А. Евфросинья Яковлевна (стр. 36).
- ИСАЧЕНКО Борис Лаврентьевич (1871–1948). Академик (1946). Микробиолог. Стр. 96.
- КАБАКОВИЧ Наталья Васильевна (1914–1980). В ПИН 1936–1979. В войну – Москва.
Стр. 8-11, 54, 77, 78, 80-83, 85, 86, 96.
- КАРПИНСКИЙ Александр Петрович (1846–1936). Академик (1886), президент АН
(1917–1936). Директор Геолкома (1885–1903) и почетный директор (1903–1929). Геолог,
палеонтолог. Стр. 65.
- КАССИН Николай Георгиевич (1885–1949). Академик АН Казахской ССР. Сотрудник
Геолкома (с 1917). Геология (стратиграфия, петрография). Стр. 35, 46.
- КЕЛЛЕР Борис Максимович (1912–1997). Докт. геол.-мин. наук. ГИН. Организмы докем-
брия, граптолиты ордовика, фораминиферы мела. Стр. 55.
- КОВАЛЕВСКИЙ Александр Онуфриевич (1840–1901). Академик (1890). Эмбриолог. Стр. 89.
- КОВАЛЕВСКИЙ Владимир Онуфриевич (1842–1883). Палеонтолог-эволюционист. В вой-
ну А.А. Борисьяк сделал доклад и опубликовал статью к его столетию и предлагал назвать
ПИН его именем. Стр. 15, 23, 89, 108.
- КОМАРОВ Владимир Леонтьевич (1869–1945). Академик (1920), вице-президент (1930–
1936) и президент (1936–1945) АН. Ботаник. Стр. 15, 31, 33, 41, 43, 45, 47, 95, 97.
- КОНЖУКОВА Елена Дометьевна (1903–1961). Канд. биол. наук (1935). В ПИН 1932–
1961. Брахиоподы карбона и совр., амфибии и рептилии позднего палеозоя, мезозоя и совр.
В войну – Урал (ЭОН), Алма-Ата, Фрунзе. Стр. 26, 28, 37, 38, 40, 48, 50, 51.

- КОСТЕЦКАЯ Наталья Николаевна (1915–1943). В ПИН 1936–1943. Кораллы-ругозы девона. В войну — Башкирская нефтяная экспедиция, Алма-Ата, Фрунзе. Умерла в эвакуации. Стр. 44, 48, 52, 54-56, 63, 98.
- КОШТОЯНЦ Хачатур Седракович (1900–1961). Член-корр. АН (1939). Биол. науки, сравнительная физиология. В войну — уполномоченный АН по Киргизии. Стр. 13, 15, 17, 41.
- КРЕСТОВНИКОВ Валериан Николаевич (1888–1964). ГИН. Канд. геол.-мин. наук. Геология нефти, стратиграфия девона и карбона. В войну — участник Башкирской нефтяной экспедиции. Стр. 53, 55.
- КРИШТОФОВИЧ Африкан Николаевич (1885–1953). Член-корр. АН (1953), академик АН УССР. Геолком (с 1914) — ВСЕГЕИ. Палеоботаник. Стр. 14.
- КУЛИКОВ Михаил Васильевич (1913–1985). Канд. биол. наук. В ПИН 1938–1946, ученый секретарь (1943–1945). Позже — ВСЕГЕИ. Брахиоподы и моллюски перми, история науки. В начале войны был в действующей армии. Стр. 87.
- ЛАВРЕНЕВ Борис Андреевич (1891–1959). Писатель. В войну был во Фрунзе. Стр. 18.
- ЛИПИНА Ольга Александровна (1913–?). Канд. геол.-мин. наук. ГИН. Фораминиферы палеозоя. В войну — участник Башкирской нефтяной экспедиции. Стр. 57.
- ЛУКЬЯНОВА Мария Федоровна (1906–1979). В ПИН 1937–1960, старший лаборант, препаратор. В войну — Урал (ЭОН), Алма-Ата, Фрунзе. Стр. 26, 37-39, 42, 44, 48, 49.
- ЛУНИН Дмитрий Егорович (1911–1975). В ПИН 1941–1974, пожарный, лаборант. Стр. 78, 95.
- ЛЫСЕНКО Трофим Денисович (1898–1976). Академик (1939). Агробиолог. Стр. 84, 88, 89.
- МАКСИМОВ Николай Александрович (1880–1952). Академик (1946). Физиология растений. Стр. 96.
- МАКСИМОВА Светлана Викторовна (1912–1992). Докт. геол.-мин. наук. ПИН (1937–1941), потом ГИН, ИОАН, ИГиРГИ. Стратиграфия, палеонтология (аммоноидеи и брахиоподы позднего палеозоя, биогеография, палеоэкология, тафономия). В войну работала на Урале и в Поволжье. Стр. 9, 85.
- МАРКОВСКИЙ Александр Павлович (1900–1988). Профессор. Геолком (с 1923), зам. директора ВСЕГЕИ (1950–1963). Региональная геология, геологическое картирование. Стр. 85.
- МАРКОВСКИЙ Борис Павлович (1895–1966). Канд. геол.-мин. наук (1938). ВСЕГЕИ. Стратиграфия, палеонтология (брахиоподы девона). Стр. 85.
- МАРТЫНОВА Ольга Михайловна (1900–1997). Канд. биол. наук (1946). В ПИН 1938–1962. Насекомые, пермь—ныне. В войну — Урал (ЭОН), Алма-Ата, Фрунзе. Стр. 27, 30, 34, 37-40, 42-44, 47, 48, 51, 85, 92. В книге неоднократно упоминается сын О.М. — Николай. Стр. 27, 37, 42 и др.
- МАСЛОВ Владимир Петрович. Канд. геол.-мин. наук. ГИН. Литолог, палеонтолог (известковые водоросли позднего палеозоя — кайнозоя). В войну — участник Башкирской нефтяной экспедиции. Стр. 52-55, 59.
- МАССОН Михаил Евгеньевич (1897–1986). Археолог и востоковед. Академик АН Туркменской ССР (1951). Профессор, зав. кафедрой археологии (с 1940) ТашГУ. Ташкент, зав. отделом Главного Среднеазиатского музея. Стр. 75.
- МАТВЕЕВ Борис Степанович (1889–1973). Докт. биол. наук, профессор. ИЭМ (ИМЖ), МГУ. Сравнительная анатомия, эволюционная теория. Стр. 90.
- МЕЙСЕЛЬ Максим Николаевич (1901–1987). Член-корр. АН (1960). Микробиолог. Стр. 14.
- МЕННЕР Владимир Васильевич (1905–1989). Докт. геол.-мин. наук (1960), академик (1966). В ПИН 1934–1937, ученый секретарь, позже — ГИН (зав. отделом, зам. директора), МГРИ, МГУ (зав. кафедрой палеонтологии). Стратиграф, палеонтолог (рыбы кайнозоя, потом разные группы от докембрия до кайнозоя). Стр. 9, 21, 55.

- МЕРКЛИН Роман Львович (1909–1971). Канд. биол. наук (1948). В ПИН 1938–1971, ученый секретарь (1945–1947), и.о. зав. лабораторией (1959–1960). Стратиграфия и двустворчатые моллюски кайнозоя. Всю войну — в действующей армии. Стр. 7, 31, 65, 96.
- МИКРЮКОВ Михаил Филиппович (1909–1986). канд. геол.-мин. наук (1950). Аспирант ПИН (1937–1941), потом Ин-т геологии Башкирского филиала АН (Уфа). Брахиоподы девона, гастроподы перми, аммоноидеи юры и мела. В войну — Башкирская нефтяная экспедиция. Стр. 57.
- МИТИН Марк Борисович (1901–1987). Член-корр. АН (1939). История философии. Стр. 22.
- МИХАЙЛОВ Михаил Николаевич (1899–1978). В ПИН 1930–1945. Экскурсовод, реставратор, нач. экспедиции. В войну — Урал (ЭОН), Алма-Ата, Фрунзе. Стр. 12, 28, 30, 39, 40, 42, 45, 70, 71.
- МЭТТЮ Уильям (Matthew, William Diller) (1871–1930). США. Палеонтология млекопитающих. Стр. 95.
- НАЛИВКИН Василий Дмитриевич (1915–2000). Член-корр. АН (1968). ВНИГРИ. Геология и добыча нефти. Стр. 32.
- НАЛИВКИН Дмитрий Васильевич (1889–1982). Академик (1946). Геолог, палеонтолог (брахиоподы и моллюски девона и карбона и др.). Стр. 20, 59, 84, 92.
- НЕСМЕЯНОВ Александр Николаевич (1899–1980). Академик (1943), президент АН (1951–1961). Органическая химия. Стр. 86.
- НЕХОРОШЕВ Василий Петрович (1893–1977). Докт. геол.-мин. наук. Геолком — ВСЕГЕИ с 1914 г. Геолог, палеонтолог (мшанки палеозоя). (НЕХОРОШЕВЫ — В.П. Нехорошев и его жена А.И. Никифорова). Стр. 61.
- НИКИФОРОВА Александра Ивановна (1894–1939). ВНИГРИ. Мшанки карбона. Стр. 61.
- НИКОЛАЕВ Виктор Арсеньевич (1893–1960). Докт. геол.-мин. наук (1937), член-корр. АН (1946). ЦНИГРИ–ВСЕГЕИ. Петрография, тектоника, геология Средней Азии. Стр. 85.
- НИКОЛЬСКИЙ Георгий Васильевич (1910–1977). Член-корр. АН (1953). ИЭМ. Ихтиолог. Стр. 90, 96.
- ОБРУЧЕВ Владимир Афанасьевич (1863–1956). Академик (1929). Геолог, географ, писатель. Стр. 26, 30, 31, 32.
- ОБРУЧЕВ Дмитрий Владимирович (1900–1970). Докт. биол. наук (1943). В ПИНе 1930–1970, зам. директора (1945–1950), зав. лабораторией (1957–1970). Беспчелюстные и рыбы палеозоя. В войну — Урал (ЭОН), Алма-Ата. Стр. 9, 25, 26, 28, 31-33, 40, 42, 48, 71, 84, 90, 91, 96.
- ОГНЕВ Василий Николаевич (1902–?). ЦНИГРИ. Стратиграфия, геологическое картирование. Стр. 85.
- ОРБЕЛИ Леон Абгарович (1882–1958). Академик (1935), вице-президент АН (1942–1946). Физиология вегетативной нервной системы. Стр. 14, 86, 89.
- ОРЛОВ Юрий Александрович (1893–1966), Докт. биол. наук (1934), член-корр. АН (1953), академик (1960). В ПИН 1930–1966, зав. отделом (1932–1945), директор (1945–1966), зав. кафедрой палеонтологии МГУ (1943–1966). Млекопитающие, кишечнополостные, двустворчатые моллюски, членистоногие и др. В войну — Урал (ЭОН), Алма-Ата, Фрунзе. Стр. 7-12, 17, 19, 20-26, 29, 30, 32, 37-45, 48, 49, 56, 57, 68, 70-75, 84, 87, 88, 90-94, 96.
- ОРЛОВА Наталья Павловна (1901–1999). Жена Ю.А. Орлова. В штате ПИН 1943–1944. В войну — Урал, Алма-Ата, Фрунзе. Стр. 9, 40.
- ОСБОРН Генри Фэрфилд (1857–1935). Иностраный член АН (1923). США, палеонтолог. Стр. 95.
- ПАВЛОВСКИЙ Евгений Никанорович (1884–1965). Академик (1939). ЗИН. Зоология, паразитология. Стр. 94.

- ПЕТРОВ Николай Николаевич (1909–1941). Канд. биол. наук. В ПИН 1941. Млекопитающие кайнозоя. Погиб на войне. Стр. 21.
- ПОЛИЩУК Сергей Диомидович (1890–?). В ПИН 1937–1966. Пожарный. Стр. 78.
- ПОЛУЙКЕВИЧ Дмитрий Максимович (1888–1954). В ПИН 1942–1954. Завхоз. В войну в Москве организовал ремонт помещений, хранение коллекций и имущества института. Стр. 80.
- ПОРЕЦКАЯ Екатерина Сергеевна (1902–1987). В ПИН 1933–1935, потом ЛГУ, преподаватель и зав. музеем кафедры исторической геологии. Морские ежи юры, мела и палеогена. Стр. 91.
- ПОСЛАВСКАЯ Наталья Александровна (1913–1962). Аспирант ПИН в 1943–1946, потом преподаватель МГУ. Морские ежи мезозоя и кайнозоя. Стр. 91, 92, 95.
- ПРЕОБРАЖЕНСКИЕ — имеются в виду П.И. Преображенский (см.) и его жена Мария Ростиславовна (1874–1964). Стр. 8.
- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Павел Иванович (1874–1944). Сотрудник Геолкома с 1913, НИИ галургии с 1939, и. о. директора (1941–1943). Стр. 8.
- ПРЖЕВАЛЬСКИЙ Николай Михайлович (1839–1888). Почетный член АН (1878). Путешественник, исследователь Центральной Азии. Стр. 43.
- ПРОХОРОВ Михаил Гаврилович (1885–1934). В ПИН 1930–1934. Препаратор, монтировщик. Стр. 39.
- РАУЗЕР-ЧЕРНОУСОВА Дагмара Максимилиановна (1895–1996). Докт. геол.-мин. наук. ГИН, зав. лабораторией. Фораминиферы палеозоя. В войну — Башкирская нефтяная экспедиция. Стр. 52-55.
- РЕНГАРТЕН Владимир Павлович (1882–1964). Член-корр. АН (1946). Геолком с 1908, ГИН с 1941, директор ЦНИГРмузея (1949–1950). Общая геология, стратиграфия, палеонтология (моллюски юры и мела). Стр. 73.
- РОДЕНДОРФ Борис Борисович (1904–1977). Докт. биол. наук (1941), профессор (1943). В ПИН 1937–1977, зав. лабораторией (1938–1977). Насекомые и клещи, пермь-современные. В войну — Урал (ЭОН), Алма-Ата, Фрунзе. Стр. 25-27, 30, 39, 40, 42, 44, 45, 48, 49, 85, 94.
- РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Анатолий Константинович (1920–1983). Канд. биол. наук (1947). В ПИН 1943–1980 (до 1947 аспирант). Зав. лабораторией (1958–1963 и 1973–1975), нач. Советско-Китайской палеонтологической экспедиции (1958–1962). Рыбы кайнозоя, рептилии мезозоя. Стр. 30, 91, 92, 95, 96.
- РОЗОВСКАЯ Софья Евсеевна (1907–1987). Канд. биол. наук (1946). В ПИН 1939–1974. Фораминиферы карбона и перми. В войну — Башкирская нефтяная экспедиция. Стр. 52, 55-57, 59.
- РОЗАНОВ Алексей Николаевич (1882–1949). Профессор МГА, МГУ, Московское отделение Геолкома, вице-директор Геолкома (1921–1922). Стратиграфия, тектоника, полезные ископаемые юры, мела, квартера. Стр. 85.
- РУЖЕНЦЕВ Василий Ермолаевич (1899–1978). Докт. биол. наук (1940), профессор. В ПИН 1937–1978, зав. отделом (1937–1950), зав. лабораторией (1950–1975). Стратиграфия, амmonoидеи верхнего палеозоя, общие вопросы эволюционной палеонтологии. В войну — Башкирская нефтяная экспедиция и Фрунзе. Стр. 52-59, 61-63, 68, 69, 85.
- РЯБИНИН Анатолий Николаевич (1874–1942). Докт. геол.-мин. наук (1935), профессор. Геолком (с 1901) — ЦНИГРИ — ВСЕГЕИ. Геолог, палеонтолог (амфибии, рептилии позднего палеозоя — мезозоя, млекопитающие кайнозоя). Умер в блокадном Ленинграде. Стр. 21.
- САРЫЧЕВА Татьяна Георгиевна (1901–1978). Докт. биол. наук (1948), профессор. В ПИН 1936–1978 (пришла из ВИМС вместе с возглавляемым ею отделом), зав. лабораторией

- (1937–1975), ученый секретарь (1937–1940), зам. директора (1943–1945). Стратиграфия карбона и перми, брахиоподы палеозоя. В войну — Пермь, медсестра в госпитале. Стр. 41, 60, 63, 74, 75, 83-97.
- САТПАЕВ Каныш Имантаевич (1899–1964). Академик (1946). Геолог. В войну — уполномоченный АН по Казахстану, зам. председателя президиума Казахстанского филиала АН, директор Геологического ин-та Казахского филиала АН. Стр. 35, 47, 49.
- СЕВЕРЦОВ Сергей Алексеевич (1891–1947). Докт. биол. наук (1934), профессор, зав. лабораторией в ИЭМ. Зоология, охрана природы, заповедное дело. Стр. 96.
- СКРЯБИН Константин Иванович (1878–1972). Академик (1939). Гельминтология, ветеринария. Стр. 96.
- СОКОЛЬСКАЯ Анна Николаевна (1901–1971). Канд. геол.-мин. наук (1941). В ПИН 1936–1967. Стратиграфия, палеонтология (брахиоподы палеозоя). В войну — экспедиции в Тульской, Ивановской, Горьковской областях, потом Фрунзе. Стр. 9, 66-69, 85, 98.
- СОСЕДКО Александр Федорович (1901–1957). Ученый секретарь ГЕОХИ. Геохимия, минералогия, поиски полезных ископаемых. В войну — Урал (ЭОН). Стр. 72.
- СОШКИНА Елизавета Дмитриевна (1889–1963). Докт. биол. наук (1946), профессор. В ПИН 1936–1955, зав. отделом (1946–1949). Кораллы-ругозы силура–перми. В войну — Башкирская нефтяная экспедиция. Стр. 52-59, 61-63, 85, 86, 92.
- СТЕПАНОВ Павел Иванович (1880–1947). Академик (1939), сотрудник Геолкома (с 1903), профессор ЛГИ (1919–1926), директор ЦНИГРмузея (1930–1947). Геология угольных месторождений. Стр. 13, 21, 74.
- СТЕПАНОВА Эмилия Карловна. В ПИН 1942 (в Алма-Ате), зав. канцелярией. Стр. 39.
- СТРАХОВ Николай Михайлович (1900–1978). Академик (1953). ГИН. Общая геология, литология. В войну — участник Башкирской нефтяной экспедиции. Стр. 52-54, 62.
- СУШКИН Петр Петрович (1868–1928). Академик (1923). Зоолог, сторонник биологизации палеонтологии. Стр. 24.
- СЫТОВА Вера Алексеевна (1919–2005). Канд. биол. наук (1948). В ПИН 1944–1948 (до 1947 — аспирант), потом преподаватель МГУ (1953–1961) и ЛГУ (1961–1983). Кораллы-ругозы ордовика–девона. В войну (между окончанием МГУ и поступлением в аспирантуру) — Полярный Урал, экспедиция по поискам пьезокварца. Стр. 91, 95, 95.
- ТИМИРЯЗЕВ Климент Аркадьевич (1843–1920). Член-корр. АН (1890), ботаник, физиолог. Стр. 88.
- ФЕРСМАН Александр Евгеньевич (1883–1945). Академик (1919), вице-президент АН СССР (1927–1929). Минералог. В войну — начальник Экспедиции особого назначения (ЭОН). Стр. 7, 8, 25, 28, 30-32, 53.
- ФЕСЕНКОВ Василий Григорьевич (1889–1978). Академик (1935). Физические науки, астрономия. В войну — уполномоченный АН по Казахстану. Стр. 35, 36, 44, 45, 49, 57.
- ФЛЁРОВ Константин Константинович (1904–1980). Докт. биол. наук (1946), профессор. В ПИН 1938–1973, и.о. зав. отделом (1945–1946), зав. Музеем (1945–1972). Параллельно — Дарвиновский музей (1937–1946). Позвоночные, в основном млекопитающие. В войну — Москва. Стр. 8, 78-80.
- ФРУМКИН Александр Наумович (1895–1976). Академик (1932). Технические науки, физическая химия. Стр. 86.
- ХАБАКОВ Александр Васильевич (1904–1988). Докт. геол.-мин. наук. Геолком—ВСЕГЕИ с 1925 г. Геолог, палеонтолог (радиолярии палеозоя и мезозоя, рыбы палеозоя). Стр. 21.
- ХВОРОВА Ирина Васильевна (1913–2003). Докт. геол.-мин. наук (1951). В ПИН 1940–1953, потом ГИН. Литолог, палеонтолог (водоросли карбона). В войну — действующая армия, потом Башкирская нефтяная экспедиция. Стр. 8, 52-55, 57, 59, 62, 63, 86.

- ХОМЕНКО Иван Петрович (1883–1935). ЦНИГРИ и трест «Сахалиннефть» (консультант). Геолог, палеонтолог (третичные моллюски). Стр. 21.
- ЧЕПИКОВ Константин Романович (1900–1989). Член-корр. АН (1953). ГИН, ИГиРГИ (директор). Геология нефти. Стр. 32.
- ЧЕРНОВ Александр Александрович (1877–1963). Профессор МГУ и Высших женских курсов, позже – Сыктывкар, Ин-т геологии Коми АССР. Геолог, палеонтолог (амmonoидеи перми). Стр. 47, 60, 61.
- ЧИХАЧЕВ Павел Константинович (1899–1968). ЦНИГРИ – ВСЕГЕИ. Геолог, палеонтолог (амmonoидеи юры). Стр. 85.
- ШАПОРИН Юрий (Георгий) Александрович (1887–1966). Композитор. В войну был во Фрунзе, встречался с А.А. Борисяком. Стр. 18.
- ШАТЕЛЕН Михаил Андреевич (1866–1957). Член-корр. АН (1931). Энергетика, электротехника. Стр. 8.
- ШАТСКИЙ Николай Сергеевич (1895–1960). Академик (1953). ГИН (директор, 1956–1960). Геолог. В войну – Башкирская нефтяная экспедиция. Стр. 53, 55, 59.
- ШИШОВА Нина Александровна (1899–1972). В ПИН 1937–1965. Мшанки верхнего палеозоя. В войну – Башкирская нефтяная экспедиция. Стр. 52, 53, 57, 59-63, 90.
- ШЛЫГИН Евгений Дмитриевич (1889–1980). Академик АН Казахстана, сотрудник ЦНИГРИ, геолог. Стр. 46.
- ШМАЛЬГАУЗЕН Иван Иванович (1884–1963). Академик (1936). Эволюционная морфология. Стр. 23, 88.
- ШМИДТ Отто Юльевич (1891–1956). Академик (1935), вице-президент АН (1939–1942). География, математика. Стр. 8-10, 12-14, 21, 22, 36.
- ШУЛЬГА-НЕСТЕРЕНКО Мария Ивановна (1891–1964). Докт. геол.-мин. наук (1940). В ПИН 1937–1955. Амmonoидеи перми, мшанки палеозоя. В войну – Башкирская нефтяная экспедиция, потом Сыктывкар, работа на Северном Урале с мужем А.А. Черновым (см.). Стр. 52, 54, 56, 59, 60, 63, 92.
- ЭБЕРЗИН Анатолий Георгиевич (1904–1970). Докт. геол.-мин. наук (1940). В ПИН 1937–1970, зав. музеем (1937–1939), зав. лабораторией, отделом, кабинетом (1949–1969). Стратиграфия неогена, двустворчатые моллюски кайнозоя. В войну – Кавказ («Грознефть»), потом Фрунзе. Стр. 83, 85, 93.
- ЭГЛОН Ян Мартынович (1888–1971). В ПИН 1930–1971, скульптор-реставратор. В войну Урал (ЭОН), Алма-Ата, Фрунзе. Стр. 30, 33, 37-40, 42, 44, 48, 50, 71, 80.
- ЭДЕЛЬШТЕЙН Яков Самойлович (1869–1952). Докт. геол.-мин. наук, профессор. Геолком – ВСЕГЕИ, ЛГИ. Геолог, геоморфолог, географ. В войну – Урал, один из руководителей ЭОН. Стр. 74.
- ЭНГЕЛЬГАРДТ Владимир Александрович (1894–1984). Академик (1953). Биохимик. Стр. 14, 86, 96.
- ЯЦКО Иван Яковлевич (1896–1978). Докт. геол.-мин. наук, профессор. Одесса, Университет. Моллюски кайнозоя. Стр. 76.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

Палеонтологический институт встретил окончание Великой Отечественной войны уже без своего создателя, скончавшегося в 1944 г. После войны директором Института стал академик Ю.А. Орлов, продолживший научные традиции своего учителя и очень много сделавший для создания современного Палеонтологического музея, который с 1966 г. носит его имя. Теперь и Институт по праву получил имя своего основателя. Как можно узнать из переписки военных лет, сам академик А.А. Борисяк полагал, что Палеонтологический институт должен носить имя создателя эволюционной палеонтологии В.О. Ковалевского. Но так как именно А.А. Борисяк заложил основы отечественной палеонтологии современного уровня, присвоение его имени созданному им научному учреждению является не только данью уважения выдающемуся ученому и организатору науки, но и честью, обязывающей сотрудников ПИН к дальнейшим трудам и достижениям.

Что Палеонтологический институт представляет собой сегодня? Как и раньше, наш Институт остался очень маленьким по академическим меркам, всего около ста научных сотрудников, но из них треть — доктора наук. По сравнению со временами А.А. Борисяка ПИН резко усилил свое представительство в Академии — сегодня в штате Института шесть академиков (Л.П. Татарин, А.Ю. Розанов, Б.С. Соколов, Э.И. Воробьева, Г.А. Заварзин, М.А. Федонкин) и один член-корреспондент (Н.В. Парин). Институт работает в тесном творческом сотрудничестве с целым рядом авторитетнейших зарубежных организаций — например, с НАСА, многими ведущими университетами, институтами и музеями Европы, Азии, Америки, Австралии и Африки. Бесспорно, Палеонтологический институт был и остается ведущим профессиональным палеонтологическим учреждением не только в нашей стране, но и в мире (в том числе и по уровню технической оснащенности). Поскольку сто научных сотрудников не могут охватить весь спектр проблем и направлений современной палеонтологии, в Институте имеется определенная, предпочтительная по важности, постоянная выборка разрабатываемых направлений, тогда как еще многие исследования ведутся в сотрудничестве с другими учреждениями, как отечественными, так и зарубежными. Одиннадцать научно-исследовательских лабораторий занимаются изучением крупных групп организмов (простейших, моллюсков, членистоногих, высших беспозвоночных, растений, рыб и бесчелюстных, земноводных и пресмыкающихся, птиц, млекопитающих и т. д.), либо исследуют некоторые комплексы групп (докембрийские и древнейшие скелетные организмы). Это базовый уровень фундаментальных палеонтологических исследований. На теоретическом уровне формируются надлабораторные творческие объединения, которые разрабатывают крупные проблемы эволюции биосферы, биологического разнообразия, симптоматики кризисов, тонких биостратиграфических исследований и т. п. На этих двух уровнях базируются работы обобщающего характера, которые Институт проводит по различным научным программам — Президиума РАН, Отделения биологических наук РАН, а также международным.

А.А. Борисяк направил развитие отечественной палеонтологии в верное русло «биологизации», и теперь без палеонтологии не может обойтись и не обходится ни одно направление биологии. Именно поэтому Палеонтологический институт часто является головным по биосферным программам (которые объединяют работу многих институтов), обеспечивая платфор-

му для междисциплинарного диалога геологов и биологов, палеонтологов, химиков, генетиков, специалистов в области молекулярной биологии и биохимии, экологов, микробиологов и археологов. В широком смысле палеонтология охватывает все проблемы биологии в их исторической, эволюционной протяженности.

Из переписки А.А. Борисяка можно видеть, как его заботила проблема молодых кадров нашей науки. И сегодня подготовка настоящего палеонтолога остается «штучной» работой. Высокопрофессиональный палеонтолог должен хорошо знать фундаментальные основы геологии и биологии, иметь соответствующие навыки экспедиционных и лабораторных работ, разбираться в современных приборах, досконально знать «свою» группу организмов и иметь хорошее представление о других. Хороший специалист часто зреет со школьных или ранних студенческих лет, поэтому в Институте традиционно самое серьезное внимание уделяется работе со студентами и школьниками. Как правило, будущий сотрудник ПИН — человек увлеченный, фанатик своего дела. И это главное условие его будущего профессионализма.

С 2004 г. одной из эффективных форм работы в этом направлении стала Научная школа молодых ученых-палеонтологов «Современная палеонтология: классические и новейшие методы», имеющая статус ежегодной всероссийской палеонтологической конференции. На Школе с приглашенными лекциями выступают ведущие российские ученые, работающие в различных областях наук о жизни, о Земле и в других сферах; молодые ученые представляют устные и стендовые доклады. Основная цель работы Школы состоит в повышении квалификации молодых специалистов, расширении и укреплении творческого сотрудничества палеонтологов, работающих в разных городах, учреждениях и ведомствах. Научная школа организована в Палеонтологическом институте им. А.А. Борисяка РАН и проводится при участии Кафедры палеонтологии Геологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Московского отделения Палеонтологического общества (ВПО), Московского общества испытателей природы (МОИП) и при финансовой помощи программ Президиума РАН «Поддержка молодых ученых», «Происхождение и эволюция биосферы» и «Биоразнообразии и динамика генофондов». В работе Школы ежегодно принимают участие от 50 до 70 молодых палеонтологов, представляющих более 30 научных учреждений и около 20 городов. К молодым палеонтологам России присоединились коллеги из Азербайджана, Украины, Беларуси, Китая. В 2008 г. Научная школа посвящена памяtnому событию — присвоению Палеонтологическому институту имени А.А. Борисяка.

В переписке с сотрудниками А.А. Борисяк неоднократно возвращался к важности популяризации палеонтологических знаний, палеонтологической культуры. Сегодня, когда благодаря динозаврам и связанной с ними киноиндустрии палеонтология действительно стала элементом мировой массовой культуры, Институт всеми доступными средствами развивает познавательную составляющую этого дела. Это и многочисленные научно-популярные публикации, и участие в тематических телепрограммах и радиопередачах, и интервью и консультации для газет и журналов. Одной из самых наглядных и привлекательных форм этой работы являются передвижные палеонтологические выставки, посвященные истории развития жизни на Земле. Передвижные выставки ПИН неизменно пользуются большим успехом в России и за рубежом — они проходили в Санкт-Петербурге, Архангельске, Рыбинске, Вологде, Владивостоке, Ярославле, Ульяновске, Череповце, Рязани, Калуге и других городах, а из зарубежных стран — во Франции, Италии, Германии, Польше, Финляндии, на Кипре, в Японии, Южной Корее, США, Канаде, Австралии. Помимо рекламы отечественной науки у этой сферы есть еще один важный аспект — даже в тяжелые для российской науки 1990-е годы, когда финансирование зарубежных поездок было минимальным, выставки сопровождались целенаправленной совместной работой сотрудников Института со специалистами из ведущих зарубежных научных учреждений.

Продолжает развиваться Палеонтологический музей, о котором так радели академики А.А. Борисяк и Ю.А. Орлов. Высочайший профессиональный уровень Музея обеспечивается прежде всего тем, что он работает при Институте. Все научные достижения быстро отражаются экспозицией, ее научным содержанием, экскурсоводы постоянно получают консультации ведущих специалистов. Научные сотрудники Института участвуют в обновлении сопроводительной информации и модификации витрин. При высочайшем научном уровне Музея, его экспозиция выполняет важную учебно-просветительскую и даже культурную функцию, ведь основные посетители — это школьники. Сегодня многие туристические фирмы, организующие поездки детских групп в Москву, стали включать Палеонтологический музей в число основных объектов посещения — вслед за Кремлем, Третьяковской галереей и так далее. И в этом отношении мы видим свою задачу не только в просвещении, но и в воспитании — воспитании нравственного, бережного отношения ко всему живому на Земле, воспитании уважения к прошлому, к истории жизни.

В заключение хотелось бы выразить твердую уверенность, что заложенные академиком А.А. Борисяком и воспринятые и развиваемые его преемниками принципы современной палеонтологии будут иметь свое творческое продолжение в работах новых поколений ученых, что приведет к новым большим успехам нашей науки.

А.Ю. Розанов, А.В. Лопатин

И.В. Бодылевская
**Академик А.А. Борисяк Палеонтологический институт
в годы войны. 1941–1943 гг.**

ПИН РАН, 2008 г.

Ответственный редактор А.Ю. Розанов
Заместитель ответственного редактора А.В. Лопатин
Компьютерная верстка: М.К. Емельянова
Обложка: А.А. Ермаков

Издание осуществлено при поддержке программы Президиума РАН
«ПОДДЕРЖКА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»

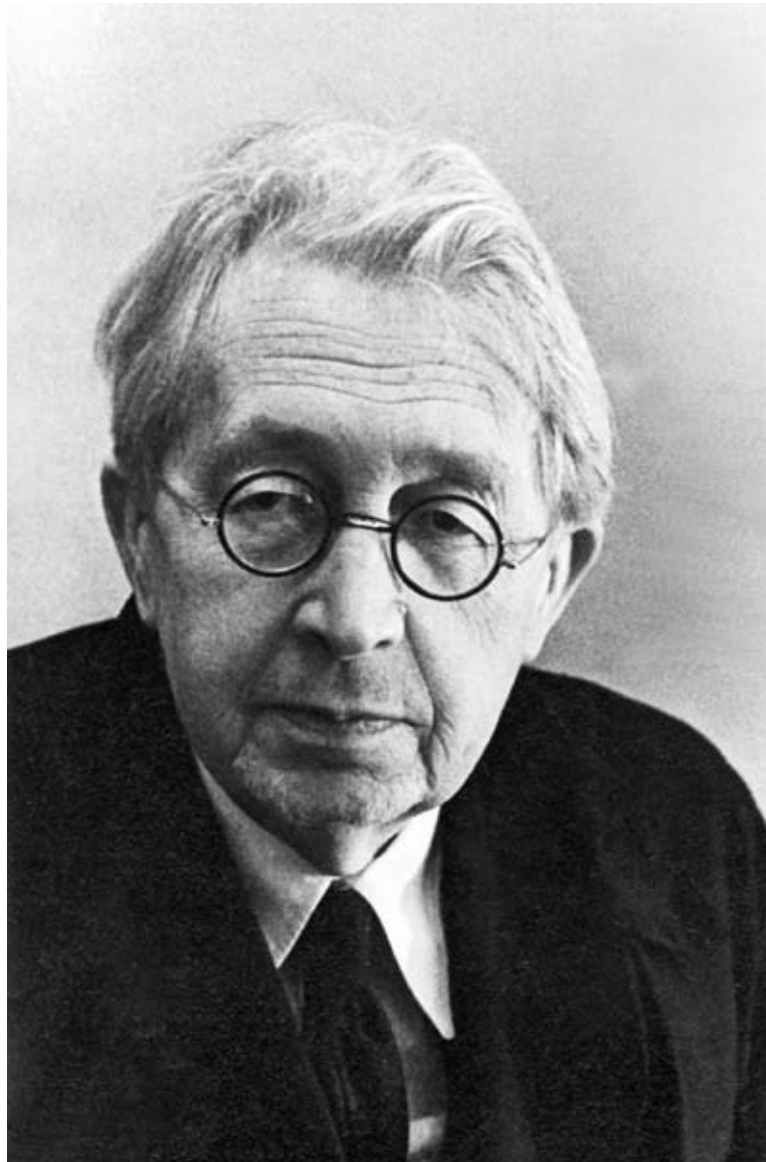
Подписано в печать 18 сентября 2008 г. Формат 60x88/8.
Гарнитура «Академия». Печать офсетная. Бумага офсетная.
14 усл. п. л., 10 уч-изд. л.
Тираж 600 экз.

Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
Москва, Профсоюзная, 123

Отпечатано в типографии Лакшери-Принт
Москва, ул. архитектора Власова, д. 21, корп. 3
Заказ №

А.А. Борисяк. 1940 г.

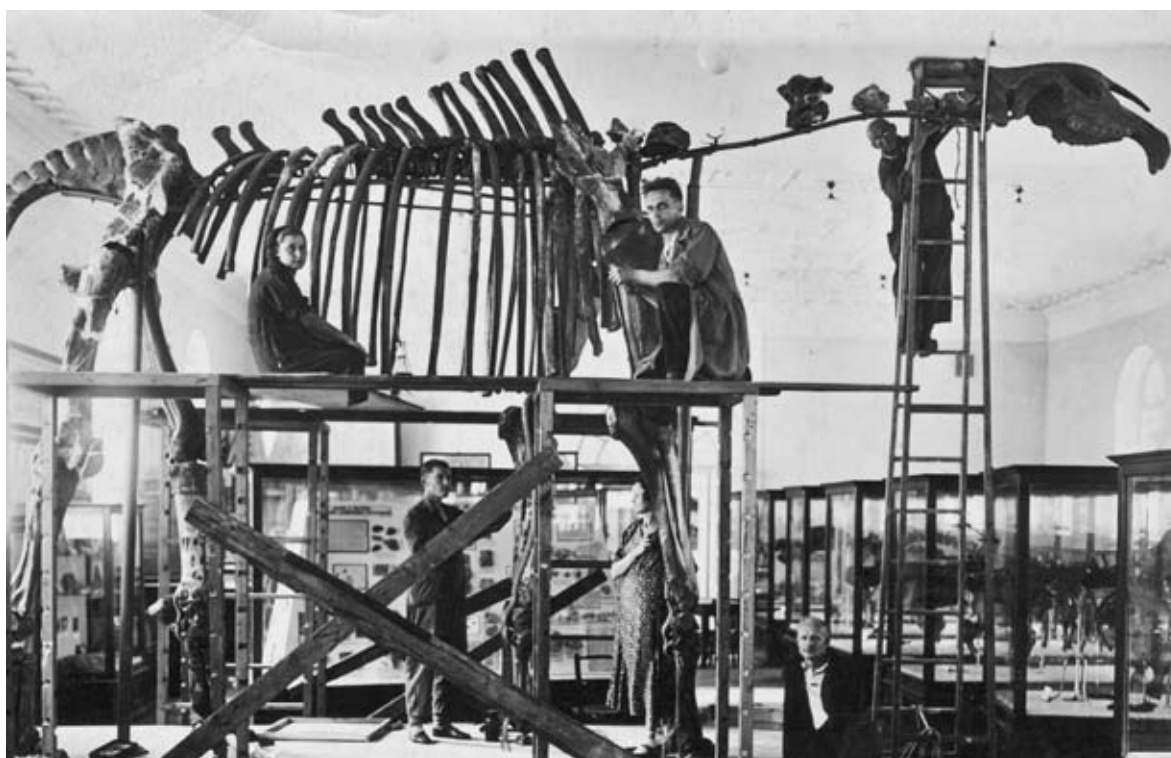
А.А. Борисяк. 1941 г.

Совещание по вопросам преподавания палеонтологии, март 1941 года.

IV ряд: Р.Л. Мерклин, В.В. Меннер; III ряд: Р.Ф. Геккер, О.Н. Щеглова-Бородина, Я.М. Коваль, А.А. Эрлангер, П.Н. Варфоломеев, Ю.М. Феофанова, Л.А. Эрлангер, Г.Г. Астрова, А.Г. Завидонова, А.И. Золкина, Е.А. Иванова, В.П. Василенко, И.И. Горский, Р.Б. Самойлова; II ряд: А.С. Пересветов, Е.А. Геккер, А.В. Приходько, Г.В. Распов, Н.Х. Дампель, О.К. Григорьева, Б.П. Жижченко, В.Г. Камышёва-Елпатьевская, А.Г. Аскеров, А.А. Чернов, В.И. Бодылевский, В.В. Богачёв, Ю.А. Орлов, В.А. Чердынцев, Я.М. Богуславский; I ряд: А.Е. Юнгерман, Д.М. Федотов, М.И. Шульга-Нестеренко, В.А. Варсанюфьева, А.А. Борисяк, М.А. Болховитинова, М.Э. Янишевский, Л.М. Кречетович.

Перед отъездом в Москву.
Слева А.А. Борисьяк. 1933 г.

Монтаж индрикотерия в Большом зале старого Музея. Внизу справа К.К. Флёров,
на лестнице Я.М. Эглон. 1940 г.

А.А. Борисьяк. 1942 г. Фрунзе.

Д.М.С. Ватсон, И.А. Ефремов, Е.Д. Конжукова, К.К. Флёров, Д.В. Обручев. 1940/1941 гг.

А.А. Борисяк и академик Л.А. Орбели. 1941 г.

Н.В. Кабакович, А.Н. Сокольская,
Т.А. Добролюбова, Т.Г. Сарычева, Е.Д. Сошкина. 1946 г.

Пиновцы — ветераны войны. Стоят Р.Л. Мерклин, А.Я. Година, А.А. Кирпичников, Е.А. Малеев,
А.В. Скиндер; сидят В.А. Прокофьев, Н.А. Шкилёв, И.Ф. Логинов, В.А. Пресняков. 1950-е гг.

Совещание памяти А.А. Борисяка 28 февраля 1947 г.

1. А.С. Пересветов
2. Т.А. Добролюбова
3. ?
4. П.М. Стеванович
5. Е.И. Мягкова
6. Т.Б. Рукавишникова
7. ?
8. В.П. Василенко
9. С.В. Тихомиров
10. Н.К. Быкова
11. Б.П. Марковский
13. ?
14. Т.Г. Сарычева
15. А.А. Эрлангер
16. С.В. Семихатова
17. Е.С. Порецкая
18. Т.Н. Алихова
19. Е.Д. Сошкина
20. А.В. Приходько
21. Е.О. Новик
22. М.И. Шульга-Нестеренко

23. А.И. Ляшенко
24. Ю.А. Орлов
25. М.А. Борисяк
26. В.В. Меннер
27. С.Е. Розовская
28. В.Д. Принада
29. Л.И. Хозацкий
30. А.Н. Иванов
31. ?
32. Р.Ф. Геккер
33. К.Б. Кордэ
34. Б.А. Трофимов
35. Н.В. Кабакович
36. А.Н. Сокольская
37. И.Т. Журавлёва
38. О.М. Мартынова
39. Н.С. Переславцева
40. Е.Э. Беккер-Мигдисова
41. Е.И. Беляева
42. А.К. Рождественский
43. Е.А. Иванова

9	10	11	12	1	2	3	4	5	6	7	8
		13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	
33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44
								45	46	47	48
									49	50	51
										52	53
											54
											55

44. Б.С. Соколов
45. Д.В. Обручев
46. Р.А. Мерклин
47. А.Г. Эберзин
48. А.П. Жузе
49. В.С. Бажанов
50. ?
51. И.Е. Малярова?
52. В.В. Щеглова
53. В.А. Сытова
54. Н.А. Шишова
55. Е.О. Дудельзак

Ю.А. Орлов

Е.А. Иванова. 1968 г.

Р.Ф. Геккер

Т.Г. Сарычева. 1947 г.

Т.А. Добролюбова. 1950 г.

Н.В. Кабакович

А.Н. Сокольская

В.Е. Руженцев

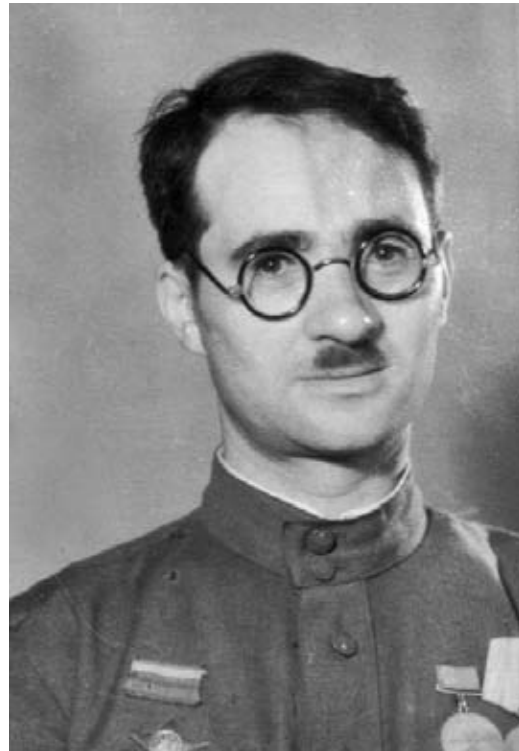
Д.В. Обручев

И.А. Ефремов

Б.Б. Родендорф. 1950 г.

Р.Л. Мерклин. 1941 г.

К.К. Флёров. 1945 г.

Стоят О.Л. Крыжановский
и О.М. Мартынова, сидят Е.И. Беяева
и П. Петрунин. 1946 г.

И.В. Хворова

О.М. Мартынова

М.И. Шульга-Нестеренко

С.Е. Розовская. 1969 г.

Е.Д. Конжукова. 1940 г.

Е.Д. Сошкина. 1956 г.

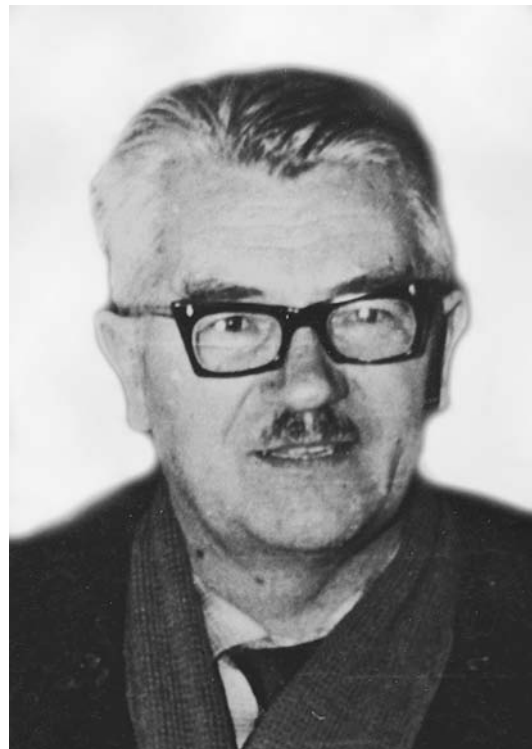
Я.М. Эглон. 1969 г.

М.Ф. Лукьянова. 1942 г.

Н.А. Шишова

А.К. Рождественский

Палеонтологический музей на Старой Калужской. 1937 г.

Ю.А. Орлов ведет экскурсию. 1949 г.